

ФЕДОР КУКИН

ШЕСНЯ
ПЯТОЙ ЭПОХИ
Копьё и Лавр

Это время богов и героев, чудес и чудовищ, богатых полисов и великих царств.

Время, когда грозная восточная империя планирует поставить на колени плодородный полуостров, землю поэтов и мореходов.

Время, когда в прибрежном городе пересекаются судьбы двух девушек.

Дочь свергнутого правителя. Приговоренная к жизни в нищете, она отказывается смириться с судьбой и поступает в академию девушек-воительниц.

Дочь императора с востока. Ее послали в чужую страну, чтобы подготовить вторжение. Но хочет ли она выполнить приказ своего отца и владыки?

Их дружба поднимет в бой армии.

Их любовь освободит древние силы.

Их вражда сотрясет мир.

Добро пожаловать в Пятую Эпоху.

Песни Пятой Эпохи-1: Копье и Лавр

Глава 1. Огненные стрелы

Ио давно полюбила ночные караулы на море.

Днем Орифия слишком уж светлая и шумная. Под лучами солнца белокаменный город горит и сверкает так, что глазам больно. В гавани толкуются корабли, на пристанях крик и толкотня, а с рыночной площади несется гул десятка наречий. Хорошо, конечно, что полис процветает. Да только уху и глазу отдохнуть не на чем.

Иное дело ночью. Теплые бархатные сумерки сползают с северных гор, в окнах зажигаются уютные огни, и волны ритмично плещут по побережью. В такие минуты Орифия становилась для Ио не шумным полисом, но теплым домашним очагом. Великая честь — стоять на страже этого тепла и покоя.

В темноте, дальше от берега, промелькнули смутные силуэты. Ветер донес до триремы треск снастей и крики о помощи. Ио нахмурилась и вгляделась во мрак.

Пираты. Должно быть, вылазка с Бербарии; на южных островах еще пряталось немало разбойничьих баз. Что они здесь забыли?

— Капитан, — молодая женщина в доспехе младшего командира подошла к Ио сзади. — Непокойная будет ночь, а?

— Это точно. На кого им нападать среди ночи, вот в чем вопрос.

— Кажется, ювелиры ждут судно с партией жемчуга. Но его должны были доставить только к утру.

— Кому-то не терпелось выставить товар на рынке до рассвета. Ладно, подавай сигнал сестрам.

— Слушаюсь. А на берег?

Ио прислушалась к шуму вдали, прикинула шансы. Ночь безлунная, морской бой будет трудным. Помощь не помешает.

— Да. Ораторам Тоскара и Птуна.

— Есть, капитан.

Сигнал подали быстро. Краткие вспышки фонарей замелькали на караульных триремах. С берега ответили огоньки дозорных башен.

Лезвие жертвенного ножа скользнуло по запястью оратора. Рослый мужчина стоял перед алтарем на коленях; тело его было покрыто шрамами, лысина блестела в свете факелов.

— О Тоскар, податель смерти, отец доблести! Как муж на поле брани, проливаю я эту кровь в твою честь! Благослови наших защитниц в эту ночь! Благослови их руки твердостью, благослови их стрелы пламенем, благослови их клинки смертью!

Кровь пролилась в белое как полдень пламя, горящее на жертвенном алтаре. Оно горело без дров или угля, а жар его не обжигал оратора, стоявшего к алтарю почти вплотную.

На миг великий храм озарился багровым светом, с жертвенника к потолку взлетели искры. Дым, пахнувший потом и каленой сталью, устремился к небу.

Бог-воитель принял жертву.

— Птун, вождь ветров, владыка волн! Для верных тебе да будет попутным ветер и ласковой волна! Прими же знак нашего почтения!

Молодой оратор опустил руки в большую чашу с морской водой. Он зачерпнул пригоршню мокрых серебряных монет и бросил их в жертвенное пламя.

Серебро сгнуло в огне, не оставив ни капли расплавленного металла. Хлынувший к потолку дым отдавал солью, свежей рыбой и разрядами грозы над морем. Стены храма дрогнули, когда по ним прокатилось подобие громового раската.

Когда триремы подошли к месту схватки, Ио тихо выбранилась сквозь зубы. Дело было даже хуже, чем они думали.

Стая юрких судов под черными парусами гнала по волнам массивное торговое судно. Так волки гонят к лесу тучную, испуганную овцу. Гарпуны и крюки летели в оба борта несчастного купца, стремясь опутать и удержать его для абордажа.

А рядом на волнах покачивались перевернутые и разбитые остовы маленьких лодочек. Орифийские рыбаки, вышедшие на ночной промысел. Должно быть, какой-то из кораблей налетел на них в горячке погони, или же их потопили неудачными залпами.

Капитан стиснула зубы. Гибель свободных граждан взывает к отмщению.

— Фаланга! Стрелы на тетиву! Целься!

Лучницы, как всегда, повиновались без промедления. Один удар сердца, чтобы выхватить стрелу из колчана и натянуть тетиву. Еще один удар, чтобы прицелиться в темные силуэты пиратских кораблей.

Первый выстрел в ночном бою всегда самый сложный. После него становится легче.

— Огонь!

Стрелы засвистели в воздухе.

Еще не достигнув цели, в высшей точке полетной дуги, стрелы занялись огнем. Пламя плясало на стальных наконечниках, не питаемое никакой смесью или растопкой, но жаркое, как маленький костер.

Тоскар-воитель явил свою милость.

В это же время ветер переменился. Черные паруса беспомощно схлопнулись, корабли бербаров сбавили скорость. Даже в темноте попасть по такой мишени для опытной лучницы с твердой рукой не больно-то сложно.

Горящие стрелы вонзились в борта, пробивали черный холст парусов, посыпались на палубы. Гортанные крики и проклятия бербаров огласили ночное море.

Каждый пиратский корабль превратился теперь в большое огненное пятно в темноте. Вот почему после первого выстрела становится легче.

С большей частью вражеских судов не пришлось даже сближаться для абордажа. Паруса прогорали дотла. Экипаж бросался в море, спасаясь от пламени. Оставалось только дожидаться, пока эти суда догорят и спаленными деревянными остовами пойдут на дно.

Но один корабль стрелы все-таки не достали. Видя, что удача столь безжалостно им изменила, пираты спешно повернули судно назад, на Юг. При виде этого бегства глаза Ио мстительно сузились.

Ну уж нет, трусливая падаль. За жизни рыбаков вы нам ответите.

— Сближение по правому борту! Приготовиться к рукопашной!

Женщины Фаланги издали краткий боевой клич. Ио готова была спорить, что не один смрадный бербар обмочился со страху от этого крика. Из ножен со зловещим шелестом показались глади — прямые короткие мечи с широким лезвием, излюбленное оружие воинов Орифии.

Ветер раздул парус триремы и помчал ее в погоню легко, как брошенный по воде камень. Черный пиратский парус, между тем, лопнул от резкого порыва; безобразная дыра убила все надежды разбойников спастись от погони. Птун, должно быть, от души веселился, глядя на то, как наглые чужеземцы тщетно пытаются покинуть его воды.

Мечницы выстроились по правому борту в боевом порядке. Фибулы их плащей со священным знаком Фаланги — копьем, заключенным в лавровый венок — блестели в отсветах огня, как глаза демонов мщения.

Когда бьешься в союзе с самими богами, это почти пьянит. Кажется, что ты окована непробиваемой броней, а на сандалиях отросли крылья. Тело само подсказывает все нужные движения, и поражение кажется выдумкой пьяного поэта.

Едва Ио разжала канат и приземлилась на чужую палубу, как ее встретил вражий клинок. Но капитан среагировала моментально: гладий метнулся в ответ, и меч в руке бербара раскололся надвое. Мудрено было сказать, чего тут было больше: фехтовального мастерства Ио или благосклонности Тоскара. Капитан предпочитала думать, что эти вещи взаимосвязаны. Воитель благоволит тем, кто упражняет тело и совершенствует себя в ремесле войны.

Темнокожие, белозубые, с налитыми кровью глазами, бербары производили впечатление страшных противников. Но выучке и силе Фаланги они, изрядно уже струсившие, противопоставить ничего не могли. Мечи воительниц будто были заточены об алмазы; каждый удар отсекал начисто руку, ногу или голову.

С остатками шайки было покончено прежде, чем горящие корабли исчезли в пучине.

— Что они там сигналият? — устало спросила Ио.

От пота глаза щипало, и огненные сигналы со спасенного купеческого судна было не разобрать.

— Говорят, целуют землю под нашими ногами, — разъяснила младший командир.

— Так мы же не на земле.

— Никак нет, капитан, — невозмутимо кивнула командир. — Еще говорят, что пожертвуют в храмы десятков жемчужин. На молитвы за нас, стало быть.

— Всего десятков? Да ну! Спроси-ка лучше, нет ли у них на судне десятка статных мужиков. Я бы сейчас не отказалась.

Младший командир фыркнула, усмехнулась и Ио.

— Ладно, чего сидим? Всем триремам — обратный путь. Поплыли домой.

— Капитан! — раздался вдруг звонкий крик у борта. — В воде человек! Орифийка!

Ио тут же вскочила на ноги и побежала на зов. Из ее бойцов в море никто не падал. Неужели кто-то из рыбаков с тех растерзанных лодок? И как она только уцелела?

Но сомневаться не пришлось: из темноты доносились призывы о помощи на ладдийском. Голос девичий и совсем юный, подметила капитан. Наверное, дочь вышла с отцом на промысел. Злосчастная.

За борт уже кинули веревку. Раз-два, взяли! Худая фигурка показалась из темноты и повалилась на палубу.

— Огня, огня! — командуя, капитан одновременно сбросила плащ и укутала им девушку.

Это надо было сделать немедленно: борясь с холодными ночными волнами, бедняжка

продрогла до костей. Некоторое время она просто лежала под плащом капитана, свернувшись клубком и без остановки стуча зубами.

— Ш-ш-ш, — Ио, как могла ласково, погладила тело под плащом. — Все позади. Не бойся.

Наконец огонь и теплый плащ сделали свое дело, и девушка подняла глаза на своих спасительниц.

Ей лет шестнадцать, много семнадцать, решила Ио. Тело натруженное и соразмерное, но слишком уж жилистое. Такая худоба свойственна людям, живущим в крайней бедности. Русые волосы до плеч совсем вымокли. Серые глаза, цвета ноябрьского неба, смотрели внимательно и настороженно. Будто заранее ждали подвоха или наказания.

Девушка подняла голову, привстала, и капитан опустилась перед нею на корточки.

— Здравствуй, дитя. Я Ио, дочь Юны, капитан Орифийской Фаланги.

— Я... я знаю, кто вы, — кивнула девушка; ее все еще донимала дрожь. — Видела вас в городе.

— Мне очень жаль, что с тобой случилось такое. Ты вышла в море с отцом или братьями?

— Нет, капитан. Я вышла одна.

Кто-то из воительниц, услышав это, присвистнул.

— Одна? — переспросила капитан. — Одной удить рыбу ночью, так далеко от берега?

— Мне нужны деньги.

— Но зачем же одной?

— У меня никого нет.

Вот так дела. Послал Птун круглую сиротинку.

— Ну, хорошо. Как тебя звать?

— Ариста.

— Просто Ариста?

Девушка ответила на одном дыхании, как из лука выстрелила.

— Ариста Солонид.

— Что ж, Ариста Солонид, рада...

— Врешь!

Окрик вышел резким и звонким, как удар хлыста. Ио вскинула глаза на воительницу, столь дерзко подавшую голос.

— Я знаю тебя! — рослая женщина в доспехе ткнула пальцем в хрупкую девушку у себя под ногами. — Ты как-то сорвала без спросу яблоко в саду моего брата! Ты Ариста Гракх!

Смерть и преисподняя.

Ио поймала затравленный взгляд серых глаз.

— Это правда? Ты Гракх?

Девушка потупилась и вжала голову в плечи.

— Да, капитан. Простите.

Никому не пришлось в голову спросить, за что она извиняется. Известно за что. Только вот родовое имя Гракх не искупишь и сотней извинений.

Ио оглядела своих бойцов. Женщины, только что смотревшие на рыбачку с участием и жалостью, теперь отступили от нее с опасением и неприязнью.

— Все на весла! Гребем к берегу что есть сил!

Ио обернулась к Аристе Гракх. Девушка сидела, завернутая в плащ, подняв на капитана

серые глаза. Не было в них ни злости, ни удивления. Только горькое понимание. «Знаю, почему вы так испугались».

— Сиди тут и ничего не трогай, — что тут еще сказать, Ио не придумала.

Капитан отошла на нос корабля и постаралась думать только о теплой ванне и спокойном сне.

— Разумно ли везти ее с собой, капитан? — младший командир опять оказалась тут как тут.

— Предлагаешь выбросить ее обратно? — огрызнулась Ио.

— Нет, просто...

— Просто она Гракх. Сама знаю. Надейся, что молитвы ораторов переселят то несчастье, которое она может на нас навлечь.

Должно быть, ораторы и впрямь молились сегодня на славу. Триремы добрались до гавани без приключений и опасностей. С ними, пузатый как призовой бык, подплыл к причалу и торговый корабль.

Перед тем как сойти на твердую землю, Ариста сняла воинский плащ и молча подала его капитану.

— Не... не нужно. Оставь себе.

Ио не была уверена, что движет ею больше: щедрость и жалость, или страх того, что плащ теперь сглажен.

Ариста, по-прежнему молча, спустилась по трапу на причал. Сейчас она уйдет, и это паскудное напряжение в воздухе наконец рассеется.

— Подожди! — вырвалось у капитана Фаланги. — Тебе ночевать-то есть где?

Ио тут же прокляла себя за сентиментальность. Ей-то что за дело, есть ли проклятой Гракх где ночевать? Можно подумать, если негде, то капитан готова дать ей кров!

Рыбачка обернулась. Русые волосы подсохли и лежали на плечах непослушной гривой. Одинокий голодный зверек.

— Сегодня есть.

Она зашагала прочь по причалу. Капитан хотела было сказать что-то еще, но не нашлась. Вроде и нечего было говорить.

Худенькая фигурка с чужим плащом на плечах шагнула во мрак спящего города и исчезла.

Глава 2. Стекланный глаз

С вершин священных зиккуратов огласили начало вечерней молитвы. Закатное солнце, пылающее остатками дневного жара, озаряло величайший из городов алыми лучами.

Свет и жар в последний час этого дня изливались на крепостные стены из жженого кирпича, заложенные семью мудрецами в молодые дни мира; на тучные поля и пастбища в пригородах, которым несла влагу хитроумная ирригационная система; на тысячи глиняных домов, теснившихся вдоль узких улиц. Закат пустыни догорал над лавками и базарами, над грязными пятнами трущоб и золочеными крышами зиккуратов. Но всех ярче горела огромная статуя на главной площади. Золотой колосс возвышался над лачугами, дворцами, и даже храмами — статный мужчина с пышной кудрявой бородой, в боевых доспехах, с обнаженным клинком в правой руке и табличкой для письма в левой.

Таков был закатный час над Камаргандом, столицей империи Хеменидов, величайшим из городов земных.

Услышав призыв с вершин зиккуратов, купцы и ремесленники закрыли лавки и мастерские, крестьяне оставили плуги, а пастухи погнали дома овец и коз. Дети побежали домой, прочь от игр и забав. Затихли гнусавые причитания нищих на площадях. Город погрузился в молитву.

О чем же молился народ Камарганда? О послушании. Каждый крестьянин и ремесленник, купец и жрец повторяли в этот час заученные с детства слова, обращенные к Хемену — грозному царю древности, чья статуя возвышалась над городом.

Честные люди говорили Подателю Законов, что были в этот день верны и искренни, послушны властям и законам великой империи. Те же, кто сегодня запятнал себя — взяткой, обманом или дерзким словом — молили Истребителя Чудовищ о прощении, обещали впредь повиноваться его законам и не навлекать более его гнев. При этом грешники невольно содрогались. Они знали, что неукротимая воля основателя империи и через тысячу лет после его смерти довлеет над ними и не замедлит покарать за грех — неудачами в делах, бедами в семье или гневом нынешних правителей.

Главная площадь Камарганда упиралась в холм, который как бы вырос из сердца города, стремясь ввысь, к жестокому пустынному солнцу. И там, на холме, раскинулся прекрасный висячий сад. В окружении зеленых побегов и пестрых цветов с пьянящим ароматом журчали фонтаны. Все тише пели уходящие ко сну диковинные птицы.

А в тени сада стояли великолепные просторные палаты из белого камня, чья крыша была покрыта червонным золотом. Шум городской жизни почти не долетал сюда; это место было скрыто от гама и жары тенью прекрасного сада.

Дворец императора.

Тамриз в последний раз вдохнула прохладный воздух сада и прошла через террасу в зал. Перед дверьми девушка сбросила с ног сандалии; по обычаю только правитель империи мог ходить в обуви по священным залам дворца.

Отец и брат как раз окончили молитву. Отец развалился в удобном ложе с мягкими подушками и протянул руку за кубком вина. Смуглая рабыня, полностью обнаженная за исключением набедренной повязки, в молчаливом усердии подала кубок владыке.

— Мой император, — громко сказала Тамриз, надеясь, что слова ее звучат уверенно и

твердо.

Аббас II Хеменид с изумлением взглянул на дочь. Тамриз стояла посреди зала, одетая в легкий боевой доспех. Бронзовый нагрудник и кольчужный пояс тонкого плетения защищали грудь, живот и торс. За спиной у принцессы был закреплён простой скимитар без ножен. Черные волосы, забранные под медную сетку, оставляли открытой смуглую, ничем не защищенную спину. Бойцы империи надевали такие доспехи, чтобы показать: они не отступят и не побегут от опасности. А если побегут, то сами приглашают смерть нанести удар в голую спину.

— Что это значит, дочь наша?

Голос у императора был низкий и гулкий, даже если говорил он негромко.

— Мы не видели тебя на дневной трапезе, хоть нам это и было угодно. Или угождать отцу и владыке ниже твоего достоинства? — в словах Аббаса проскользнула насмешка.

Тамриз мысленно прокляла себя: как всегда, слова и тон отца заставили ее вспыхнуть и ощутить давящий жар в груди. Мраморная кладка под босыми ногами показалась холоднее обычного. Будто бы пылающий в сердце огонь смущения даже легкую прохладу делал невыносимой стужей.

— Мой император, я вновь прошу: позвольте мне вступить в ряды Безмолвных, учиться искусству смерти и тем угодить вам! — выкрикнула Тамриз.

Пожалуй, быстрее и громче, чем следовало бы. В прошлый раз, когда они вели этот разговор, она сказала лучше.

Аббас вздохнул и отпил еще вина. На Тамриз пахнуло терпким запахом горных трав. В последнее время отец почему-то полюбил мутить благородный напиток пахучими смесями.

— Мы полагаем, ты усердно тренировалась после твоей последней просьбы?

— Да, владыка.

— Очень хорошо. Джохар! — вдруг рявкнул император тому, кто стоял за ложем.

Брат хищно улыбнулся и в два прыжка оказался на середине зала, шагах в пяти от Тамриз. В такие минуты — перед боем или казнью — Джохар более всего напоминал принцессе пантеру. Черные, как у сестры, кудри разметались по плечам, мускулистая грудь возбужденно вздымалась. Брат потянулся почти по-кошачьи, делая шаг навстречу Тамриз. Темные глаза скользнули по ее фигуре. Глаза пантеры, обдумывающей, стоит ли поиграть с антилопой, прежде чем ее съесть.

— Проверь ее, — с улыбкой приказал отец.

Несколько минут тишину в зале нарушали лишь звон сталкивающихся скимитаров, шорох голых ступней по мрамору да шумное, тяжелое дыхание бойцов.

Затем раздался хриплый рык боли. Клинок Джохара вскользь прошел по шее сестры, оставив на смуглой коже кровоточащую царапину. Тамриз знала: если б это был настоящий бой, брату ничто не помешало бы сместить клинок на ноготь вправо и вспороть ей горло.

Ярость при мысли о том, какой жалкой она выглядит сейчас в глазах отца, заставила Тамриз броситься в контратаку. Выпад! Замах! Клинки скимитаров сталкивались с такой силой, что на мраморный пол упало несколько искр.

Предупредив неосторожную атаку брата — гнев придал ее чувствам удивительную чуткость и скорость — Тамриз поймала скимитар Джохара тыльной стороной собственного клинка и сделала резкий круговой замах. Так скручивается бич после удара.

Пойманный врасплох, Джохар не удержал рукоять оружия. Скимитар вылетел из его

руки и отлетел далеко в сторону.

Торжествуя, Тамриз сделала победный выпад. Уколоть плечо брата, пустить ему кровь — большего пока не надо! Отец увидит, что она не уступит его любимчику Джохару, увидит и наконец...

Острые скимитара замерло, не достав плеча Джохара. Принц ухватил заточенный клинок правой рукой и сжал лезвие, не давая Тамриз завершить выпад. Добрая сталь прорезала ладонь, кровь полилась на мраморный пол. Но Джохар оскалился в улыбке, которая презирала любую боль.

Прежде чем Тамриз сообразила, что делать, брат выбросил вперед ногу и ударил ее в живот. Нагрудник смягчил удар, но воздух все равно вырвался из груди, дыхание перехватило. Девушка отлетела назад и врезалась голой спиной в твердые мраморные ступени у подножия отцовского ложа. Встать она не успела: Джохар больно прижал ее кисть ногой, заставив выпустить скимитар. Зрачки принца хищно расширилась. Голая грудь блестела от пота, будто намазанная благовонным маслом.

— Пустить ли еще крови для ума, о император? — поинтересовался Джохар.

— Не нужно, — отозвался с ложа отец. — Пусть встанет.

Джохар пожал плечами и убрал ступню с кисти сестры. Стиснув зубы, чтобы не выдать саднящей боли в животе, Тамриз поднялась на ноги. Порез на шее противно жгло и щипало.

Аббас подался вперед и с мягкой снисходительной улыбкой подал дочери кубок вина.

— Отдохни, дочь наша. Отдохни и пойми наконец: ты не готова учиться у Безмолвных искусству смерти.

— Я была бы готова, если бы ты дал мне готовиться! — от жгучего стыда и злости Тамриз забыла даже обратиться к владыке в третьем лице. — Джохара учили лучшие воины, прежде чем он прошел испытание боем! Мне же ты...

Без злобы, почти не прилагая сил, император ударил дочь по лицу тыльной стороной ладони. Тамриз выронила кубок и разлила вино по ступеням, но не проронила ни звука. Дальше говорить не было смысла. Если отец ударил — стерпи и смолчи, чтобы не вызвать настоящий гнев.

— Мы не хотим слышать от тебя дерзости против отца и владыки, — тихо сказал император. — Твоя доля будет решена нами во благо империи и по законам праотца нашего Хемена. Ты поняла?

— Да, мой император, — Тамриз не подняла глаз.

— Хорошо. Ты!

Аббас II щелкнул пальцами в сторону смуглой рабыни.

— Протри пол, и пусть внесут карту Ладды. Пора обсудить дела войны.

Тамриз стояла за ложем отца и смотрела на мозаичную карту, которую усердные рабы уложили на полу.

Ладда.

Об этом западном полуострове Тамриз знала не так много. Знала, что там живут дикари и безбожники, ведь у них нет ни единого бога, ни единого правителя. Вместо этого они молятся множеству разных богов, а когда решают какое-нибудь дело, собираются на площадях и криком и драками выясняют, кто прав. Их города живут сами по себе и управляются, как вздумается, без порядка и толка. Даже в любви там нет закона: мужчины там спят с юношами, а девушки сходятся со сверстницами. Ужасно, должно быть, жить в

таким диким краю.

Знала Тамриз и то, что три поколения назад ее прадед, Аббас I, снарядил большое войско и попытался мечом донести до этих диких людей благие законы Хемена. Но прадед потерпел неудачу: войско его сбросили в море, а флот разбили. В детстве служанки рассказывали Тамриз: старый император отступал в такой ярости, что высек бичом воды моря, посмеявшегося помогать дикарям.

А вот как давно отец задумал завершить дело пращура и расширить империю еще дальше на Запад — этого Тамриз не знала. Впрочем, важно ли это? Желание императора претворяется в жизнь, когда бы оно ни зародилось.

Вокруг карты собрались мужи войны: Джохар и несколько опытных военачальников отца. Сам император по-прежнему восседал на ложе, глядя на карту сверху вниз; вино, однако, из зала убрали. Владыка желал быть трезв, когда говорил о делах войны.

— Орифия.

Джохар указал на мраморную точку в южной части карты. Там, где полуостров обрывался в море.

— Вот что стоит у нас на пути. Пока не возьмем ее, не сможем и закрепиться на земле варваров для новых битв.

— И более того, мой принц, — согласно кивнул Мараний, старый флотоводец с белым шрамом от меча на лысой макушке. — Корабли орифийцев столь быстры и маневренны, что могут поспеть на помощь любому другому прибрежному городу варваров. Нет им равных в битве на море. Пока не падет Орифия, нам не проложить надежный путь по морю от наших земель до Ладды.

— И думать нечего! — вскричал Джохар. — Мой император, нам следует собрать флот и ударить по Орифии всеми силами, какие у нас есть! В нашей власти одним ударом сбить этот ржавый запор, отделяющий нас от плодородных земель варваров!

Аббас II подался вперед и сцепил руки под завитками своей густой черной бороды. Темные глаза его, на дне которых горел огонь неколебимой властности, сузились. Трудно было сказать, заинтересован он или раздражен.

— Скажите же нам, — в полной тишине негромкий голос императора прозвучал тяжело и грозно, — прав ли сын наш Джохар? Есть ли в нашей империи силы, способные уничтожить несносную Орифию и обеспечить нам проход в земли Ладды?

«Спросите об этом бербаров, чьи трупы прибило третьего дня к нашим берегам!» — хотелось сказать Тамриз. До Камарганда уже докатились слухи о том, что ни один пиратский корабль и ни одна флотилия южных царей не может даже близко подобраться к гаваням Орифии. Эти варвары много лет отражали любое нападение на море, откуда бы оно ни грянуло.

Но Тамриз смолчала. Вздумай она говорить, отец просто выгнал бы ее за то, что она вмешалась в разговор мужей. А после, вероятно, снова побил бы.

Военачальники меж тем опустили глаза, кое-кто заерзал на подушках. Никому не хотелось ни спорить со вспыльчивым принцем, ни сообщать императору ложные сведения. Наконец Мараний, набравшись смелости, поднял голову и тихо сказал:

— Блаженный Хемен обеспечил нам большую силу на море, о император. К ближайшей жатве я мог бы снарядить тридцать малых боевых судов и еще...

— Не утруждай себя, Мараний, — улыбка императора была холодной. — Мы хотели знать, сообщат ли нам здесь что-то, чего мы не знаем. Ну что ж... Дарафалл! — окрик был

таким громким, что Тамриз вздрогнула. — Подойди!

Только сейчас все заметили, что в зале находится еще один человек. Никто не слышал, как он вошел, и никто не видел его, пока император не велел ему приблизиться.

С первого взгляда любой сказал бы, что человек этот не житель Камарганда и даже не уроженец империи. Кожа его была белой, молочно-белой, как у варваров Запада. Тамриз не сказала бы точно, сколько ему лет. На лице его не было ни морщинки, но между тем волосы его были абсолютно седыми.

Баррад Дарафалл — так звали подошедшего — встречался Тамриз всего два-три раза за последнюю пару лет. Он иногда появлялся во дворце, говорил с отцом наедине, бродил по Камарганду. И затем исчезал в пустыне столь же поспешно, как и появился. Отец почему-то благоволил ему; этот человек даже — слыханное ли дело! — ходил по священным залам дворца в обуви.

Дочь величайшего человека на земле, Тамриз не боялась людей. Но Дарафалл тревожил ее. И ей самой трудно было объяснить, почему.

Потому ли, что долгие скитания по пустыне каким-то чудом не сделали его смуглым и загорелым? Кожа его по-прежнему оставалась бледной, будто бы солнечный свет бежал от него.

Потому ли, что Дарафалл шел через зал в плотном черном одеянии с капюшоном, и на лице его не было ни капли пота? Будто бы жара, от которой потели даже голые по пояс мужи, его не касалась.

Или потому, что один глаз Дарафалла был стеклянным? Это в самом деле создавало пугающий контраст — правый глаз смотрел из-под капюшона зорко и внимательно, левый же таращился из глазницы холодным, застывшим взором мертвеца.

Но что бы там ни было, когда Баррад Дарафалл прошел к подножию отцовского ложа, Тамриз инстинктивно сделала полшага назад.

Мужи войны умолкли в недоумении. Джохар раздраженно поджал губы.

— Силы моей жизни принадлежат императору, — тихо сказал человек в черном и поклонился.

— Скажи, Дарафалл, — Аббас спрашивал уже с очевидным раздражением, — мужи войны обещают нам захватить Орифию к концу жатвы. А между тем базарные девки толкуют, что Орифию не взять никаким флотом, и ни одному врагу не подобраться к ее гаваням. Ну, отвечай: кто прав — сын наш и лучшие мужи войны или базарные ишты?

Последнее слово на языке империи означало женщин порочного поведения.

Военачальники почуяли, как сгущается гнев властелина, и затравленно переглянулись.

Но человек в черном лишь улыбнулся.

— Базарные ишты говорят правду, о император. Собери вы даже тридцать больших судов и трижды по тридцать малых, ни один корабль и близко не подойдет к Орифии.

— Вот как? И почему же?

— Потому что боги орифийцев хранят их город. Их жрецы принесут жертвы богу моря, и ваши корабли разобьются о скалы, их же суда поймут попутный ветер и разобьют вас. Орифийцы помолятся богу войны, и их стрелы сами отыщут цель, а кончики их станут ядовиты, как клыки гадюки.

В зале раздался грохот. Это Джохар в приступе гнева оттолкнул мраморную карту с дороги.

— Безбожник лжет нам! — вскричал принц, подступая к ложу отца и фигуре в

черном. — Как смеет этот язычник говорить, будто его лживые боги могут быть сильнее воли блаженного Хемена! Он богохульствует и оскорбляет всех нас!

Тамриз напряглась: вспыхивый брат уже наполовину вытащил скимитар из ножен. Смуглая кожа потемнела от прилива крови. Джохар едва сдерживал ярость.

Баррад Дарафалл примиряюще поднял руки.

— Доблестный Джохар вправе не верить мне. Но коли так, пусть расспросит бербаров, чьи тела прибило третьего дня к вашим берегам. Они расскажут, легко ли врагу подобраться к Орифии.

Тамриз могла поклясться, что при этих словах голова Дарафалла чуть повернулась в ее сторону, и под капюшоном промелькнула улыбка.

— Довольно, Джохар, — сурово сказал Аббас II. — Из всех вас лишь Дарафалл сказал сегодня то, чего мы не знали бы и так.

Джохар, все еще кипя от негодования, отступил на два шага и убрал скимитар в ножны. Мужики войны смотрели на человека в черном со смесью подозрения и злости.

— Отвечай же, язычник: нет ли средства убрать с нашего пути лживых орифийских богов?

— Такое средство есть, о император.

— Говори!

— Сила их, — Дарафалл шагнул на мраморную карту Ладды, усмехнувшись, когда его черные туфли ступили на контуры полуострова, — сила их в огне, горящем на жертвенниках трех храмов Орифии. Если это пламя погаснет, Орифия утратит покровительство своих богов.

— Надо думать, раз этот пламень чародейский, то и потушат его только чары?

— Император понимает верно. Я могу создать нужные чары, но...

Общее внимание было уже крепко приковано к фигуре в черном. Дарафалл стоял прямо на мраморной карте, попирая полуостров Ладду ногами. В сгущающихся сумерках тень его как бы выросла, заполнив собою зал, а голос эхом звенел под каменными сводами.

— Но, что но? — вскричал нетерпеливо Аббас.

— Позволено ли мне сказать как есть?

— Ты пожалеешь куда больше, если не скажешь!

Тамриз подумалось, что человек в черном и так собирался сказать, что хотел, а его почтительность лишь усилила дальнейший эффект промедлением в речи.

— Эти чары не наслать на расстоянии. Верный слуга императора должен тайно проникнуть в Орифию и отравить моими чарами огни их храмов.

— И кто же этот верный слуга? — фыркнул Джохар. — Уж не ты ли?

— Никоим образом. Не мне, но императору выбирать человека для столь важного дела.

В зале повисло молчание. Все присутствующие обдумывали сказанное. У кого-то на лице так и осталось недоумение. У кого-то проступили раздражение, отвращение или неверие.

Джохар дышал часто и тяжело, будто какая-то мысль сидела у него прямо в горле. Наконец, решившись, он повернулся к императору.

— Отец, не буду лгать: я ничуть не верю этому белорожему колдуну и его рассказам о волшебных огнях! Но в одном он прав: проникнуть в Орифию и узнать их секреты будет полезно. Для меня будет честью взяться за это дело!

Аббас покрутил завитки бороды, обдумывая план действий.

— Быть посему, сын наш. Как посол империи ты отправишься в Орифию, разведаешь их колдовские тайны и подорвешь их оборону изнутри. В чем бы она ни состояла, в волшебных огнях или в чем-либо еще.

«Нет!» — хотелось закричать Тамриз. Как, как может отец так ошибаться? Такое задание требует такта, и хитрости, и умения говорить с людьми! Что натворит там этот кровожадный бык Джохар?! Мечта прадеда окажется не исполненной только потому, что отец преступно слеп к недостаткам своего любимчика!

Последней каплей стал самодовольный взгляд Джохара, брошенный через плечо отца. Тамриз знала этот взгляд с детства. «Он любит меня, а не тебя», — говорил этот взгляд. «Я важный, сильный и храбрый. А ты стой за его спиной и помалкивай».

И тут, уже без всякого разрешения, Баррад Дарафалл заговорил снова:

— План императора подобен прекраснейшему из алмазов с ничтожной трещиной. Увы! От этой трещины может разбиться и весь алмаз.

По залу пробежала волна ужаса. Возражать императору вообще считалось делом опасным. Но спорить с владыкой, когда он уже высказал свою волю — верный способ убить и себя, и тех, кому не повезет оказаться рядом.

— Хочешь сказать, мы ошибаемся? — в голосе Аббаса зазвенела сталь.

— Доблестному Джохару нет равных в битве и в совете мужей. Но пусть владыка рассудит: тут ведь потребуются долго жить среди варваров, — на этом слове лицо под капюшоном исказила гримаса, — слушать их подлые речи, прятать вражду под тенью дружбы и лгать о намерениях! Выдержит ли благородное сердце Джохара такую низость?

«Твой сын круглый дурак, и ты прекрасно это знаешь», — перевела про себя Тамриз с языка придворной лести.

— Дочь императора справится куда лучше.

Если бы прямо сейчас в зал ворвалось одно из гигантских чудовищ древности и проглотило ее целиком, Тамриз от всего сердца поблагодарила бы чудище. Изучающие, изумленные взгляды мужчин были невыносимы. Даже отец взглянул на неё с недоумением, будто забыл, что дочь стояла здесь всё это время.

— Тамриз? — скептически произнёс Аббас. — Что она смыслит в таких вещах? Она не обучена войне и смерти.

— Но она девушка, о император.

— При чем здесь это?

— Орифийцы чтут храбрых женщин. Их лучшее войско из женщин и состоит. Если послать к ним принцессу и сказать, что она желает научиться у орифиек их прославленному воинскому искусству, ей, несомненно, поверят. Более того, такая просьба может вызвать у варваров симпатию.

— Силы моей жизни принадлежат императору!

Слова верности вырвались у Тамриз без раздумий, в порыве момента.

— Пусть владыка прикажет, и я исполню любую его волю!

Джохар вот уже несколько минут не понимал, к чему идет разговор, льстят ему или обманывают. Но сейчас он почуял, что шанс показать себя уходит сестре-слабачке, и вспыхнул от зависти и возмущения.

— Исполнит?! Да она не удержит в руках и ножа для мяса! Ты почему ещё здесь?! — взорвался он на сестру. — Вон! Ей не место в совете мужей!

— Пусть отец и владыка сам скажет, где мне место, — ответила Тамриз, поражаясь

собственному спокойствию.

Но трусить перед братом ей было нельзя. Не сейчас, когда у нее появился такой шанс проявить себя.

И снова девушка заметила, как после её слов на лице Баррада Дарафалла мелькнула одобрительная улыбка.

Аббас II думал менее минуты.

— Обычаи орифийцев нам ясны. Мы используем их слабость перед женщинами и обратим себе на пользу. Готовься к отплытию, дочь наша.

Тамриз нагнала фигуру в черном уже на террасе. Висячие сады погрузились в сон, только цикады наполняли ночь мелодичным трезвоном.

— Стой, чернокнижник!

Дарафалл обернулся. Ночные тени скрыли его черты под капюшоном; только стеклянный глаз сверкнул серебром, отражая свет полной луны.

— Ответь: зачем помог мне? Зачем уговорил обо мне отца?

Тамриз ожидала льстивой и витиеватой речи в ответ. Но здесь, в саду, где они были наедине, колдун не сказал ничего.

— Ты знаешь обычаи язычников стократ лучше меня. Ты мог отправиться сам. Или выучить любого из слуг отца. Почему предложил меня? Отвечай же! — повысила голос Тамриз, гневаясь на молчание язычника. — Что тебе до меня?!

В глубине сада плеснул фонтан: какая-то поздняя пташка слетела утолить жажду.

— Ты одинока, принцесса, и сердце твое томится, — тихо ответил Дарафалл. — Только подвиг и смелое дело в силах утолить твою тоску. А в моих силах было помочь тебе.

От удивления Тамриз даже не заметила, сколь грубо колдун пренебрег этикетом обращения. Как дочери императора, ей угождали рабы и льстили мужи государства. Но никто с самых ранних лет детства не говорил с ней о ее чувствах. О том, что она ощущает и почему. Это казалось странным и почему-то неправильным.

Девушка придала голосу властность, надеясь скрыть за нею смущение.

— Научи меня, безбожник. До моего отплытия ты расскажешь мне о делах Орифии, о законах, богах и обычаях. Все, что мне нужно знать, чтоб заручиться доверием варваров.

Голова в капюшоне чуть наклонилась.

— Сила моей жизни принадлежит отважной Тамриз.

Черный силуэт шагнул с террасы и быстро сгинул в тени висячих зарослей.

В ту ночь Тамриз Хеменид в последний раз стояла на террасе, слушая пение цикад и ощущая на лице мягкую прохладу ночного сада.

Глава 3. Последний обол

— Горе мне! — завыл Солон, хватаясь за реденеющие седые волосы. — Моя лодка, моя лучшая лодка!

— Меня саму еле вытащили. Жаркий был бой, — Ариста надеялась, что сочувствие в ее голосе смягчит горе и обиду старика.

Зря надеялась.

— Молчи! — зарычал старый рыбак, тыча в девушку мозолистым пальцем. — Лучше бы это ты потонула!

«Спасибо за заботу, старый жлоб», — хотелось огрызнуться Аристе. Вместо этого она сказала:

— Была б забота, Солон. Дай мне три месяца, я на тебя так отпашу — пять таких лодок сможешь купить!

— Нет! — закричал старик. — Я взял тебя в дом, дал тебе работу, и вот боги карают меня! С меня хватит!

— Солон, не дури, я же на все деньги тебе снасти купила...

Глаза старого рыбака загуляли по комнате, ища предмет потяжелее.

— Не уберешься из моего дома сей же час, и я сам утоплю тебя в заливе! — прошипел озлобленный старик.

Ариста поняла, что спорить бесполезно. Убить он ее, конечно, не убьет — она легко поборола бы старого козла. Но на шум и крики, чего доброго, сбежится стража.

— Не хворать тебе, Солон, — сквозь зубы бросила Ариста и вышла за дверь.

Оказавшись на улице, девушка огляделась и призадумалась. Орифия, как всегда, кипела жизнью. Рыбаки спешили к своим лодкам на пристанях. Из гавани тянулись вереницы ослов и мулов, груженных тяжелыми тюками. Гул рынка, окрики погонщиков, перестук кузнечных молотов плыли над городом.

Никому не было дела до Аристы Гракх.

Между тем, всю выручку за последний улов она действительно пустила на новые снасти для лодки Солона. Надеялась сработаться со стариком хотя бы на год. А старик даже подаренный намеренно плащ отобрал и сжег, чтобы отвести сглаз.

Так что теперь в кармане туники лежал один-единственный серебряный обол. Это миска мясной похлебки на обед. Если за день не найти новой работы, уже вечером ей будет нечего есть и негде ночевать.

Ариста невесело хмыкнула и зашагала к центру города.

— У меня и так два сына в помощниках, куда мне еще? Спроси-ка дальше по улице.

— Работников не держу, все вы воры, как один! Ну, уйди, не мешай!

— Рада бы помочь, милая, да только лавку-то я закрываю. К землякам жить еду.

— Ты кого в дом тащишь, она же дочь Гракха! Прочь с крыльца, проклятая девка! Прочь!.

— Чего врешь, я тебя, Гракхово семя, знаю. Ступай себе, сама знаешь почему.

В этих и подобных им разговорах прошло время до полудня. Везде работу расхватили, а где не расхватили, там спрашивали имя. Как Ариста ни старалась скрыть свое происхождение, ее везде признавали. А признав, отказывали, боясь навлечь гнев богов на

родной кров или дело.

Вчерашний случай на море и сегодняшний день все яснее давали понять: в городе Ариста слишком известна. В последние пять лет она переменяла уже столько работ и воровала фрукты в стольких садах, что на каждой улице Орифии ее кто-нибудь да признает и сможет указать на обман.

Если подумать, к этому давно все шло. Впервые Ариста назвалась чужим родовым именем еще три года назад. Тогда она нанялась таскать свитки со стихами за одним малоизвестным трагиком. На репетиции его первой трагедии — речь там шла, конечно же, о запретной любви двух молодых людей — Аристу признал по знакомству плохо выбритый актер на роли Невесты. Актеры запаниковали и сорвали репетицию. Жених сбежал, даже не утерев с груди овечью кровь (по сюжету его предательски закалывал родной отец, желавший невесту собственного сына). О скандале вскоре узнали, и сюжет трагедии стал считаться проклятым и несчастливым. Трагик вспылил и подал в суд. Аристу приговорили к десяти ударам плетью за обман деятеля искусств и месяцу бесплатных общественных работ. Деньги за уборку выгребных ям пошли на компенсацию морального ущерба трагику.

Сейчас Аристе вспомнился тот случай. Да, теперь даже вранье не помогает ей заработать на хлеб. На сердце заскребли кошки.

Известности тот трагик, кстати, так и не добился. На репетиции второй его трагедии хитроумный механизм его собственного изобретения — он должен был создавать иллюзию схождения бога с неба на сцену — сорвался с крепления и упал прямо на автора, который как раз показывал актеру нужную интонацию роли. Бронзовый штырь, на котором должен был спускаться бог, вошел бедняге трагику в горло и распорол его изнутри до самой мошонки. Вытащить штырь то ли не удалось, то ли никто просто не захотел этим заниматься. Так трагика и похоронили, нанизанного на бронзовую жердь подобно куропатке.

Но между тем разожглась уже полуденная жара, живот крутило от голода, а поиски так ничего и не дали. В довершение всех бед, на старой сандалиии протерлись и лопнули ремешки, так что носить ее стало невозможно. С раздражением — не ходить же в одной сандалиии — Ариста выбросила обувку в мусорную кучу возле рынка.

Ровно в полдень Ариста Гракх, усталая и злая, уселась на белокаменную кладку рыночной площади и привалилась к подножию статуи, тень которой заслоняла полуденное солнце. Рынок в тот час был пуст, если не считать нескольких бродячих псов; торговцы и покупатели, кто где мог, пережидали дневную жару. Некому было бросить взгляд на девушку, которая сидела на площади одна, босиком, в старой запыленной тунике и с последним оболком в руках.

«Лучше бы мне, конечно, вообще уйти, — думала Ариста, катая между пальцами старую монету. — Отправиться туда, где никто меня не знает. Скажем, в Нумию. Наняться на ферму или еще куда, начать новую жизнь».

Разум тут же подсказал нежеланную, но трезвую мысль: «Чтобы в другой полис уйти, надо хотя бы обувь купить, а лучше еще и еды, и мешок дорожный. А для этого надо отработать хотя бы день. А меня и на день не берут».

Да, круг замкнулся. Чтобы не искать больше работы, надо уйти, но чтобы уйти, надо найти работу. А она не ищется и до вечера, очевидно, не найдется.

Дело, да и вся жизнь ее, вдруг показались Аристе такими безвыходными, такими несправедливо безнадежными, что девушку охватило бешенство. Рука сама размахнулась и

швырнула старый обол в тень величественной статуи, в самую голову. Из груди вырвался поток ругательств.

— Сера и ад! Шлюхины дети! Чтоб вам кровью срать, благоверным ублюдкам! Боги, за что ж я маленькой не сдохла?!

Пустынная площадь молчала в ответ. Даже бродячие псы, наевшись объедков, ушли в тень. Слушать крики отчаяния было некому.

Поток брани понемногу иссяк, а с ним иссякли и силы. Ариста упала коленями на белый камень, готовая разрыдаться от злости и беспомощности.

И только сейчас заметила, чья тень закрывала ее все это время.

Статуя позади нее изображала стройного молодого мужчину с щегольской бородкой, с дорожным посохом в руке. Под каменным плащом, на поясе, висел туго набитый кошелек. Мужчина весело ухмылялся, а правый его глаз неведомый скульптор вырезал вечно подмигивающим. За статуей раскинулась колоннада храма.

Ариста находилась у святилища Мегиста — покровителя купцов, путешественников, обманщиков и авантюристов. Веселый бог смотрел на рынок взглядом беззлобного шалуна, будто бы заранее радуясь суете, торгу и надувательству, которые скоро вернутся в товарные ряды.

Девушка поглядела на статую и храм за ней. Мысль зажглась в ее голове, еще неясная, не вполне сложившаяся. Она, конечно, не купец и не странник. Но нынешняя ее жизнь такова, что даже поиск ночлега — уже авантюра, и притом весьма отчаянная. Последние пять лет были тяжкими, но никогда прежде Ариста не смотрела в глаза абсолютной нищете. И только забредшая в голову мысль звенела слабой мелодией надежды.

Будь здесь кто из благоверных орифийцев, он бы наверняка сказал, что надеяться Аристе не на что. Боги не станут слушать проклятый род Гракхов. К счастью, благоверных орифийцев здесь не было. Некому было и терзать ее сомнениями.

Но нужно ведь подношение! А у нее только... Взгляд Аристы упал на брошенный ею обол. Последняя ценность, что у нее осталась.

Разум осторожно заметил: стоит ли разбрасываться такой малостью? Миску похлебки, на которую можно протянуть еще день, не нальют за бесплатно.

Девушка подняла обол с земли, повертела в пальцах. Мегист смотрел на нее сверху, по-прежнему ухмыляясь своим веселым затеям.

Ариста встала на ноги и шагнула из тени к ступеням храма. Довольно с нее «тянуть еще день», выживать и мыкаться. Либо ей сегодня же, как любому нормальному орифийцу, ниспослется немного удачи, либо боги и впрямь не хотят ее слышать. А тогда лучше уж умереть побыстрее, чем опуститься до воровства и попрошайничества, влачить жалкие дни в нужде и отчаянии. Если из ее затеи ничего не выйдет — что ж, в большом городе нетрудно стащить нож и сразу со всем покончить.

О том, чтобы войти в храм, нечего было и думать. Привратник, как велел закон, наверняка спросит имя. А узнав, спустит ее со ступеней. Проклятым Гракхам запрещено было входить в храмы полиса.

Ариста подняла руку и щелчком большого пальца отправила монету в полет. Обол пролетел по воздуху и упал на белокаменную ступень.

Девушка усомнилась, не стоит ли преклонить колени. Но тут же решила, что смысла нет: она и так нарушала все правила благочестивой молитвы. Лучше уж постоять.

— Послушай, Мегист, — начала она. — Последнее время дела мои... э-э... как-то не

ладятся. Ну да ты знаешь, наверное. Ни работы, ни денег, да и с друзьями не очень.

Бог-весельчак смотрел на нее раскрытым глазом. Со стороны могло показаться, что он и не подмигивает уже, а оценивающе жмурится.

За пределами площади послышался негромкий перестук колес по камню.

— Ну я и подумала, может ты, я не знаю, пошлешь мне какое-нибудь дельце? Большой выгоды не прошу. Так, по мелочи, чтоб в дорогу собраться, одежду сменить...

Говоря это, Ариста окинула себя взглядом. Ей стало стыдно за свою поношенную тунику и грязные голые ноги.

Где-то на соседней улице колеса стукнули еще раз и затихли. Раздался окрик.

— Вот как-то так. А в знак моей...эм...почтительности я останусь сегодня без обеда, ибо отдаю тебе мой последний обол. Да будет надо мной милость твоя, — закончила девушка благочестивой фразой, которую слышала в детстве.

Секунду-другую не происходило ничего. Затем Ариста невольно ахнула: монета на ступенях храма вспыхнула язычком белого, как солнце, пламени и исчезла!

А сразу после этого послышался страшный грохот.

Ариста обернулась как раз вовремя. Улица, по которой она пришла на рынок, имела крутоватый спуск, как бы скатываясь к площади по наклонной. И сейчас по этому спуску неслась что есть мочи деревянная повозка. Лошадей в упряжи не было, колеса громыхали сами по себе; должно быть, раззява-хозяин вздумал распрячь зачем-то лошадей прямо на скате улицы. Из деревянного короба уже выпало несколько крепких, мясистых кочанов капусты.

Неслыханная удача Аристы состояла на данный момент в том, что она одна оказалась на пути бешено мчащейся повозки.

«Сера и ад», — пронеслось у нее в голове.

Спуск придал повозке бешеное ускорение. Вздумай Ариста сейчас отскочить в сторону, ничего бы не вышло. В лучшем случае она прыгнет достаточно далеко, чтобы ей сломало только ногу. В худшем случае колеса переломят ей хребет.

Оставалось только одно.

Ариста прыгнула вперед, навстречу повозке, и упала прямо в гущу капустных кочанов.

Хорошая новость была, конечно, в том, что девушке не грозила теперь гибель под тяжелыми колесами.

Плохая же новость была в том, что все прочие варианты гибели оставались в силе. Повозка стрелой пролетела по площади и неслась уже по следующей улице. Как назло, на этой улице тоже были спуски, так что скорость все нарастала.

Ариста отчаянно огляделась. Она не могла затормозить бег повозки, ведь лошадей в упряжи нет, и тормозить некого. Человек покрепче мог бы свеситься вниз и ухватиться за ось, но у нее точно не хватит сил; голодная и уставшая, она едва ли замедлит повозку. Можно было бы спрыгнуть, но повозка уже так разогналась, что при прыжке девушка просто разбила бы голову о камни мостовой.

В детстве, когда род Гракхов еще не был проклят, Аристу учили логике. И сейчас в ее голове сложилась логическая цепочка. Она помолилась об удаче и тут же угодила в повозку, которая вот-вот разобьется вдребезги. Очевидно, повозка появилась на площади по ее молитве Мегисту.

Следовательно, благоверные орифийцы были правы. Боги действительно ненавидят ее и наконец решили убить. Видимо, удача и выгода тут были в том, что умрет она быстро и не

мучаясь.

Пока в голове Аристы пронеслись все эти мысли, повозка уже проскочила очередной спуск, и впереди показались высокие, окованные железом ворота. Эта последняя, несокрушимая преграда приближалась с каждой секундой. Дальше хода нет: при столкновении с крепкими створками ворот повозка разлетится в щепки.

Кто-нибудь другой в этот момент наверняка завизжал бы и был бы даже в чем-то прав. Но Ариста Гракх визжать не стала — не тот был характер. Девушка только зажмурилась и понадеялась, что все закончится быстро.

Трррах!

Колесо повозки угодило в острую расщелину между двумя камнями мостовой. Края расщелины раздробили колесо.

Повозка взмыла в воздух и перевернулась. Все содержимое деревянного короба, включая Аристу Гракх, вылетело наружу и по инерции пролетело дальше.

Ариста почувствовала, что падение швырнуло ее на нечто теплое и мягкое. Лежать в тепле и не быть мертвой было приятно, но девушка не спешила встать или открыть глаза. Учитывая все удачи этого дня, она бы не удивилась, если бы на нее вдруг упал обломок каменной стены. Или бронзовый штырь, как на того несчастного трагика.

Вместо этого ей в грудь уперлось острие копья.

— Ни с места! — скомандовал высокий властный голос.

Ариста приоткрыла глаза. Над ней стояла статная женщина в боевом доспехе, в шлеме с гребнем из конского волоса. Голубой плащ крепился на плечах фибулой, которая показалась Аристе знакомой. Глаза незнакомки смотрели строго и подозрительно, но без злобы. Она-то и нацелила на Аристу копье.

— Где я? — решила спросить Ариста.

— Прямо сейчас, — усмехнулась воительница, — ты лежишь в куче конского навоза. Вставай!

Она чуть отодвинула копье, давая Аристе возможность подняться. Только сейчас девушка различила ядреную вонь вокруг. Действительно, навоз.

— Это ты устроила погром повозки у наших ворот?

— Повозка не моя. Ее понесло, потом опрокинуло, и в общем...

Ариста не договорила. Взгляд ее задержался на доспехах собеседницы. Обежал окованные железом ворота и каменные стены небольшого форта. Теперь Ариста вспомнила, где видела фибулу, такую же, как у женщины перед собой. Копье в обрамлении лавра.

Такая же фибула была у женщины, спасшей ее из моря прошлой ночью. Такие фибулы носили все в...

— О боги. Это ведь Стратегикон, да? — возбужденно воскликнула Ариста.

— Э... ясное дело.

— Немедленно доложи обо мне своему капитану! Скажи, что я хочу учиться ремеслу войны! Я готова пройти испытания!

Слова выплеснулись из Аристы прежде, чем она отдала себе ясный отчет в нескольких молниеносных мыслях.

Воительница с сомнением оглядела босую, перемазанную навозом замарашку. Ариста уловила и этот взгляд, и его смысл.

— Не всякий достоин войти, но всякий волен дерзнуть! — выпалила девушка девиз, который слышала как-то на улице.

Женщина вздохнула.

— Жди здесь, — приказала она и зашагала к воротам.

Только оставшись одна, Ариста в полной мере поняла, что собралась делать. Она дерзнула претендовать на право учиться в Стратегиконе!

Гордость Орифии. Военная академия, где из неопытных девушек делали бесстрашных бойцов и защитниц. Крепость, в стенах которой ковалась знаменитая Фаланга — лучший боевой отряд полиса.

И она, Ариста Гракх, которую никто в целом полисе не возьмет и полы подметать — она хочет сказать, что ей есть место в этих славных стенах?

С другой стороны, что она теряет?

Нигде больше в Орифии ее ничего не ждет. Уйти некуда и не с чем. Воровать что-то ценнее садовых фруктов она не умеет, да и учиться не хочет — не так воспитал ее отец.

Что если?..

— Поди сюда! Подождешь капитана в трапезной! — скомандовала ей воительница у приоткрытых ворот.

Прежде чем поспешить ко входу в Стратегикон, Ариста бросила взгляд назад. Туда, откуда ее принесла разбитая повозка. Туда, где на рыночной площади в самом сердце города ухмылялся своим шуткам ехидный Мегист, покровитель безнадежных авантюр.

Глава 4. Чары

Джохар подвинул колесницу на две красных клетки вправо. Ход был дурен, но оно и неудивительно. Брата распирало от какой-то важной новости, в стремлении рассказать ее он совсем не следил за игрой.

— Знаешь ли ты, кому отец и владыка доверил собрать военный флот для разгрома Орифии? — наконец выпалил он.

— Маранию? — невозмутимо спросила Тамриз.

Джохар, столь же полный гордости, сколь и лишенный иронии, даже не заметил насмешки.

— Глупая мысль, тебе под стать. С этого дня я вождь могучего флота, который покроет себя славой и пройдет огнем и мечом по поганой Орифии!

— После того, как я выполню поручение отца и владыки, — напомнила Тамриз. — Возвожу замок.

Ликующее лицо Джохара омрачилось, принц презрительно скривил губы. Впрочем, сегодня он был настроен миролюбиво: не только согласился сыграть с сестрой в тавлеи, но и на слово поперек отвечал всего лишь грубостями.

— Врите отцу сколько угодно, ты и твоя белорожая немочь. Когда сказ о разорении Орифии будет выбит в летописи на Багровой скале, там будет начертано для потомков только одно имя. Джохар, сын Аббаса, покоритель Ладды. Твой всадник бит.

Тамриз взглянула на ромбовидную доску, прикинула следующий ход.

— А знаешь ли ты: наш прадед и владыка Аббас I был так уверен в успехе своего похода на Ладду, что приказал заранее высечь сказ об этом в летописи на Багровой скале? Тот кусок скалы потом отбивала и дробила в пыль сотня рабов.

Тамриз подвинула фигуру на доске.

— Твой царь бит. Игра за мной.

Джохар уставился на доску. Игрок получше на его месте оценил бы красоту игры противника: ловушка его царю была подготовлена Тамриз за три предыдущих хода. Но Джохар Хеменид умел хранить достоинство, только когда побеждал и выигрывал.

— Глупые безделушки, — фыркнул принц и злобно толкнул доску. Фигурки рассыпались по полу.

— Собери и вынеси прочь! — огрызнулся Джохар на безмолвного раба и быстро вышел из покоев сестры.

Три десятка рабов, подгоняемые палками надсмотрщиков, брели по вечернему Камарганду. Их привезли в город днем, сынов южных провинций: рослых, темнокожих, пышущих здоровьем. На Юге таких молодцов использовали для работы в полях и ублажения богатых женщин. Город при виде этой процессии оживился; женщины и девицы высунулись из окон своих домов, чтобы посмотреть на красавцев-невольников.

По особому приказу императора надсмотрщики гнали рабов к темницам Камарганда. Там, в кольце мрачных каменных казематов без окон, зияла Яма — огромная дыра в земле, до дна которой едва доставал солнечный свет.

В прежние времена на дно ее бросали самых страшных злодеев — святотатцев, клятвопреступников и убийц собственной родни. Аббас II ужесточил законы праотцев и

объявил, что такие злодеи должны без пощады предаваться смерти. Яма опустела.

До тех пор, пока Баррад Дарафалл не занял ее по личному дозволению владыки и не сделал своей тайной лабораторией. Только император Аббас и знал о новом назначении Ямы.

Один за другим три десятка невольников подошли к вырубленным в земле ступеням у края Ямы. У этих людей была вся жизнь, чтобы научиться повиновению и никогда не спрашивать, куда их ведут и почему приказывают то или это. Но при виде Ямы выражение бездумной покорности сошло с их лиц, сменившись недоверием и страхом.

Несколько невольников застопорили всю процессию, встав на месте и что-то крича надсмотрщикам на своем певучем наречии. Должно быть, они пытались узнать, зачем их привели сюда, какую службу они могут здесь сослужить. Один молодой раб, слишком дерзкий или слишком напуганный, острым камнем разбил цепи на ногах и попытался удрать.

Надсмотрщики нагнали его, двумя точными ударами перебили колени и бросили с высоты в Яму на глазах всей колонны. Когда вопль несчастного затих где-то внизу, желающих задавать вопросы в колонне не осталось. Двадцать девять рабов покорно сошли вниз, в темноту.

Те жители Камарганда, чьи дома стояли рядом с темницами, поутру рассказывали соседям, что ночью из-под земли доносились приглушенные крики. Суеверные старики говорили, что это блаженный Хемен спустился в загробный мир и карает грешных покойников. Приземленные же умы заключили, что это какой-нибудь злосчастный гуляка заблудился спяну, упал на дно Ямы и там медленно умер от страшных ран.

Никто не заметил и не обдумал еще одно обстоятельство. Для транспортировки рабов к Яме было отобрано пять надежных надсмотрщиков. Утром же к императорскому дворцу явились за платой только четверо. Сами надсмотрщики ни с кем об этом не говорили и своего исчезнувшего товарища не обсуждали. В тот же день они покинули город.

Когда в дверь покоев постучали, рабыни как раз обтирали Тамриз после утренней ванны. Принцесса велела подать халат тонкого шелка, и нагота ее скрылась под нежно-розовой тканью.

Дверь отворили.

— Тебе выколлют глаза и отрежут язык, стоит мне сказать отцу, что тыходишь в мои покои без спросу, — заметила девушка.

— Мои тело и дух во власти грозной Тамриз, — поклонился Баррад Дарафалл. — Позволено ли мне сказать весть важную для принцессы, пока язык мой еще при мне?

На лице колдуна читалась непроницаемая почтительность, но Тамриз легко различила иронию в его тоне. Стоило признать: несмотря на тревожные чувства, которые сперва внушала ей фигура в черном, принцессе начало нравиться обхождение чародея. В неулыбчивом мире рабов и царедворцев она редко слышала искреннюю речь и лукавую шутку.

Тамриз сошла с постамента, на котором размещалась теплая ванна, и улеглась на мягкие подушки. Рабыни тут же преклонили колени и принялись украшать золотыми кольцами пальцы ее рук и ног. Отец настоял, чтобы при отъезде ее провезли по городу в привычном великолепии, как если бы она отправилась на прогулку к оазисам. Ей позволили взять с собой и любимый легкий доспех, но надеть его Тамриз могла только на корабле.

Владыка не хотел, чтобы ее видели в боевом облачении.

— Твое дело тайное, дочь наша. А одежды войны разбудят любопытство черни и приведут лишь к негодным нам пересудам, — сказал ей Аббас вечером накануне.

Тамриз же думала, что отец попросту не хотел показывать народу дочь-воина. Восторги и прославления доблести предназначались Джохару. Владыка не хотел баловать ее минутой славы, даже отправляя на опасное дело в край варваров.

— Говори, черно книжник, — приказала девушка, отвлекшись от невеселых мыслей.

Дарафалл приблизился и запустил руку под плащ. С поклоном подал он принцессе сосуд черного стекла, размером не больше дорожной фляги. Отогнав взмахом руки хлопчущую рабыню, Тамриз взяла сосуд. И тихо ахнула от боли. Стекло было холодным, холоднее пустынного ветра в безлунную ночь, холоднее воздуха в семейных курганах. Ладонь тут же онемела, и девушка едва не выронила подарок на ковер.

— Осторожнее, принцесса, — усмехнулся Дарафалл. — В этом сосуде скрыто больше, чем целая жизнь.

Тамриз не поняла слов чародея. Но под черной скорлупой стекла она разглядела багровые сполохи, похожие сразу на пламя и молнии. Будто бы внутри закупорили грозу. Тамриз отложила сосуд, чтобы не мучить руку.

— В Орифии стоят три великих храма. Опустоши часть этого сосуда на каждый из трех жертвенных алтарей, там, где горит... волшебное пламя, — Тамриз подумала, что бывший ладдиец наверняка хотел сказать «священное» и в последний момент оговорился. — Тогда твое дело исполнится.

Колдун снова нарушал этикет обращения, говоря ей «ты». Но Тамриз была слишком увлечена заданием, чтобы думать о таких пустяках. К тому же, невежливый разговор обладал в ее глазах важным достоинством: можно было сразу задавать вопросы и сразу же ждать ответов, не тратя время на придворную велеречивость.

— Когда пламя погаснет, варвары наверняка станут искать причину. Подозрение может пасть и на меня, чужестранку. Я велю держать мой корабль готовым к отплытию, чтобы скрыться из города сколь можно скорее. Верно ли я думаю?

— Корабль не пригодится, о принцесса.

Тамриз удивленно выгнула бровь. Дарафалл еще раз сунул руку под плащ и протянул к ней раскрытую ладонь. На ладони лежал кожаный кисет, вроде тех, в которых странники носят табак.

— Я замесил порошок в этом кисете на горсти священной земли Камарганда. Когда принцесса исполнит дело, пусть бросит щепоть себе под ноги, — глаз чародея скользнул по смуглым босым ногам Тамриз, — и чары сей же час принесут ее домой.

— Только меня одну? Но... что станет с моими рабами и экипажем на корабле?

— Их судьба волнует принцессу больше, чем успех дела? Чем похвала отца и владыки?

Стекланный глаз заглянул в живые темные глаза Тамриз.

Рабыни молча застегивали браслеты тонкой работы на запястьях и лодыжках принцессы.

Девушка не отвела взгляда и спокойно положила чародейский кисет на подушку подле себя.

— В твоих словах есть правда, черно книжник. Сослужи же мне последнюю службу. Проверь меня перед отъездом.

Дарафалл с улыбкой кивнул, разогнул колени и опустился на ковер перед ложем

принцессы.

— Пусть принцесса скажет, как орифийцы обращаются друг к другу.

— Они говорят только “ты”.

— Почему же?

— Все граждане считают себя свободными и равными друг другу, даже если кто из них и занимает высокий пост.

— Каковы же высокие посты в Орифии?

— Полисом правит Совет десяти, избираемый народом. Мужей, входящих в Совет, называют архонтами, избирают же их не по рождению, но за опыт и заслуги перед полисом...

За тонкими занавесями разгорался дневной жар. Близился час отъезда.

Глава 5. Стратегикон

В трапезной было пусто. Стражница, что привела ее сюда, оставила Аристе кувшин с водой, мыло и полотенце. Затем велела ждать и вышла. Сидеть одной среди пустых деревянных лавок было тревожно и неудобно.

По дороге сюда Ариста успела немного рассмотреть внутреннее устройство Стратегикона. Помимо трапезной, в крепости находилось еще четыре строения. Из любопытства Ариста попробовала рассудить, какой цели служит каждое здание.

Каменный дом в два этажа с множеством окон. Наверное, казарма или dormitorio.

Деревянное строение наподобие амбара, с крепкими замками на дверях. Возможно, склад. Но скорее еще и оружейная: стальные решетки на окнах явно стерегли не только пиво да мясо.

Узнать амфитеатр было делом нехитрым. Каменные скамьи под открытым небом круг за кругом спускались к пустой сцене. Амфитеатр был не очень велик, человек на пятьдесят или около.

Немудрено было узнать и купальню. У нее не было стен, деревянная крыша держалась на четырех простых столпах. Под этим навесом расположился выложенный мрамором бассейн с чистой водой, длиной локтей примерно в двадцать.

Вплотную к купальне примыкало широкое прямоугольное поле, засыпанное чистым песком. Поле было истоптано вдоль и поперек: более двух десятков крепких юных девушек, облаченных в легкие учебные доспехи, вели на поле тренировочный бой. Затупленные мечи звенели друг о друга, громкие выкрики то и дело возвещали о нанесенном ударе. Ариста с удовольствием остановилась и посмотрела бы на бой, но строгая стражница не позволила ей задержаться.

Итак, в трапезной было пусто. Чтобы отвлечься и привести себя в подобающий вид, Ариста принялась отмываться. Полностью навоз и пот одним кувшином не отмоешь, но хотя бы не будешь смердеть на весь двор.

Стряхнув мыльную пену в кувшин и промокнув волосы полотенцем, Ариста открыла глаза. И обнаружила, что в трапезной она уже не одна.

Вошедшая девушка по виду годилась ей в ровесницы. А может, была и младше на год-другой. Невысокая, угловатая. Каштановые волосы убраны в аккуратную косу. Лицо округлое, гладкое и немного еще детское. Ясный взгляд больших голубых глаз. Девушка была бы весьма симпатичной, если бы не манера все время опускать голову и прятать взгляд. Даже к пустому столу она подошла не прямо, а как-то боком, чего-то стесняясь. В руках у нее была глиняная плошка с супом.

Две девушки сидели за соседними столами, наискосок друг от друга. Новоприбывшая зачерпнула суп деревянной ложкой. Ариста попыталась украдкой рассмотреть ее получше — и поймала на себе ответный взгляд глубоких голубых глаз. Обе тут же отвели взгляд, будто бы найдя столы перед собой страшно интересными.

Странное дело. Когда вокруг много людей, даже всеобщее молчание может быть совершенно естественным. Но когда находишься с другим человеком наедине, тишина почему-то становится неловкой, неудобной и неправильной.

Ариста подумала, что стоит хотя бы убрать со стола кувшин с грязной мыльной водой. Убрала, поставила на пол. Стало еще хуже: теперь она, как дура, сидела за совершенно

пустым столом.

Досадно, что эта, с супом, такая миловидная. И волосы заплела, и лицо чистое, как у ребенка. И одета хоть и просто, зато в свежее. А она сидит тут в замызганной тунике, босиком, еще и мокрая как выдра! Всякий, кто войдет, их сравнит и увидит, какая она замарашка.

Тут Ариста с удивлением обнаружила, что голубоглазая отодвинула лавку и все тем же неловким шагом пересела за ее стол. Девушка осторожно пододвинула ей плошку, где еще оставалось глотков на пять супа. Кажется, это была уха.

— Будешь? — осторожно спросила голубоглазая.

Ариста не сразу и нашлась, что ответить. Такого с ней сегодня еще не было. Да и давно уже не было, если подумать.

— Ты хоть знаешь, кто я такая?

— Нет.

— Зачем тогда угощаешь?

— Ты вроде голодная, — тихо ответила девушка.

— А вдруг на мне дурной глаз? Вдруг я твой суп сглажу?

— Так я же его больше не буду.

Интересная логика. Впрочем, голод и впрямь неплохо бы унять. С осторожной благодарностью приняла Ариста деревянную ложку, сделала несколько быстрых глотков. Действительно, уха. Горячая и ароматная.

— Тебя как звать? — спросила Ариста в перерыве между глотками.

— Тигона.

— Будь здорова, Тигона. Ты тут прислуживаешь?

— Нет, я... — уши под каштановыми волосами покраснели, — я прохожу испытание.

Хочу учиться.

Ариста не сдержала выражения скепсиса на лице. Эта стеснительная девушка с простоватым детским лицом никак не походила на будущего бойца Фаланги.

Впрочем, она-то кто такая, чтобы судить? Не всякий достоин войти, но всякий волен дерзнуть.

— Твоя семья воины?

— Нет, они... овец разводят. Пастухи. Они не хотели, чтоб я сюда шла.

Тигона отвечала искренне и говорила даже больше, чем ее спрашивали. Видно, на душе у нее накопилось переживаний, и дать им волю было приятно даже с незнакомкой.

— Это почему?

— Они меня сватают. За коневода Парвуса.

Ариста понятия не имела, кто такой коневод Парвус, но предпочла и не спрашивать.

— Он очень старый, целых тридцать лет ему. И я... ну... не хочу. На работу б нанялась, да что-то негде.

Ариста грустно усмехнулась, вспомнив свои дневные мытарства.

— Это уж точно.

— А тебя как зовут? Почему ты здесь?

Ариста очень обрадовалась, что в этот миг двери отворились и в трапезную кто-то вошел. Назови она свое имя, и зародившееся тепло беседы обязательно бы разрушилась. Или опять пришлось бы лгать, а отсутствие искренности тоже ведь убивает общение.

Она узнала обеих вошедших. Впереди шла красивая статная женщина с короткими

светлыми волосами. Благородное, с тонкими чертами лица, строгие и пронизательные глаза, широкие плечи. На нагруднике золотом отчеканены копьё и лавр. Эта женщина вытащила ее из моря прошлой ночью. Ио, капитан Орифийской Фаланги.

Капитан остановилась у их стола. Позади нее встала та воительница, что нашла Аристу и привела ее сюда.

— Снова ты, — Ио подняла брови при виде Аристы. — Мне доложили, ты взываешь к праву учиться под моим началом. Так ли?

Ариста подумала, что такой разговор надо вести стоя, и встала из-за стола.

— Да, капитан. Я желаю учиться ремеслу войны.

Строгий взгляд уперся в Тигону.

— А ты, синеглазая? Ты здесь тоже за этим?

Тигона только кивнула; язык ей, судя по всему, сейчас не служил.

Ио жестом подозвала стражницу.

— У нас набралась уже десятка новобранцев?

— Так точно, капитан, и даже больше. Всего восемнадцать девиц. С запасом на выбывание.

Капитан нахмурилась и сжала пальцами подбородок, разглядывая двух девушек в глубоком раздумье.

Ариста догадывалась, о чем она думает. По закону у каждой женщины Орифии есть право на испытание в Стратегиконе, без исключений. Но капитан знала, кто перед ней стоит. Допустить в крепость проклятую, отверженную богами — это риск навлечь их гнев на весь Стратегикон. Но и законы полиса были хранимы богами, а значит, нарушение закона может разгневать их не меньше. Капитан обдумывала, где лежит большее злосчастье и как отвести его от вверенной ей крепости.

Семь ударов сердца протекли в молчании.

— Посмотрим, добьем ли мы запас до двух десятков. Я сама оглашу испытание кровью. За мной, обе!

При упоминании крови Тигона побледнела. Удивительно, как у нее нашлись силы встать и двинуться за женщинами следом.

— А можно мне хоть платье свежее? — рискнула спросить Ариста.

— Получишь, если выживешь, — бросила через плечо капитан Фаланги.

Когда они подошли к полю с песком, Ио дважды хлопнула в ладоши. Запыхавшиеся воспитанницы тут же прекратили учебный бой, выстроились в ровную шеренгу и встали с руками по швам. Ариста отметила, что здесь явно не одни новобранцы. Во-первых, их было больше восемнадцати. Во-вторых, иные были более рослыми и взрослыми, шире в плечах и крепче. В-третьих, на этих, кто повзрослее, доспехи сидели лучше и выглядели чище: им было привычнее ухаживать за одеждами войны.

— Младшие сестры! — командным голосом воскликнула Ио. — Чего не смеет дочь Стратегикона?

— Дочь Стратегикона не смеет лгать, не смеет трусить! — грянул хор юных голосов.

— Над чем не властна дочь Стратегикона?

— Над жизнью своей и кровью, что принадлежат Фаланге!

— Чему верит дочь Стратегикона?

— Клинку в правой руке, щиту в левой, сестрам по обе руки!

Капитан Ио удовлетворенно кивнула и повернулась к двум девушкам.

— Сегодня вы отдадите Фаланге свою первую кровь. Если вы с честью пройдете испытание, эти слова станут вам заповедями отныне и до смерти. Если хотите отказаться, делайте это сейчас.

Ариста осталась на месте. Краем глаза она заметила, что у Тигоны дрожат кончики пальцев. Но голубоглазая пастушка тоже не сдвинулась с места.

Одновременно, не сговариваясь, они сделали шаг вперед и ступили на учебное поле. Песок под ступнями Аристы был жарким и колким. Очень хотелось попрыгать, чтобы не так жгло. Но такое поведение здесь вряд ли бы одобрили.

— Всем отойти! Окаста, на поле!

По периметру поля, примыкая к купальне, шла невысокая, искусно сделанная галерея. И сейчас из тени этой галереи на поле шагнула высокая фигура.

Ариста сама не сказала бы, почему, но она сразу подумала: эта девушка — родная кровь капитану Ио. Быть может, дело было в волосах того же цвета, подстриженных так же коротко и в той же манере, как у командира Фаланги. А может, родство выдавал взгляд девушки, такой же внимательный и суровый, как у капитана.

Доспех сидел на девушке идеально и вычищен был до блеска. Выходя на поле, она лениво крутила в пальцах учебный меч. Тупой клинок в ее руках плясал и крутился колесом. Она явно упражнялась с оружием не первый год.

Девушка поочередно смерила Аристу и Тигону холодным, презрительным взглядом.

— Готова служить капитану! — гаркнула она.

— Ты проведешь испытание кровью для этих двух соискательниц.

Судя по лицу Окасты, стоящие перед ней девушки ни в коей мере не заслужили в ее глазах почетного звания "соискательниц". Однако она кивнула, повинувшись приказу.

— Слушаюсь. Крата, Ниобия, подайте что ближе лежит!

Последняя фраза прозвучала как приказ, и его немедленно исполнили. Две девушки — почти такие же рослые, но все же чуть младше Окасты — выбежали на поле. Одна из них так торопилась исполнить команду, что споткнулась о лежащий на галерее метательный диск. Она поднесла Окасте круглый медный щит. Другая подала старшей подруге меч.

Настоящий, боевой, остро заточенный меч. Даже через поле видно было, как остро его лезвие. Таким клинком снять голову с плеч было не сложнее, чем срезать полевую ромашку.

Окаста небрежно воткнула в песок тупой учебный меч и взяла в правую руку острый, боевой.

— Мамочки, — еле слышно прошептала Тигона. — Я думала, про кровь это аналогия.

— Правильно говорить "метафора", — тихо пробормотала Ариста.

Педантизм иногда помогает отвлечься от страха. В этот раз, однако, не помог.

— Дочери Стратегикона не трусят и верят своим сестрам! — возгласила Ио. — Если вы покажете, что можете биться вместе и отберете у Окасты щит или меч, мы примем вас в обучение! Сделаете хоть шаг за границу поля — отправитесь назад за ворота!

— Подождите, а нам оружие? Это нечестно! — жалобно закричала Тигона.

Окаста оскалилась в недоброй усмешке.

— Вас двое на меня одну, крестьяночка. Я уже молю богов о пощаде.

Песок взметнулся под ее ногами. Грозная девушка ринулась в атаку. Испытание кровью началось.

Будь это настоящий бой, их обеих уже зарубили бы.

Первым же ударом Окаста разделила их. Вклинилась между ними плечом и нанесла круговой удар щитом. Ариста отскочила, чтобы щит не разбил ей голову, кромка щита просвистела перед носом, и она упала на песок. Тигона держала равновесие немногим дольше: Окаста сбила ее с ног точным пинком по колену. Юная воительница взмахнула мечом, и заточенное острие замерло в двух ногтях от голубого глаза Тигоны.

Окаста засмеялась и мечом, как пастушьим посохом, погнала Тигону к краю поля.

— Ловчей, овечка, ловчей!

Тигона вынуждена была ползти назад, чтобы не напороться глазом на острие меча. Еще немного, и противница выдавит ее с поля.

— Аааа!

Ариста с криком прыгнула Окасте на спину, обхватила ее поясицу ногами, повисла на плечах. Правой рукой попыталась схватить Окасту за запястье и вырвать из пальцев меч.

Окаста зарычала, взбрыкнула, закружилась, пытаясь сбросить с себя нежеланную тяжесть. Тигона поднялась на ноги, припадая на ушибленное колено. Ариста левой рукой обхватила горло Окасты, заломила назад правую руку воительницы и начала один за другим разжимать пальцы на рукояти меча. Вырвать бы меч, и все сразу кончится...

Хрясь!

Окаста резко запрокинула голову назад и затылком ударила Аристу в лицо. Если бы Ариста смотрела прямо, ей бы разбило нос. Вместо этого удар выбил ей коренной зуб, а кость левой глазницы треснула и взорвалась оглушительной болью.

Ариста разжала руки и рухнула на песок. Во рту разливалась соленая кровь.

Окаста издевательски раскрутила меч и отошла на несколько шагов к центру поля.

— Кому тут нужны такие сестры, а? Была бы у нас нужда в питомцах, пригнали бы из деревни пару жирных коров!

Она ударила мечом о щит, салютуя воспитанницам на галерее. Двое — те, что поднесли ей оружие — ответили свистом и выкриками.

— Дай им жару, Окаста! — гнусаво крикнула Ниобия, широколицая девица с расплюснутым в тренировках носом.

— Валите лучше бани мыть! — подхватила Крата, худая, черноволосая, похожая на голодного ворона.

Но большинство девушек, к их чести, промолчало.

Ариста встала на четвереньки и выплюнула кровь на песок. Тигона, прихрамывая, подошла к ней, помогла встать.

— Начало не очень, — пробормотала Ариста, слизывая с губ остатки крови.

— Просто ужасно. Будто меня боги прокляли. Как Гракхов, — в голосе Тигоны звенели слезы.

Да уж, пастушка, ободрила.

Ум Аристы работал, пользуясь передышкой. В ближнем бою у Окасты ни щит, ни меч не отобрать. Она слишком сильна и проворна. Но не бросаться же в нее песком, в самом деле!

Песок.

Тупой меч, воткнутый в песок.

Диск у песчаной кромки.

Ну конечно.

— Задержи ее, — велела Ариста.

— Что?!

— Хороши болтать! Продолжаем! — вскричала Окаста и быстрым шагом двинулась к ним: меч отведен в сторону, рука держит на ремне вес щита.

Ариста быстро обхватила Тигону за плечи, развернула к себе, посмотрела в распахнутые от испуга глаза.

— Мы сейчас сестры войны. Верь мне. И будь храброй.

— Ааааа! — Окаста со страшным криком замахнулась на них мечом.

Замах был нарочито медленным. Очевидно, Окаста рассчитывала снова разделить их, рассеять в разные стороны.

Вместо этого Ариста перекатилась через голову и со всех ног бросилась через поле к торчащему из песка учебному мечу.

Окаста, не помедлив и мига, бросилась следом. Ее тренированные ноги нагнали бы Аристу в три прыжка.

Но тут Тигона с визгом бросилась воительнице в ноги и крепко-накрепко обхватила ее колени. От неожиданности Окаста повалилась навзничь, прямо солнечным сплетением на песок. Щит и меч она при этом не выпустила, но от падения у нее перехватило дыхание, изо рта вырвался болезненный хрип.

Ариста стремглав промчалась по полю и выдернула из песка тупой меч. Затем она подбежала к самой кромке поля. Туда, где каменный поребрик отделял песок от кладки галереи.

Метательный диск лежал далеко. Стоя не достать.

Ариста упала на живот за краем поля — на галерее послышался изумленный ропот — и вытянула руку с мечом как могла далеко. Колени ее уперлись в поребрик, ноги оставались на горячем песке.

Еще чуть-чуть. Острие меча было совсем близко к черному ободу диска.

Окаста дала Тигоне пинка в плечо, заставив разжать хватку. Разъяренная воительница вскочила на ноги, схватила Тигону за ворот — щит держался ремнем на запястье, кисть левой руки была свободна — и потащила добычу к краю поля. Тигона упиралась, била ногами по песку, но вырваться из хватки Окасты не могла.

Еще ноготь. Полногтя.

Есть! Кончик меча зацепил обод диска, и Ариста плавным движением подтянула метательный снаряд к краю поля. Ухватила диск, вскочила, развернулась.

Их соперница была уже у левого края поля. Одно движение, и она выбросит Тигону с песка.

— Эй, солдатская дочка! — крикнула ей Ариста. — Лови!

Внезапный окрик заставил Окасту промедлить, оглянуться. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как к ней мчится через поле метательный диск.

Не будь ее левая рука занята Тигоной, Окаста успела бы заслониться щитом. Но случилось то, что случилось.

Диск врезался воительнице в грудь, прямо под кадыком. Окаста задохнулась и навзничь грохнулась на песок. Меч при падении вылетел из ее руки.

Будь Ариста поэтом, она бы сказала, что в тот миг между ней и Тигоной пробежала искра понимания. Но Ариста больше любила логику, чем поэзию. Поэтому она описала бы все как есть: Тигона поняла, что к чему, перекатилась на живот и накрыла собой упавший

меч.

Повисшую на миг тишину разорвал крик и свист на галерее. Воспитанницы кричали, спорили, веселились, негодовали.

Испытание кровью завершилось.

— Это было нечестно! — сипло прорычала Окаста. — Она зашла за край поля!

Капитан Ио посмотрела на трех девушек, стоящих перед ней. Позади них полукругом толпились воспитанницы. Всем было интересно, чем кончится столь необычное испытание.

— Что вы на это скажете? — строго спросила Ио.

Ариста пожала плечами.

— Ты ясно сказала, капитан: не делать ни шага за край поля. Я и не сделала. Ноги у меня оставались на поле.

Ио не сдержала улыбки. Эта рыбачка смекалиста. Конечно, учитывая, кто она такая, хотелось бы найти предлог, чтобы ее не брать.

Но испытание состоялось, и условия его соблюдены. Победа, пусть и достигнутая необычным путем, была честной. А нарушение обещаний боги карают страшнее, чем что-либо еще.

— Да будет так! — Ио обращалась ко всем воспитанницам. — Эти девы выдержали испытание кровью и по праву станут вам младшими сестрами! Примите их, держитесь их и доверяйте им! Мы отделаем этих девиц под богинь!

Ариста поймала на себе ошарашенный, потрясенный взгляд Тигоны и не сдержалась, чтобы не подмигнуть соратнице-пастушке.

— Назовите же свое имя и род, — обратилась к ним капитан.

— Эм... Тигона. Из рода Мелет.

Воспитанницы — все, кроме Окасты и ее свиты — приветствовали новую сестру криками и ударами кулаков по плечам. Ио перевела взгляд на Аристу. Обе поняли друг друга без слов: следующая минута будет непростой.

— А твое имя?

— Ариста. Из рода Гракхов.

На этот раз ни криков, ни стука не было. Над учебным полем повисло напряженное молчание. Воспитанницы озадаченно переглянулись.

Ио заставила себя держать лицо непроницаемым.

— Очень хорошо. Отведите младшим сестрам комнату в дормитории и ознакомьте их с распорядком.

Ио повернулась на пятках и зашагала прочь, давая понять: разговор окончен. Но Окасту это не проняло.

— Гракх?! — визгливо закричала она; от гнева к ней даже вернулся голос. — Мать, чей разум помутился, твой или мой?! Мы впустим Гракха в эти стены?!

Капитан отметила, что дочь от злости забыла обратиться к ней как положено, по званию.

— Если боги сей же час не изменят обычай испытания кровью, то да.

— Это безбожие! — Окаста быстрым шагом бросилась вслед за матерью. — Подумай, что ты делаешь! Мы пускаем в Фалангу скверну, боги отвернутся от нас!

Ио развернулась и встретилась с дочерью лицом к лицу. Иные воспитанницы уже хотели подхватить негодующие возгласы Окасты. Но одного взгляда на лицо капитана было

достаточно, чтобы они передумали. Черты Ио были бледны от гнева, глаза разили ледяными иглами презрения.

— Всякий волен дерзнуть, — процедила капитан.

Говорила она негромко, но было так тихо, что все всё слышали.

— Это обещание, что мы даем соискателям. Тигона Мелет и Ариста, какого бы рода она ни была, дерзнули и преуспели с честью. По чести мы к ним и отнесемся. Если кто-то считает, что держать слово, данное перед лицом богов, не обязательно... — зловещая улыбка прорезалась на лице Ио, — что ж, пусть рискнет их выгнать, и посмотрим, какая его ждёт кара.

Никто не посмел сказать слово в ответ. Все знали, что бывает с теми, кто оскорбляет богов лживой клятвой и нарушенным обещанием.

Капитан отвернулась и зашагала прочь, в свою ставку. Окаста, оставшись одна в своем негодовании, потерянно стояла посреди двора.

— Ты... что же... правда из Гракхов? — Тигона взглянула на Аристу со смесью страха, жалости и изумления.

— Да. Я пойму, если у тебя с этим проблемы.

Тигона раздумывала миг-другой, потом взгляд ее голубых глаз прояснился.

— Меня, может, и так проклянут родители, что их ослушалась. Да и без тебя ничего бы у меня не вышло. Нет. У меня нет с этим проблем.

Не зная, что ответить, Ариста вздохнула с облегчением, когда к ним подошла одна из девушек. Стройная, с тонким породистым носом, красивой родинкой на щеке и аккуратно уложенной на плечо косой, она подняла руку в сдержанном приветствии.

— Я Ифина. На втором этаже есть свободная комната, прямо рядом с моей. Идемте покажу?

— Будем обязаны. Только вот... — Ариста замялась.

— Что?

— Найдутся тут у вас лишние сандалии?

Глава 6. Закон воздаяния

— Не дергайся, — сказала Ариста. — Когда дергаешься, у тебя плечи слабые, тетиву не держат.

— Сама не умеешь, а советуешь, — огрызнулась Тигона.

Ариста пожалала плечами. Вообще-то она просто повторила слова наставницы по стрельбе из лука. Но сердиться на подругу не стоило: грубила Тигона от волнения и расстройств. Никак ей не удавалось взять мишень в двадцати шагах.

Не удалось и в этот раз. Тигона поспешила спустить тетиву прежде, чем прицелилась как следует. Стрела едва царапнула край мишени и вонзилась в землю.

Ариста искренне обрадовалась звону гонга, который возвестил начало следующего занятия. Иначе Тигона опять впала бы в обреченное настроение, и поднимать ее самооценку пришлось бы не один час.

— Побежали, а то опять поставят в полдень караулить!

Ариста Гракх думала, что полубездомная жизнь последних пяти лет и школа поденных работ приучили ее к трудностям и закалили для любых испытаний.

Первые же недели обучения в Стратегиконе показали, что мнение это было верно лишь отчасти.

В первый же день капитан Ио сказала, что здесь их отделают под богинь. “Отделают” — сказано было действительно удачно. Девушек учили стрелять из лука с места и на бегу. Драться копьём и гладиём. Бежать Орифийскую дистанцию — пятнадцать миль без передышки вокруг городских стен, в полном боевом облачении. Плавать в заливе в полуденный зной и в безлунные ночи, когда лишь плеск воды о причалы подсказывал, как вернуться домой и не утонуть от усталости.

Но физической нагрузкой «отделка» не ограничивалась. Между пробежками и учебными боями уместились долгие часы изучения стратегии, истории, географии и даже музыки. Ариста никогда прежде не подумала бы, что сумеет играть на свирели. Но угроза внеурочного караула под нещадным полуденным солнцем удивительно благотворно влияла на музыкальные способности.

За несколько недель «свежая кровь» Стратегикона разделилась на ватаги и клики. Освоившись в новом мире муштры и учения, вчерашние девицы стали искать близкие души, сходных по характеру и происхождению подруг. Те, чьи семьи были дружны и за стенами Стратегикона, сбивались в кучки и вместе отправлялись в отгулы навестить родных. Дочери богатых или известных отцов становились подругами и соперницами одновременно — каждая при случае стремилась доказать, что не уступит другим в уме и доблести. Вокруг Окасты держались те, чьи матери сами служили в Фаланге. Дочь капитана была у них главарем и брала на себя роль еще одного наставника. Во всяком деле она подгоняла и строила подруг, напоминая им, что они не могут посрамить честь Фаланги и матерей.

Ариста с Тигоной тоже сколотили себе клику, причем с важным преимуществом: из всех клик эта была самой тесной и спаянной. Недостаток же ее был в том, что клика только из них двоих и состояла. Прибиться к проклятой Гракх и пастушке-нескладехе никто пока не захотел. Впрочем, Ариста быстро решила, что мысль «у меня на одну подругу больше, чем было месяц назад» более здравая и плодотворная, чем «у меня подруг втрое меньше, чем у

Окасты».

На занятиях клики всегда садились вместе, так что каменные скамьи амфитеатра представляли собою тесно сидящие группки с пустотами между ними. Так было и сегодня. И это, как потом поняла Ариста, было единственное «как обычно» в тот день.

Первой неожиданностью стало то, что в центр амфитеатра вышел мужчина. И не просто мужчина, но седой старик в простой мешковатой хламиде. Фигура его выглядела вызывающе неуместно среди стройных и крепких девушек в идеально выбеленных туниках. По скамьям сразу загуляли удивленные шепотки.

Но если старик и заметил эти перешептывания, то виду не показал. Он поднял руку в приветствии и улыбнулся.

— Доброго дня доблестным воительницам. Я Лайус из Кикинны. Власти нашего славного полиса попросили меня наставить вас сегодня.

Новая волна шепота, особенно сильная на скамье Окасты и ее подруг. Кикинна — тихая деревушка, примерно в дне пути от Орифии. Нас будет учить крестьянин? Что он может знать о ремесле войны? Кое-где уже усмехнулись бедной одежде старца; гляньте, уж не картошкой ли он красил свой наряд? Девушки поскромнее ограничились недоуменным молчанием.

Лайус из Кикинны, ничуть не смутившись от скептицизма учениц, перешел сразу к делу.

— Овцу лучше стричь с хвоста. А хвост у нас вот какой: скажите, какие виды чудес вам известны?

Формально сегодняшнее занятие было по стратегии, потому вопрос на столь отвлеченную тему застал амфитеатр врасплох. Но Окасту это заставило промолчать не более двух ударов сердца.

— Чудеса посылают боги по нашим молитвам! Только их милостью и может совершиться чудо! — уверенно выкрикнула Окаста.

Ариста вспомнила о монете, сгоревшей в белом огне на ступенях храма Мегиста. И обо всем, что случилось затем. Но добавлять к ответу ничего не стала. Чего доброго, Окаста решит еще, что Гракх ее поправляет или тянет внимание на себя.

Лайус вновь улыбнулся.

— Ты верно вспомнила об орации. Это один из видов чудотворства.

— Один из видов? — возмутилась Окаста. — Уж не хулишь ли ты богов, крестьянин? Людям не дано...

Старый крестьянин, по-прежнему улыбаясь, поднял правую руку и сжал ее в кулак.

В воздухе, в трех пальцах от лица Окасты, вспыхнул язык пламени. Не белого божественного пламени, но обычного огня, какой согревает дом в холодные ночи. Аристе невольно вспомнились горящие стрелы в ночном небе.

Окаста вскрикнула и дернулась назад так резко, что едва не свалилась со скамьи. Тут и там слышались смешки: заносчивая дочь капитана в кои-то веки чего-то испугалась.

Пламя плюнуло парой искр и сгнуло. Лайус состроил гримасу боли, разжал кулак и показал амфитеатру раскрытую ладонь. На коже стремительно набухал белый пузырь от ожога.

— Кто знает, как зовется то, что я сейчас сделал?

К общему удивлению, голос подала Тигона.

— И... Ипи...

— Слушаю тебя, доблестная воительница!

— Иписемантия! — выпалила Тигона.

Кто-то хихикнул. Тигона покраснела.

— Ипсомантия, — мягко поправил Лайус. — Верно. Можешь сказать, какова ее суть?

— Ты... обжигаясь, чтобы создать огонь... отдаешь что-то или вредишь себе, и тогда что-то происходит.

По Тигоне видно было, что она слабо понимает предмет, но честно старается объяснить то, что ей все же понятно.

— Ага! Вижу, с овечки сходит первая шерсть!

Несмотря на обожженную ладонь, Лайус был, кажется, искренне доволен ходом занятия.

— С молодых дней мира боги заповедали, что люди не могут творить чудеса, когда захотят, и менять мир, как им вздумается. И хорошо сделали, скажу я вам — иным людям лопату в руки опасно дать, не то что силу чудотворства!

Иные, включая Аристу, усмехнулись, и старый крестьянин усмехнулся в ответ.

— Но добрые боги дали также закон, следуя которому, смертные могут все же нет-нет да и сотворить что-нибудь небывалое. Люди меня умней зовут его Законом Воздаяния. Я зову его так: любишь пиво пить, люби и ячмень молоть. Как ни назови, все едино: хочешь выйти за пределы того, что возможно смертному — придется что-то отдать.

Лайус взял прислоненную к нижней ступени амфитеатра палку и начертил ею на земле приблизительный рисунок храма.

— Ораторы, слуги богов, отдают свои силы в молитвах или приносят в жертву вещи и скот. Да любой ладдиец, даже и не оратор. может заслужить себе маленькое чудо, отдав что-нибудь в храм, — Аристе показалось, что взгляд старика задержался на ней. — Силы бессмертных неисчерпаемы, потому бог может раздать сколько хочет чудес своим поклонникам. Но милость богов к ораторам куда больше, потому и чудеса по их молитвам сильнее.

— Почему бы тогда всем не сделаться ораторами?

За миг до того Ариста и не думала спрашивать, но вопрос сложился как-то сам собой.

— Не получали бы по чуду зараз, а молились бы все время и все время творили бы чудеса!

Множество голов повернулось к ней. Но Лайуса из Кикинны не так просто было смутить.

— Легкая у тебя мысль. Но в том-то и соль, что нам просто живется: сегодня принесли жертву одному богу, завтра другому. Будь ты оратором, пришлось бы раз и навсегда посвятить себя одному божеству. Да еще и обеты принять, чтобы связать себя с ним. Молишься Мегисту-скитальцу — не живи в одном месте более трех дней. Служишь Тоскару-воителю — не сможешь выйти из спора, не пролив кровь. Хотела бы ты, дева, жить в оковах таких клятв и запретов?

Ариста не нашла, что ответить. Выдержав небольшую паузу, Лайус начертил рядом с рисунком храма замкнутый круг.

— Наш брат, ипсомант, славен иным. Мы берем силу на чудо из самих себя. Из жил наших, крови и косточек. Захоти я, и здесь сей же час вырастет яблоня с плодами слаще меда. Только сам я при этом надорвусь да рухну наземь, как старый мешок с картошкой.

Потому и чудотворим мы помаленьку, не берем на себя слишком многого.

— А можно этому научиться? — выкрикнула с верхних рядов Ифина.

Ариста успела уже узнать, что красивая соседка по казарме страсть как любопытна. На каждом занятии Ифина обязательно задавала уточняющие вопросы.

В первые недели Ариста крепко завидовала Ифине: как это ей удается каждое утро являться на построение вовремя, но с такой аккуратной прической, будто она собиралась не менее часа?

Впрочем, соседка была все же не идеальна: в учебных боях она часто пропускала удары. Один такой удар даже выбил ей кусочек резца. С тех пор Ифина немного шепелявила, когда задавала свои бесконечные вопросы.

— И да и нет, — ответил старый Лайус. — Ипсомантия тоже дар богов. Никто не знает кому и за что он будет послан. Но получив, придется оттачивать его, как нож, чтобы сделаться настоящим умельцем.

Боковым зрением Ариста заметила, что на этих словах Тигона машинально сжала правую руку в кулак, повторяя магический жест крестьянина. Должно быть, размечталась, каково это — быть чародейкой.

— А какое нам до всего этого дело? — выпалила Окаста.

Девушка закипала с того самого момента, как Лайус напугал ее огненным языком, и вот наконец взорвалась.

— Здесь учат ремеслу войны, а не бабкиным наговорам! Никто из нас колдовать тут не думает!

Окаста грозным взглядом окинула амфитеатр, бросая вызов каждому, кто вздумает оспорить ее слова.

— Гонец, пробежавший Орифийскую дистанцию! — догадка ударила Аристе в голову, как молния. — Он был ипсомантом!

— Что?! — Окаста развернулась к ней с таким лицом, будто Ариста сказала жуткую грубость.

— Чтобы предупредить союзный отряд, он пробежал пятнадцать миль за полчаса, в полном боевом снаряжении! Даже ты так не сможешь!

— Верно! И сразу же он рухнул замертво! — подхватила Ифина.

— Ну? Как человек мог такое сделать, если не чудом?

— Истинно так! — одобрительно вскричал Лайус. — Имя того гонца не сохранили молва и летописи, но все мы помним его подвиг. Не промчись он эти пять миль, и уже три поколения мы бы жили под пятой Хеменидов. И это...

Между рисунками храма и круга он начертил образ меча.

— Это говорит о том, сколь важно на войне чудотворство. При осаде и штурме города пуще глаза надо беречь храмы и ораторов: их молитвы могут спасти нас и в самый черный час! Один ипсомант на фалангу — уже немалая сила, ведь он может бежать как лань и бить как трое мужей!.. если накануне наестся от пуза. Выступите в поход без провизии — оголодаете. Но выступите без жертвенных животных — и удача изменит вам в битве в наихудший момент!

Лицо Лайуса вдруг омрачилось. Будто бы тень пробежала по его живым чертам, и вместо крестьянского ехидства в голосе зазвучала суровость.

— К тому же, — сказал он, — враги ваши тоже могут призвать чудеса. И не все они так ясны и честны, как эти, — он ткнул палкой на символы под ногами. — Есть искусства

страшные и запретные, к которым толкают смертных алчность или отчаяние. Знает ли кто из вас, о чем я сейчас говорю?

В амфитeatре повисла тишина. Солнце скрылось за набежавшим облаком, с моря дунул холодный ветер. Лайус начертил на земле последний знак — змею с разинутой пастью. И только потом заговорил снова.

Толпа на агоре ревела и лютовала. Над площадью судов и гражданских собраний висел надрывный, неослабный вой женщины. Так воет человек, чью душу убили, оставив тело доживать свой век.

— Сера и ад! — выругалась Ариста, когда ей пятый раз саданули локтем в плечо. — Тигона, держись за мной, затопчут!

— Пустите!

— Куда прешь?!

— Дорогу!

Девушкам из Стратегикона — Аристе, Тигоне и еще десятку других — пришлось поработать локтями и коленями, чтобы пробиться к капитану Ио и другим наставницам. Только там, в передних рядах толпы, они смогли разглядеть, что творилось на площади.

В центре агоры высилось большое кострище; отборные дрова из сосны еще сочились ароматной смолой. На вершине костра, связанный по рукам и ногам, лежал стройный здоровый юноша, раздетый догола. Пока вокруг бушевало людское море, он ничего не говорил, лишь тяжело дышал да бешено водил глазами по лицам в толпе.

Того, что было сложено у подножия кострища, Ариста предпочла бы не видеть.

В этих чудовищных останках еще угадывались формы домашних животных. Собаки. Кошки. Коза. Корова. Лошадь. Только формы эти были как будто высушены, выжаты досуха, оставлены без единой капли жизненных соков. Мышцы трупов были дряблыми и сморщенными, как увядшие виноградные лозы. Под кожей, тонкой и прозрачной как дешевый папирус, просвечивали хрупкие желтые кости. Вместо глаз в скалящихся черепах зияли черные провалы с сухой трухой.

Женщина, чей вой звенел над агорой все это время — не старая еще, скромно одетая крестьянка — подползла к кострищу и ухватилась за останки на вершине страшной груды. Ариста только успела подумать, зачем эта женщина тащит куда-то мертвого зверя. В следующий миг девушка поняла свою ошибку.

Рыдающая женщина тащила от костра иссушенное тельце ребенка. Сейчас было уже не сказать: мальчик это был или девочка, сколько ему было лет, какие у него были волосы или глаза.

Ариста почувствовала, что ее мутит, и отвела взгляд.

— Смотрите, — отрывисто скомандовала капитан Ио своим воспитанницам. — Как защитницы Орифии, вы должны видеть и знать наше правосудие.

Ариста подумала, сумеет ли она запомнить сегодня хоть что-то насчет правосудия, когда в мозгу выжжена гора мертвечины у подножия костра.

Стража отняла останки у несчастной матери и оттащила ее прочь от костра. Мертвое дитя уложили назад, в общую груды.

В толпе открылся проход, и к центру площади прошествовал высокий мужчина с прямой спиной, короткой седой бородой, с золотым обручем на лбу. Несмотря на почтенный возраст, шел он походкой твердой и решительной. В правой руке он держал тонкий

серебряный жезл.

— Фрасимах Аттал, — прошептала Тигона. — Архонт из Совета десяти!

— Тут все знают, кто это, горе-лучница. Помолчи, — шикнула на нее Окаста.

Архонт остановился перед кострищем. При виде его связанный юноша задыхался чаще, сквозь стиснутые зубы послышались хрипы и странные истерические взвизги. Фрасимах Аттал, не обращая на них внимания, протер жезл к народу на площади.

— Свободные граждане! Внимайте слову Совета!

Хорошо поставленный, зычный и властный голос заставил всю площадь притихнуть. Лишь кое-где слышалось еще приглушенное бормотание, да безутешная мать выла, оплакивая свое дитя.

— Совет рассмотрел дело Диппида, сына Пасия, повинного в деле мерзком в глазах богов и подлым в глазах людей — виталофагии!

Крики ужаса и гнева полетели по площади, вынудив архонта сделать паузу.

«Виталофагия, — в памяти Аристы всплыли слова Лайуса из Кикинны. — Дело вдвойне гнусное. Наперво гнусное, ибо делает человека убийцей. Вдвойне гнусное, ибо легко дается и быстро наделяет силой».

— Сей Диппид, по свидетельству граждан и иным уликам, — Аттал указал жезлом на страшную кучу останков, — вкусил человеческое сердце, дабы обрести проклятую силу и пить жизнь зверья, скота и юниц!

«Сила та идет от других, от их соков. Виталофаг крадет и пожирает их, тянет силу из жил, крови и духа. Чудеса его питаются чужой смертью».

— Под дознанием повинился Диппид, что через это искусство желал он увеличить свою мужскую силу и познавать мужчин и женщин больше, чем по силам смертному!

Новый взрыв гнева в толпе.

— Будь проклят!

— Детоубийца! Гори в аду!

— Смерть ему! Смерть!

Фрасимах Аттал еще раз взмахнул жезлом, призывая толпу к тишине.

— Как велит закон, за свои злодеяния Диппид, сын Пасия, будет предан смерти! А дабы поганое колдовство не возродило его к жизни...

«Хуже всего вот что: виталофагия дразнит бессмертием. Украдешь чужую жизнь — вот тебе и долгих лет прибавилось, и нож убийцы не страшен! А пожрешь пятую жизнь, седьмую, десятую? Десять раз умереть можно, пока взаправду не помрешь! Вроде как бог становишься. Вот оно-то и пьянит, оно-то и дурманит. Только боги да виталофаги не боятся смерти».

— ...гореть ему в огне, пока все им украденное не выгорит дотла! А с ним да будут преданы огню и жертвы его, для очищения Орифии от следов скверны! По обычаю, пусть выйдут свободные граждане, что желают предать злодея смерти!

В этот момент случилось страшное. Капитан Ио повернулась к воспитанницам, одним движением головы выразив строгое пожелание. Пусть выйдет кто-то из вас. Покажите, что вы не боитесь.

Вперед, конечно же, рванулась Окаста. Но, пробиваясь через передний ряд, она зацепила Аристу локтем. Девушка споткнулась, чуть не повалилась вперед, люди в переднем ряду — то литоварки по Стратегикону, то ли чужие и незнакомые — подхватили ее под

локти и вытолкнули, чтобы не опрокинуться самим.

К своему ужасу, Ариста поняла, что вывалилась прямо на открытое место площади, на всеобщее обозрение. Прежде чем она успела что-либо сделать, стража уже сунула ей и Окасте по горящему факелу в руки.

— Не стой овцой, замарашка. На нас весь город смотрит, — прошипела Окаста и шагнула к кострищу.

Шаг. Второй шаг. Колени не слушаются. На спине — кусок льда. Гора мертвечины и хрипящий убийца в путах все ближе.

За пять лет блужданий Аристе приходилось драться. Приходилось бить в кровь кулаки и лица. Однажды ее чуть не зарезал пьяный возница на постоялом дворе. Однажды она залезла за плодами не в тот сад, хозяева спустили на нее сторожевую собаку-людоеда, и ей пришлось воткнуть в лапу зверя нож, чтобы спастись. Она знала, что такое кровь и что такое смерть.

Но одно дело — когда смерть смотрит на тебя в горячке, в миг опасности, когда сердце колотится, и лишь инстинкты да смекалка спасают от гибели. Но когда беспомощный человек перед тобой ждет медленной и мучительной смерти, а между тем ты не в силах оторвать взгляд от свидетельств его чудовищных злодеяний, и жадная до зрелища толпа ловит каждое твое движение... Такую смерть Ариста Гракх еще не видела.

Вот и кострище. Голова осужденного резко повернулась. Дикие глаза небрежно скользнули по Окасте и уперлись в Аристу. Юноша облизал губы.

— Развязала бы меня, красавица. Тошно мне умирать.

Говорил он тихо, и в толпе никто ничего не услышал.

— Жить хочу. Воздух-то какой сладкий, чуешь? Век бы дышать, не надышишься.

— Что ты застыла? Поджигай! — зло шепнула Окаста.

Но Ариста не могла пошевелиться. Теперь, когда они оказались вблизи, она взглянула наконец в распахнутые глаза виталофага. Что-то странное, неясное ей самой, отозвалось в ней при виде этих глаз. Что-то теплое, мирное, что защищает от всех невзгод и ужасов.

Отец. Почему сейчас, рядом с этим убийцей, идут на ум счастливые годы с отцом? Шутки, веселые игры, вечера за свитками логических задач?

— Уж я бы тебя отблагодарил, — прошептал лихорадочно Диппид. — В сраме-то у меня двадцать жизней, — он вновь облизал губы и указал одними глазами на свое внушительное достоинство. — Уж я бы тебя, ягодка, так усладил!

Наваждение рассеялось. Гнусная речь выдернула Аристу из сладкого сна и заставила вспомнить, где она и что делает.

Но было поздно. Окаста грубо выхватила у нее факел и швырнула его на кострище. Ее собственный факел упал следом.

Просмоленное дерево занялось в один удар сердца. Жалкие останки полыхнули, как ветхий пергамент. С вершины костра донесся страшный предсмертный визг.

— Зачем вышла, если кишка тонка! — бросила Окаста и твердым шагом пошла назад к капитану.

Ариста двинулась следом, чувствуя, что иначе от смятения и ужаса упадет прямо здесь.

Диппид, сын Пасия, забился в жгучих муках. Визг сменился богохульствами, плачем, призывами матери. К ужасу толпы, тело преступника исторгло в небо поток багровых искр и черного пепла. И что-то еще забилось под языками пламени. Что-то чуждое, злобное, визжащее, что пряталось внутри Диппида, а сейчас рвалось наружу, пытаясь спасти от огня. Никто не видел это ясно, но каждый на площади мог бы поклясться перед богами, что в

костре кричат два существа вместо одного.

Диппид догорал еще долго. Гниль виталофагии извергалась из горящего тела, украденные жизни прахом и искрами вылетали из костра, а два голоса все кричали, и запах жареного мяса все плыл над агорой.

В тот вечер Ариста ни с кем не говорила, даже с Тигоней. Сбежала за задний фасад дормитория и там наконец разрыдалась. Ариста и сама не знала, от чего она плачет. От ужаса ли перед увиденным преступлением? От отвращения ли перед казнью, перед вонью паленой плоти и криками злодея? Или от того, что весь этот ужас каким-то непостижимым и неправильным образом напомнил ей о прежних, счастливых, невозвратимых днях с отцом?

Когда слезы иссякли и в груди перестало саднить, на небе уже высыпали звезды. Ариста тихо прошла в дормиторий и, совершенно измученная, мгновенно заснула.

Ей приснился отец. Он учил ее плавать в заливе. А после, сидя на берегу, рассказывал путаную и смешную историю про хитрого царя, который переделался овцой, чтобы похитить свою невесту у великана. Во сне они смеялись над сказкой, и смех отца походил на рокот далекой грозы в погожий летний день.

Глава 7. Закон гостеприимства

Тамриз с наслаждением подставила лицо морскому бризу и мягким лучам рассвета. Пышные платья и золотые украшения давно были задвинуты подальше в трюм. Легкий доспех из кожи удобно облегал тело.

Перед принцессой лежала Орифия.

Рассказы Дарафалла не могли вытеснить вскормленное годами предубеждение против варваров. При мысли о городе Ладды воображение все равно рисовало скопление деревянных лачуг и грязных улиц, где среди нужды и дикости высятся безвкусно выстроенные храмы ложных богов.

Теперь же Тамриз видела перед собой город строгих форм и белого камня. После бурой глины и желтых песков Камарганда белизна строений и улиц едва не слепила. Внимательный взор Тамриз издала различил правильные геометрические формы, в которые складывался город. Каждый квартал, каждая площадь, пристань и храм занимали свое место в соответствии со строгим замыслом, плодом ума широкого и смелого. Те, кто заложил этот город, были мудры. Не так, как семь мужей, заложившие Камарганд в юные дни мира, но все же мудры своей, чуждой мудростью. Этого Тамриз не могла не признать.

«Когда город падет, надо взять домой нескольких мужей строительства. Их мастерство славно послужит империи», — подумала девушка.

А вот и знаменитый флот Орифии. Неподалеку от гавани, ряд за рядом, стояли на якоре свирепые триремы. Не такие массивные и оснащенные, как суда империи, но более быстрые и маневренные. Вдоль берега сновали рыбацкие лодки, и белокожие мужи и женщины тянули из воды тяжелые сети. Несколько крупных торговых судов обогнали посольский корабль Хеменидов и вошли в гавань.

Они проплыли мимо двух сторожевых башен, выстроенных прямо на морских скалах. Дозорные подали на берег сигнал огнем. Тамриз подумала, что алые паруса Хеменидов наверняка еще памятны в этих краях, и прием ее ждет поначалу холодный. Но принцесса ничуть не боялась. С нею были ее воля, ее ум и наставления верного слуги. Иной помощи ей, дочери величайшего из людей, и не требовалось.

Когда она сошла на пристань, ее уже ждали.

— Верно ли я понял тебя, гостя? — нахмурился Фрасимах Аттал. — Ты желаешь учиться в Стратегиконе?

На террасе в доме архонта накрыли легкий стол: виноградные листья с мясом молодого барашка и спелые сливы. Принцесса Хеменид удобно устроилась на трапезном ложе. Накидка из черного шелка прикрывала легкий походный доспех.

Вначале Аттал предложил вести беседу на языке империи — когда-то он учил его по долгу службы. Но гостя любезно настояла на ладдийской речи и даже приняла обращение на «ты». Стоило признать, на чужом языке говорила она неплохо, хоть в плавном бархатном говоре и слышался шорох песков Востока.

— Ты понял верно, почтенный Аттал, — улыбнулась Тамриз. — Искусство орифийских женщин в войне и смерти заинтриговало меня. Я хочу перенять мудрость твоего народа.

— Позволь сказать от сердца, о благородная, но это необычная просьба. Учитывая нашу общую историю.

Капитан Ио негромко хмыкнула. Командир Фаланги отказалась сесть за стол и стояла у ограды террасы, скрестив руки на груди.

— Ладда и Хемениды живут в мире уже три поколения. Обмен опытом и искусством укрепит нашу дружбу. Одно мое слово, и богатства империи потекут в вашу гавань подобно реке.

— Положим. Но в чем твой интерес, о принцесса?

— У моей империи много врагов. Нашим мужам войны пригодятся знания, что я привезу отсюда.

— Много врагов, — фыркнула Ио. — Так бывает, когда топчешь чужую свободу и отнимаешь дочерей от родных, чтобы они ублажали тиранов!

— Капитан! — в голосе Аттала грянул гнев.

— Скажи, что я вру, Фрасимах, или не кричи понапрасну. Ну как, принцесса, говорю я неправду?

Тамриз пристально взглянула на Ио. Правдивая, смелая женщина. Но как она смеет перебивать своего господина — непостижимо!

— Детям плодородных пажитей легко винить в жестокости народ, которому выпало жить в суровой и скудной пустыне. Но мудро ли, о капитан, судить коршуна за то, что он не щиплет траву подобно лошади? — примирительно улыбнулась Тамриз.

— Складно сказано, — Ио усмехнулась. — Но и лошадь не обязана пускать коршуна в загон к жеребяткам. Пока мое слово что-то значит, я не дам Хемениду войти в Стратегикон.

Архонт Фрасимах сцепил руки и прижал к губам серебряный перстень на безымянном пальце. Этот визит тревожил его. Принцесса уверенно выдвигала требования. Едва добившись аудиенции архонта, она отпустила домой свой корабль с экипажем, явно убежденная в успехе задуманного.

Опытному политику виделось в происходящем что-то грозное и опасное для любимого полиса. Не было только уверенности, что будет опаснее: пойти госте навстречу или же отказать?

Но Фрасимах Аттал не был малодушен. Решение он принял прежде, чем капля влаги скатилась со спелой сливы.

— Сожалею, о благородная, но я обязан чтить законы моего полиса. Капитан Ио — свободный гражданин с правами, что не мной определены. И она вправе сама решать, кого принимать в Стратегикон.

Тамриз надкусила сладкую сливу, чтобы скрыть улыбку. Беседа напоминала ей игру в тавлеи с достойным противником. И благодаря Дарафаллу у нее был в запасе ход, который побьет их царя.

— Ты верно сказал о законах, достойный Аттал. Взываю к закону священной гестии! — Тамриз повысила голос и отчеканила последнее слово.

Как поставить фигуру на победную клетку.

На террасе повисла мертвая тишина. Архонт Аттал и капитан Ио застыли, застигнутые врасплох. Гестия — священный обычай гостеприимства, известный только между ладдийцами. Никто не обсуждал его с чужаками и не открывал иноземцам. Откуда же он известен принцессе из жестокой пустыни?

Фрасимах нашел в себе силы прервать молчание.

— Закон гестии давно уже отжил свое, и не упразднен лишь затем...

— О, не лукавь со мною, честный Аттал! — воскликнула Тамриз. — Мне прекрасно

известно, что закон гестии свят в глазах ваших богов. Всякий гость имеет право на одну просьбу. Отказав мне, ты оскорбишь бессмертных и навлечешь беду на свой полис.

— И ты говоришь о лукавстве! — гневно вскричала Ио. — Ты же не веришь ни в наших богов, ни в наши обычаи!

— Положим. Но в них веришь ты, и, полагаю, верит почтенный Атал.

Тамриз откинулась на ложе и аккуратно взяла пальцами еще кусочек сливы.

Архонт и капитан переглянулись. Много было сказано в тот миг, хоть ни один не произнес ни слова.

— Стратегикон не может принять никого без испытания, — процедила Ио. — Всякий волен дерзнуть, но не всякий достоин войти.

— Да будет так, — сказал Фрасимах.

На сердце у него было тяжело.

— Я исполню твою просьбу, принцесса, согласно святому обычаю гестии. Если ты пройдешь испытание кровью, капитан примет тебя в Стратегиконе.

— Хеменид? — переспросила Ариста. — Хеменид будет учиться с нами?

— Если кто-то этому не помешает, — мрачно кивнула Ио. — И этим кем-то будешь ты.

Капитан вернулась из города злая и разгоряченная. Ариста едва успела услышать, что с ней прибыла некая странная гостья, как в дормиторий вбежала Ифина: капитан хочет видеть Аристу Гракх! И вот девушка стояла в покоях капитана и принимала неожиданный приказ.

— Я? Но что я могу?

— Ей назначено испытание кровью. Пусти кровь этой чернявой засранке, и она уберется в свою пустыню.

Ариста выглянула в окно. Чужестранка с Востока терпеливо ждала на поле для учебных боев. Смуглая, высокая, ноги стройные и длинные, руки изящные и в то же время крепкие. Волосы черней ворон послушной волной спадают ниже плеч. Смуглянка стояла спокойно и неподвижно, заложив руки за спину, не обращая внимания на палящее солнце. Даже не взглянула на таз с водой, стоящий рядом с полем для умывания и освежения бойцов.

Не великая нужна была мудрость, чтобы угадать в этой девушке богатство и высокое происхождение. Эти волосы не знали грязи улиц — только аромат благовоний и усердные руки служанок. Это тело не ведало работы — только благородную атлетику.

«Как она красива», — подумала Ариста. Ей стало завидно: какой прекрасной может стать дева, воспитанная в достатке и роскоши! Ведь и она могла быть такой, если бы не...

Вслух же Ариста сказала:

— Повинуюсь приказу, капитан. Но почему я?

— Трусишь? — зло спросила Ио.

— Ничуть. Но та же Окаста справится не хуже.

Капитан заглянула прямо в глаза подопечной.

— Во-первых, считай это расплатой за твое малодушие на агоре.

Ариста потупила взгляд. С казни виталофага прошло уже две недели, но капитан не забыла. Никто не наказывал Аристу за промедление. Но молчаливое неодобрение и тяжелый взгляд Ио были в эти две недели не меньшим укором за трусость, чем пять полуденных караулов.

— Я не боюсь отдать свою кровь, капитан, — тихо сказал Ариста. — А вторая причина?

— Скажем так, — на лице Ио появилась мрачная улыбка, — я по опыту знаю: ты не

гнушаешься идти к победе... необычным путем. Да будет так и сегодня.

Тамриз с интересом оглядела девушку, что вышла к ней на учебное поле. Ладная, жилистая, с настороженным взглядом серых глаз. Русые волосы непослушно раскинулись по плечам. Кожа не загорелая даже, а неравномерно опаленная долгим пребыванием на солнце. Тело, явно привыкшее к черной работе. Бывшая крестьянка или прислужница.

«Она, пожалуй, красива», — подумала Тамриз. Если, конечно, ее расчесать и отмыть. Тогда ее не стыдно было бы взять на службу и в императорский дворец.

— Не ты ли мое испытание? — улыбнулась принцесса, заметив меч на поясе варварки.

Русая девушка молча кивнула. Позади нее, на каменной галерее, Тамриз разглядела ту сердитую женщину, «капитана», и с десятков девиц в белых туниках. Пришли посмотреть на бой с чужестранкой.

Тамриз вынула скимитар из ножен на спине.

— Ты, кажется, мало ешь. Постараюсь не пустить тебе крови сверх меры.

Темные, как у тигрицы, глаза принцессы с холодной насмешкой уперлись в серые, цвета осеннего неба, глаза незнакомки.

Варварка не ответила, только вытащила из ножен прямой широкий меч.

Двор Стратегикона на один удар сердца погрузился в полную тишину.

С мокрого полотенца сорвалась капля воды. С еле слышным плеском упала она в таз для умывания.

Тишину разорвал kloкочущий боевой клич и звон стальных клинков.

«Чернявая засранка» была хороша. Очень хороша.

При обучении рукопашному бою наставницы Стратегикона учили их полагаться на точность, дисциплину и расчет. Выпады, удары и блоки, порядок их чередования диктовались строгими законами геометрии. Бой становился как бы теоремой, где на каждый прием и атаку противника надлежало найти — мгновенно, по памяти — сообразный контрприем и ответную атаку.

В манере боя чужестранки тоже ощущалась выучка, но совсем иная. То была выучка самоучки, долго упражнявшейся наедине и без поддержки наставников. Самообладание и точность отметались, давая волю силе и агрессии. Скимитар в ее руке плясал как коготь рыси, как жало скорпиона, неистовый и жаждущий крови. Каждый замах — лязг челюстей, каждый выпад — бросок змеи, каждое парирование — свирепый оскал. Будто сражаешься с хищником, который хочет разорвать тебя на куски и сожрать.

Смуглянка не давала Аристе ни мига передышки. Каждый удар сердца девушке приходилось либо отбивать удар в ногте от своей кожи, либо хвататься за редкую возможность контратаки. Лезвие гладия тоже не раз уже оказывалось рядом с темной кожей противницы, но всякий раз тщетно. Когда смуглянка не успевала парировать замах Аристы, она просто изгибалась изящно, как змея, и уходила от удара.

Отгнав от себя противницу мощным рубящим взмахом, Ариста отскочила к кромке учебного поля. Сердце сейчас лопнет. Она не может продолжать бой, пока не переведет дух.

Сероглазая дикарка была хороша. Неожиданно хороша.

Древний поэт писал: мастер смерти подобен прекрасному хищнику. Одни звери

проворны, другие свирепы, а иные хитры. Но всякий хищник прекрасен, когда настагает добычу и лишает ее жизни. Так и тот, кто обучен искусству смерти, настагает противника и питает стальной клык его кровью.

Ничего подобного не было в манере боя дикарки. Не было в ее движениях ни красоты, ни грации — лишь холодная, отстраненная точность. Меч в ее руках пресекал и сдерживал Тамриз, грубо рвал узоры ее ударов. Хищная красота ее выпадов была бессильна перед этой безжизненной, безвкусной техникой. Будто сражаешься не с человеком, а со злым духом, в чьем теле нет крови, только холодный воздух.

Уже не раз начинала Тамриз победную атаку, и всякий раз меч дикарки рисовал на пути безжизненные, безобразные линии. Это злило и выматывало, как злит лопнувшая струна инструмента при исполнении прекрасной песни.

Едва увернувшись от мощного рубящего взмаха, Тамриз отскочила к середине поля. Сердце саднило от напряжения. Она не может продолжать бой, пока не переведет дух.

Передышка длилась недолго. Уже через пять ударов сердца девушки бросились друг на друга. На сей раз не было насмешек и кличей. Только тяжелое дыхание да свист стали.

Вдруг зрители на галерее подались вперед, кто-то вскрикнул. Тамриз поймала клинок Аристы лезвием своего скимитара и с силой навалилась вперед. Ариста не выдержала напора и упала на одно колено. Тамриз нажимала все сильнее, продавливая оборону противника, ноготь за ногтем продвигая лезвие скимитара к плечу Аристы.

Их лица оказались на расстоянии не более одной ладони.

— Какая грубая кожа, — прошептала Тамриз, хищно глядя на обнаженное плечо Аристы. — Не знаю даже, возьмет ли ее моя сталь.

Тамриз нажала еще раз и с наслаждением полоснула клинком по плоти. Ариста зарычала от боли: плечо разрезало до костей. Струя крови хлынула на песок учебного поля.

Но прежде, чем первые капли крови упали на землю, Ариста выбросила голову вперед и впиалась зубами в смуглую шею соперницы.

Теперь закричала Тамриз. Ручеек крови хлынул Аристе в рот. Кровь была горячей, пряной и неожиданно сладкой на вкус. То был вкус чудес Востока, сладких яств и баюкающей роскоши.

Ариста оторвалась от нежной темной кожи и выплюнула кровь на учебное поле. Алые капли и ручейки из двух ран замарали чистый белый песок. Несколько капель Ариста выплюнуть не успела, и они пряными ягодами скользнули в ее гортань.

Ариста Гракх и Тамриз Хеменид смотрели друг на друга, стиснув зубы, тяжело дыша, не выдавая боли ни единым звуком.

Капитан Ио поспешно сошла с галереи.

— Кто пустил первую кровь?

— Я, капитан, — единым вздохом выпалила Ариста.

Рой мыслей пронесся в тот миг в ее голове. Никто ничего ясно не видел, они пустили кровь почти одновременно, это будет слово против слова. Быть может, дело и выгорит.

А потом пристальный взгляд Ио уперся ей в лицо, и Ариста горько пожалела о сказанном. Уличная привычка — схитрить ради быстрой выгоды — вновь, как и в ночь первой встречи с капитаном, взяла верх над разумом. И вновь вышла боком: как Ариста ни старалась, она не выдержала испытующий взгляд командира. Капитан увидела и прочитала ее ложь.

Негодование Ио выдали только глаза; лицо капитана Фаланги осталось непроницаемым. Она повернулась к воспитанницам на галерее.

— Тамриз Хеменид, дочь императора с востока, прошла испытание кровью и доказала свое право учиться в Стратегиконе! Вы видели ее храбрость и честь, по чести же к ней и относитесь! Поскольку дормиторий нынче переполнен, новая воспитанница займет вторую комнату оружейной! Пусть кто-нибудь подготовит ее для гостии!

На галерее началось движение. Капитан Ио быстро зашагала в свою ставку. Ариста хотела было догнать ее, что-то сказать, добавить. Но краткий взгляд капитана через плечо дал понять: не о чем тут говорить. Что сделано, то сделано.

Ариста окунула полотенце в воду и резко прижала к плечу. Рану щипало и кусало, разрезанные края противно пульсировали.

Потому и надо было промыть рану ночью, когда Стратегикон уже спит. Не хотелось днем ловить на себе то сочувственные, то презрительные взгляды воспитанниц, терпеть сострадательные хлопоты Тигоны и долгие тирады Окасты о позоре. Потому Ариста весь день ходила с простой перевязкой и только сейчас, в темноте, взялась смыть с плеча засохшую кровь.

— Если тебя это утешит, ты меня ужалила ничуть не менее больно.

Ариста развернулась, мигом сгруппировавшись в защитную стойку. Свет звезд отражался в двух тёмных лукавых глазах. Смуглянка примирительно подняла руки. Вокруг прокушенной шеи обвился лоскут плотной мягкой ткани.

— Не бойся. Мы ведь больше не в схватке.

— Я тебя не боюсь, — пробурчала Ариста.

— И хорошо. Тут найдётся ещё полотенце?

Ариста молча указала на второе полотенце на гвоздике. Тамриз развязала ткань на шее, смочила полотенце, приложила к ране. Ариста отметила, что тонкая струйка крови из места укуса бежит до сих пор.

Некоторое время они молчали. То одна, то другая девушка шипела от боли, счищая с ран запекшуюся кровь.

— Ты искусна в схватке, — сказала наконец Тамриз. — Добрый был бой.

— Ты... тоже опасна. Лихо меня рубила.

— Правда, бьешься ты как мертвец с водой в жилах.

— Да ну? А ты как похотливая кошка по весне!

Над умывальной стало тихо. Затем обе девушки не выдержали и рассмеялись. Как странно это было: подравшись сегодня до крови, мучаясь жжением в ранах, бросаться друг в друга ребяческими дразнилками.

— Я Тамриз, дочь Аббаса, — сказала, отсмеявшись, принцесса.

— Ариста из рода Гракхов.

Девушки одновременно, не сговариваясь, протянули друг другу руки.

— Я ещё плохо знаю ваши нравы. Завтра придётся учиться всему и сразу.

— Ничего, смекнешь. Мне тут тоже сперва было непросто.

Тамриз вытерла остатки крови и отбросила полотенце. Уже выходя из умывальни, она обернулась в дверях.

— Хочу тебя спросить.

— Что?

— Зачем ты укусила меня и потом солгала? Ты ведь уже проиграла бой.

— Если проиграла, это ещё не повод сдаваться.

Ответ пришёл к Аристе неожиданно легко, как афоризм или рифма.

Тамриз задумчиво приложила палец к губам.

— Это странная для меня мысль. С ней нужно провести ночь. До завтра, Ариста из рода

Гракхов.

Послышался шорох шагов по песку, и Ариста осталась одна.

Глава 8. Ночевка

— Живей, младшие сестры, живей! Бодрее шаг!

Командам наставницы вторил топот сорока стройных ног и шумное, с присвистом, дыхание двадцати гортаней. Тяжелые щиты стучали о спины, пропотевшие ремни доспехов впивались в кожу.

Воспитанницы Стратегикона совершали пробежку к побережью.

— Головы прямо! Вторая справа, спину не гнуть! Четвертый ряд, нога в ногу, не шаркаем!

Наставницы двигались по бокам колонны, на бегу подгоняя и поучая младших сестер. Привычные к долгим пробежкам, женщины не сбивались с дыхания, даже когда выкрикивали команды во все горло.

У южных ворот колонну девушек встретили одобрительным свистом и выкриками возвращавшиеся с работы граждане, молодые мужчины и парни.

— Храни вас боги, красавицы!

— Эй, ты, рыжая! До встречи на празднике Госкара!

— Ай, хорошо идут!

За воротами стук сандалий о белые камни мостовой сменился шорохом прибрежного песка.

Воспитанницы бежали в полном боевом снаряжении, ровной колонной, по трое в ряд. Ариста, Тигона и Тамриз по сложившейся уже традиции оказались в одном, последнем ряду.

В тот вечер, когда они вместе обмывали раны в купальне Стратегикона, Ариста и не думала, что ее и Тамриз Хеменид ждет столь тесное товарищество.

Хотя размышляя об этом теперь, Ариста не очень-то удивлялась. Принцесса-чужестранка с первых дней оказалась в Стратегиконе такой же неприкаянной, как они с Тигоней. Мало кто хотел общаться с дочерью жестокого императора, которую, по слухам, не хотела брать в обучение и сама капитан.

Тамриз сносила свое одиночество со спокойной гордостью, никого не задабривала и ни к кому не напрашивалась. Неуступчивую и замкнутую чужеземку так или эдак задвинули в стан изгоев. В учебных боях встать с ней всегда было некому, кроме как Аристе или Тигоне. За трапезой они трое всегда вынуждены были сесть за один стол, ибо все остальные были уже заняты тесными кликами подруг. Волей-неволей они трое то и дело оказывались вместе.

Особенно запомнилось Аристе происшествие, случившееся на пятый день после вступления Тамриз в Стратегикон. На закате принцесса поймала ее у дверей dormitorio и с легким смущением спросила, кому из слуг надлежит отдавать одежды для стирки.

— В Стратегиконе нет слуг, — объяснила ей Ариста. — Сестры все делают сами.

У Тамриз сделалось такое лицо, будто бы ей заявили, что в Стратегиконе принято прилюдно ковыряться в носу.

— А могу я... попросить твою сестру, чтобы она сделала это за меня?

— Тигону? — удивилась Ариста. — А не проще разве самой?

Черты Тамриз обрели столь надменное и гордое выражение, что Ариста сделала единственный возможный вывод: принцесса попросту не умеет обслуживать себя сама.

— Я научу ее лучше стрелять по мишеням. Ей нужно, — холодно сказала Тамриз.

— Я спрошу у нее, — осторожно пообещала Ариста.

Через несколько дней Тигона не только стирала одежды принцессы, но и чистила ей доспехи и точила оружие. Тамриз взамен покупала ей сладости у разносчиков и тренировала в стрельбе и рукопашной после заката. Тигону, кажется, это вполне устраивало. Или же она просто не хотела возражать.

Между ними и Тамриз не сложилось дружбы или доверия. Вместо этого образовалось что-то вроде вынужденного союза. В замкнутом мире крепости три изгнанницы составили своеобразную антитезу тройке примерных учениц: Окасты, Ниобии и Краты. Дочь Стратегикона верит сестрам по обе руки, не так ли?

Меж тем первый месяц обучения катился к концу. А это означало Испытание Солью.

— Одно меня радует, — сказала капитан Ио. — Некоторые из вас сегодня выглядят чуть менее беспомощными, чем в первый день обучения.

Пыхтящая, уставшая и потная шеренга девушек ничего не ответила, но многие на словах капитана оправились и приосанились. Ио специально схитрила: не сказала, кто именно входит в число отличившихся.

— Сегодня на закате придет час Испытания Солью. Те, кто его выдержат, сделают еще шаг к тому, чтобы закрепить на шее священную фибулу Фаланги!

Ио показала себе за спину, где на прибрежных волнах покачивались несколько парусных лодок.

— Каждую лодку займут трое из вас. В лодке вы найдете карту, на которой указан путь к одному из южных островов. Ваша задача — добраться до назначенного вам острова, найти спрятанный на нем штандарт Стратегикона и провести на острове ночь. Утром за вами приплывут наставницы. Вопросы?

— Почему плыть надо в ночь? — недовольно поинтересовалась Ифина.

Ио усмехнулась.

— Потому что при свете дня верный путь отыщет даже овца. Дочь Стратегикона умеет слушать звезды и течения и не заблудится даже в кромешной тьме. Разбирайте лодки!

Уже много лет детям Орифии рассказывали на ночь одну поучительную сказку. Там речь шла о не очень умной девушке, которая поверила вранью злого духа, увязшего в болоте. Вопреки советам родителей, девушка принесла из дома рыболовный крюк, чтобы помочь духу выбраться. Злой дух нацепил крюк себе на хвост и вылетел из болота. Вылетая, он зацепил крюком хвосты своих товарищей — других духов, увязших в трясине еще глубже — и потащил их за собою по воздуху. Из-за этой-то глупой девушки, говорила сказка, беды и приходят всегда вереницей, одна за другой.

Сегодняшним вечером три девушки имели возможность вполне убедиться в справедливости этой морали.

То, что им троим опять выпало быть вместе и плыть в одной лодке, само по себе еще не было проблемой. Опытная рыбачка, Ариста быстро освоилась со снастями. Тигона не особо соображала в мореплавании, но послушно и быстро делала, что скажут. Тамриз же молчала и смотрела в карту до тех самых пор, пока берег не остался локтях в сорока позади. Только тогда принцесса подала голос.

— По прямой плыть нельзя, — сказала она. — Надо взять чуть к западу и выйти к острову по дуге.

— Это еще почему? — спросила Ариста.

Тамриз очертила ногтем небольшую окружность на пергаменте карты.

— Вот здесь лежит гряда рифов. Сейчас прилив, она будет скрыта под водой. Пойдем напрямик, и распорем о них лодку.

— Ты-то откуда знаешь? Ты никогда здесь не плавала!

Лицо Тамриз приняло такое высокомерно-снисходительное выражение, что Аристе захотелось одновременно извиниться и дать ей по носу.

— В крепости есть книги и карты. К испытаниям можно готовиться раньше, чем за миг до начала.

— Почему же на этой карте рифы не отметили? — встревожилась Тигона.

Тамриз пожалла плечами.

— Возможно, это часть испытания. Умеем ли мы думать своей головой.

Ариста подумала и решила не спорить. Ни к чему пререкаться посреди открытого моря, да и крюк выйдет невелик. Они потеряют много если час. Солнце уже закатилось, на море стемнело, но ночь была ясной и лунной. Черную громаду своего острова они уж точно не пропустят. Ариста отлично представляла себе его место в южном архипелаге: третий слева, формой напоминает черепаху.

Руль повернулся влево, Ариста села помогать Тигоне на веслах. Просить принцессу грести было бесполезно: она наотрез отказывалась от любой работы, не связанной с боевым искусством. Ариста подозревала, что даже окуни она упрямую смуглянку за борт вниз головой, это не заставило бы ее притронуться к презренному веслу.

И тут у них лопнул парусный канат.

Парус сдулся. Лодка, только что бодро бежавшая по воде, теперь заколыхалась на волнах подбитым селезнем. Вдобавок на море поднялся ветер, и лодку замотало по волнам так, что нечего было и думать держать нормальный весельный ритм.

Кошкой балансируя на ходящей ходуном корме, Тамриз осмотрела лопнувший канат.

— Гниль, — заключила она. — Лодку делал очень плохой варвар-корабельщик.

— Отличное время для критики, — огрызнулась Ариста, сражаясь с веслом; волны то и дело норовили вырвать его из рук. — Под скамьей запасной канат, вытаци да закрепи!

— Уверена, любая из вас...

— Если не грести во всю мочь, волны нас перевернут, неженка! Либо бери весло, либо вяжи канат! В любом случае пошевеливайся!

С лица Тамриз впервые за время путешествия сошло выражение надменного достоинства. У принцессы даже повлажнело в глазах, как у отруганного за леность ребенка.

— Ты нас очень обяжешь, — ни с того ни с сего Тигона сдобрила диалог формальной вежливостью.

Принцесса вздохнула и нагнулась под скамью.

То, что варвары принимали за лень и изнеженность, на самом деле было страхом. Причем наихудшей его разновидностью. Страхом перед собственной слабостью.

Тамриз Хеменид росла в убеждении, что дочь величайшего из людей, даже нелюбимая и растущая в тени брата, умеет и знает все, что стоит знать и уметь в земной жизни. Ее учили поэзии, истории, риторике, политике и географии, самоучкой тренировала она свое тело в искусстве боя и благородной гимнастике.

Попав в Стратегикон, Тамриз, по выражению одного философа, узнала, сколь многого

она не знает. На этом безбожном полуострове нужно было стирать одежду, чинить обувь, убирать постель, самой умываться и чистить оружие. Немудрено, что эти варварки такие грубые и дикие: у них уходит столько времени на низкие нужды, где уж тут думать о развитии ума и духа!

Услуги Тигоны (принцессе не нравилось называть это «помощью») стали настоящим спасением. Тамриз могла большую часть времени сосредоточиться на том, что получалось у нее хорошо, и не бояться выставить себя на посмешище перед дикарками.

Вот и сейчас она не хотела грести и вязать канат не потому, что брезговала. Уроки отца, унижавшего ее за малейшую некомпетентность, заставили Тамриз панически бояться любого дела, в котором она могла показаться неумелой. Грубое весло и жесткий канат были для нее в тот час злейшими врагами.

Но сероглазая дикарка сказала верно: если ничего не сделать, они рано или поздно перевернутся. Или застрянут в море посреди ночи. Тамриз стиснула зубы и забралась с новым канатом на мачту. Кажется, рабы на ее корабле вязали этот узел вот так...

И тут принцесса Хеменид увидела вдалеке следующую беду.

Никто из девушек не обратил сперва внимания на то, откуда дул будоражащий море ветер. А дул он с севера.

А северный ветер всегда вел за собой туман с северных гор.

Молочно-белая дымчатая масса катилась по морю, приближаясь куда быстрее, чем виделось невооруженному глазу. Стена тумана была такая высокая, что все три девушки, не сговариваясь, подумали одно и то же: он поглотит лодку целиком, накроет ее от мачты до кормы. Даже луну и звезды сквозь эту пелену будет не видно.

Прочим воспитанницам, которым не нужно было делать крюк и у которых не лопнули канаты, туман будет нипочем. Они успеют добраться до своих островов и разжечь теплые светлые костры. А вот для их тройки перспективы выглядели куда более мрачными. Хуже, чем застрять в море ночью со сдувшимся парусом, только застрять в море ночью со сдувшимся парусом без видимых ориентиров.

— Хеменид, вяжи этот трижды клятый канат, — тихим и страшным голосом сказала Ариста.

Туман нагнал их, когда из темноты уже выросла спасительная гряда южных островов. Третий остров с левого края архипелага исполинской черепахой лежал на воде. Поставленный парус легко домчал бы их к берегу.

Но теперь было уже поздно. Белое море окутало их со всех сторон, скрыв из виду и острова, и звезды, и вообще все за пределами их маленькой лодки. Где сейчас находится нужный им остров, понять было невозможно. Ветер постепенно стихал, и болтавшаяся на волнах лодка легла в неспешный дрейф. Движения не ощущалось. Однообразная стена тумана вокруг, казалось, застыла в неподвижности.

Тигона выпустила из рук весло, размяла измученные кисти. Ее примеру последовала и Ариста. Тамриз понуро опустила на дно лодки, баюкая кровотокающую ладонь. При попытке закрепить узел на мачте рука ее соскользнула, и жесткий канат разрезал кожу.

Несколько минут никто ничего не говорил.

— Порез лучше промыть, — тихо сказала Тигона. — Загноится еще.

Тамриз подняла голову. Взгляд у гордой принцессы был растерянный и едва не испуганный.

— Но нам же не дали с собой воды...

Ариста закатила глаза, свесилась за борт, горстью зачерпнула морскую воду и плеснула всю пригоршню на руку Тамриз. Смуглянка вскрикнула от боли, морская соль обожгла открытую рану.

— Ай!

— Шшшшш, — Ариста крепко сжала раненую ладонь Тамриз в своих ладонях.

Рука принцессы была нежной и гладкой, как творение скульптора. Даже облитая водой и кровью, она оставалась приятной на ощупь.

— Соль защитит от заразы. Потерпи.

В глазах Тамриз вспыхнула знакомая гордость. Она закусил губу, чтобы не выдать боли. Руки дикарки были шершавыми, грубыми и очень теплыми. В них рана не так болела.

— Благодарю.

— Не за что.

Тамриз поколебалась.

— Сожалею, что не совладала с канатом.

Ариста не ответила и выпустила руку принцессы.

— Что же нам теперь делать? — спросила Тигона, с тревогой вглядываясь в непроглядный туман.

Несколько секунд заняли раздумья над ответом.

— Надо грести прежним курсом, — сказала Ариста. — Мы правильно плыли. Двинемся вперед, и рано или поздно причалим к острову.

— А как же рифы? В тумане их не заметишь, пока не налетишь! Давайте лучше повернем назад, вернемся в город!

— Мы уже обогнули рифы, сделали крюк! А до города сейчас дальше, чем до острова!

— Зато город мы вернее увидим или услышим хотя бы! А до острова еще доплывем ли живыми...

— Живыми мы не доплывем, если угодим в полночный холод на полпути к городу! На острове хоть костер разожжем!

— Не дойдем мы до острова, на нас валятся неудачи! Я уж думаю...

Тигона запнулась.

— Что?! — вспыхнула Ариста. — Что неудачи из-за меня? Что туман пришел, потому что я Гракх?

— Я просто хочу домой, — Тигона готова была заплакать.

И тут Тамриз Хеменид выхватила из-за пояса нож и с размаху вонзила его прямо в борт лодки. Звук удара был негромкий, но на двух девушек он подействовал как звон гонга: обе немедленно замолчали и устали на смуглую чужеземку.

— Я согласна с Гракх, — твердо сказала Тамриз. — Мы вернее погибнем, плавая туда-обратно по холоду и туману. К тому же, вернуться ни с чем значит покрыться позором. Это недопустимо.

Принцесса встала со дна лодки во весь рост, зажала в кулак раненую руку.

— Ложитесь на весла, обе. Я закончу работу с парусом. Все ясно?

— Да, сестра, — не сговариваясь, как на построении, ответили Ариста и Тигона.

Следующие полчаса прошли в напряженной работе плеч, рук и спин. Весла били по воде, скрипели снасти, три напряженных частых дыхания звучали в ровном такте. Лодка резала носом проклятый туман, прорываясь к твердой земле. С четвертой попытки Тамриз

закрепила парус на мачте; хоть и ослабевший, северный бриз все же придавал суденышку сил.

Туман по-прежнему держался, поэтому темный берег острова вырос перед ними как-то сразу и вдруг, будто возник прямо из-под воды. Днище заскребло о прибрежный песок, и туман наконец выпустил их судно из своей белесой хватки. Девушки, усталые и взмокшие до головокружения, вывалились за борт и рухнули на холодный песок.

— Звезды, — мечтательно пробормотала Тигона.

Когда они отдохнули и озаботились дальнейшим планом, небо из бархатно-синего сделалось уже абсолютно черным. Вероятно, близился полночный час, а может, уже и миновал. Сложно было сказать наверняка.

Вокруг них еще стояла стена тумана, но на самом острове можно было ориентироваться. Песчаный пляж, на котором высадились девушки, переходил в кедровую рощу, расстилающуюся во всю ширь острова, насколько видел глаз. Что находится за этой рощей, в темноте было не разглядеть. Стояла благодатная тишина, нарушаемая только плеском волн о песок.

Мнения о том, что делать дальше, быстро разошлись.

— Разделимся, обыщем остров и найдем штандарт! — заявила Тамриз. — Испытание нужно выдержать во что бы то ни стало!

— Ночью, в лесу? — заныла уставшая Тигона. — Может, лучше согреемся и утром найдем? До полудня нас никто ведь не заберет.

— Гракх, скажи ей, мы не можем бездействовать!

— Ариста, мы на ногах не стоим!

Обе спорщицы вперили взгляды в Аристу. Оба взгляда лучше любых слов требовали: скажи, что я права, сделай по-моему. Ариста спешно припомнила все то, что отец когда-то рассказывал ей об искусстве компромисса.

— Давайте так. Соберем в роще хворост и найдем воду. Погреемся у костра и сделаем факелы. Пока будем делать, отдохнем. А с факелами и штандарт быстрее найдется.

Возражений не последовало. Роща была не слишком густой, луна надежно освещала пространство между кедрями, поэтому девушки разделились. Тамриз единолично направилась на поиски родника, Ариста же осталась с Тигоной собирать хворост. Нетрудно было догадаться, что принцесса только рада была не таскать в руках колкие ветки и сучья.

— Слушай, — Тигона прервала затянувшееся молчание. — Прости, что сорвалась на тебя в лодке. Я... я не думаю, что ты приносишь беды.

В непроницаемой тишине рощи их голоса и шорох шагов звучали непривычно громко. Ариста нагнулась, чтобы подобрать сухую кедровую ветку. Хороший ответ на ум не шел.

— Я просто испугалась, — виновато закончила Тигона. — Плохая из меня дочь Стратегикона.

— Мы все испугались.

— Да, но вы с Хеменид все равно остаетесь умными. Что-то придумываете и все такое. А я от страха делаюсь полной дурой.

Ариста почуяла опасность. Если Тигону не остановить, она прямо посреди рощи ударится в очередной цикл самоуничтожения, и ее будет не успокоить до рассвета. Это раздражает и на учебном стрельбище, но уж на пустынном острове посреди ночи это вообще не к месту.

— Ладно. Слушай. Я на тебя не сержусь. Мы добрались до острова, все вместе. Это главное.

— Правда?

— Правда. Но если мы вернемся домой, ты никогда больше не припомнишь мне, что я Гракх. Договорились?

За разговором и сбором хвороста они и не заметили, как пересекли рощу и вышли из-под тени кедров на открытую местность.

— Догово... — ответ замер на губах у Тигоны, она побледнела.

Взору девушек предстала широкая извилистая лощина, локтей двадцать в глубину. Она рассекала остров, как порез от удара гладием; зеленая полянка обрывалась в покатый спуск. Каменистое дно лощины было усыпано плотной белой массой. При взгляде на это странное покрытие Ариста почувствовала, как у нее холодеют пальцы. Только сейчас ей пришло на ум, что в такой цветущей роще они ни разу не встретили ни птичьего гнезда, ни спящих на ветках обезьян.

Кости. Они усеивали всю лощину. Большие, маленькие, толстые, хрупкие, идеально выбеленные и очищенные от плоти догола. Тонкие кости птиц лежали вперемешку с грудными клетками и расколотыми черепами, ужасно похожими на человеческие. Останки диких обезьян.

Одно бедствие крючковатым хвостом зацепило другое. К этому времени туман над морем рассеялся, и девушки смогли разглядеть лежащий по соседству остров. Тот, что лежал на воде подобно панцирю черепахи.

Они причалили не к тому острову.

Но если их остров там, чуть дальше на юг, значит, они сейчас на...

О боги. Нет-нет-нет. Только не это.

— Что же это? — пролепетала Тигона.

— Надо найти Хеменид, — голос Аристы стал хриплым от страха. — Вернемся в море немедленно.

— Что? О чем ты...

Из рощи позади них раздался яростный клич, звон стали, треск веток. Боевой клич сменился криком, затем оборвался совсем.

Настала мертвая, жуткая тишина. Черная пасть кедровой рощи дохнула на девушек холодом самого давнего, самого глубокого страха, известного смертным — страха темноты и неизвестности.

Затрещали сухие ветки, закачались кедровые стволы. Что-то большое шло, продиралось через рощу, направляясь прямо к лощине. И к двум девушкам, замершим на ее краю.

Вода нашлась быстро. В глубине рощи — кажется, в западном направлении — таилась небольшой пруд с водой гладкой, как поверхность зеркала. Тамриз нагнулась, провела по воде пальцем. Никаких следов на пальце не осталось. Вода была чистой и очевидно пригодной для питья.

Довольная собой, принцесса наполнила походную фляжку. Не так уж и сложны эти низкие нужды, вроде починки канатов и поиска воды. Варвары тратят целую жизнь на обучение этим примитивным вещам, и зовут это практичностью. А между тем умному человеку так легко выучиться им в считанные часы. Было бы, чем гордиться.

Тамриз закупила фляжку, подняла голову. И застыла на месте.

С противоположного берега пруда, из-за тени кедров, на нее смотрели два круглых глаза. Белые, неподвижные, они чем-то напомнили принцессе стеклянный глаз Баррада Дарафалла. Слишком большие, чтобы принадлежать любому известному ей зверю.

Схватки с Джохаром приучили Тамриз выхватывать клинок немедля, не давая врагу ни мига форы. Сейчас ее быстрая реакция оказалась страшной ошибкой. Рука метнулась за спину, к рукояти скимитара, и существо на другой стороне пруда восприняло это как провокацию.

Что-то черное пронеслось над водой, сбило ее с ног и опрокинуло в пруд. Тамриз инстинктивно вскрикнула, наглоталась воды и, ничего не видя, вслепую рубанула клинком. Лезвие лязгнуло о что-то острое и твердое; сила удара была такой, что принцесса не удержала и выпустила из рук скимитар. В следующий миг холодные цепкие лапы схватила ее за лодыжки, выдернули из воды и с размаху ударили оземь. В голове зазвенело, и Тамриз провалилась во тьму.

Треск веток и тяжелая поступь приближались. Прятаться за деревьями значило бежать навстречу тому, что шло сейчас из темноты. На открытой полянке не было ни валуна, ни кочки, за которыми можно укрыться.

Оставалось только одно.

Ариста обхватила Тигону за плечи, зажала ладонью рот — интуиция подсказала, что иначе подруга обязательно завизжит и выдаст их — и резко откинулась назад. Девушки скатились по покатому склону лощины и упали на груды костей.

— Ты что...

— Тсссс!

Тяжкий топот слышался уже у самого края лощины. У Аристы было всего несколько мгновений, чтобы забросать себя и Тигону костями. Девушки притаились под останками, затаив дыхание и прижавшись друг к дружке. Сквозь щели и зазоры в костях они хорошо видели склон лощины, облитый лунным светом.

Массивная тень показалась на вершине склона. Более всего существо напоминало сову: обтекаемое туловище в черных перьях, цепкие лапы с острыми прочными когтями, круглая остроухая голова с кривым клювом и широко открытыми круглыми глазами. Но на том сходство и заканчивалось. Голова держалась на длинной гибкой шее, как у змеи. Вместо крыльев из туловища росли две пары гибких трехпалых рук, пугающе похожих на человеческие. А в приоткрытом клюве сверкали три ряда мелких острых зубов.

Существо вцепилось когтями в покатую поверхность склона и стремительно поползло вниз.

— Стрикс, — одними губами прошептала Тигона.

Несколько мыслей пронеслись в голове Аристы, быстрые, как удары клинка.

Стриксы. Мерзкие создания, которыми пугают детей. Не рептилии и не птицы, они пьют кровь несчастных жертв, высасывают их досуха и потом неделями жрут гниющее обескровленное мясо.

Конечно, в Орифии и окрестностях давно не видели ни одного Стрикса, да и вообще ни одного чудовища. Ведь чудовища появляются только там, где нет богов и их священных алтарей. Логика подсказывала, что на островах, куда им велели доплыть наставницы, такие алтари тоже были — поставленные когда-то орифийскими мореплавателями, чтобы обеспечить безопасные стоянки в море.

Но они причалили к неправильному острову, где никто не удосужился воздвигнуть алтарь. И как следствие, они угодили в логово самого настоящего монстра.

В этот момент тварь сняла что-то со своей горбатой спины и бросила на белые кости, в двух ногтях от лица Аристы.

Это была Тамриз. Глаза закрыты, на лбу кровавый шрам, но грудь поднимается и опускается. Принцесса жива. Пока что.

Стрикс отвернулась и поковыляла куда-то вглубь лощины. Кости хрустели под ее лапами. Ариста выбралась из-под останков и лихорадочно потрясла Тамриз за плечи.

— Ты что делаешь? Бежим отсюда! — свистящий шепот Тигоны раздался у самого уха.

— Мы не можем ее тут бросить!

— Почему? В смысле, она ведь даже не из наших!

Довод застал Аристу врасплох. В самом деле, принцесса Хеменид им чужая. Капитан Ио вообще не хотела допускать ее к обучению. К тому же Тамриз ранена. Если они не смогут незаметно выбраться с острова — что они могут против Стриксы? Эту тварь, если верить легендам, можно убить только ударом в сердце, у измученных девушек не хватит на это сил и искусства. Попытаются выбраться втроем, так их всех троих поймают и сожрут.

В Аристе заговорил уличный эгоизм, вскормленный годами нужды и враждебности. Каждый сам за себя. Своя туника к телу ближе. Вытащить себя и Тигону шансов больше.

Принцесса наверняка бы ее оставила, поменяйся они местами.

Или нет?..

Взгляд Аристы упал на алый след от укуса, оставшийся на шее Тамриз. «Вы видели ее храбрость и честь, по чести же к ней и относитесь...»

— Беги к лодке, — прошептала Ариста.

— Что? Нет, мне без тебя не...

— Если я вправду проклята, то сейчас худшее время, чтобы быть рядом со мной. Беги к лодке и выходи в море, тумана сейчас нет. Если получится, доберись до соседних островов и приведи сестер на помощь. Не жди нас.

Тигона раздумывала еще миг-другой, но крестьянская склонность избегать неприятностей все же взяла верх. Пастушья дочь проползла к склону лощины и стала как можно быстрее взбираться вверх, ища опоры для рук и ног.

Убедившись, что Тигона почти добралась до вершины склона, Ариста выдохнула и с размаху ударила Тамриз по щеке. Звук от пощечины вышел звонким и даже с эхом. Должно быть, на всю лощину слышно.

Принцесса ахнула, глаза широко распахнулись.

— Гракх? Во имя Хемена, что...?

— Ты попала в лапы монстру, который хочет выпить нашу кровь и съесть нас целиком.

— А где...?

— Мы на его обеденном столе.

Тамриз оглядела раскинувшееся перед ней кладбище.

— Я потеряла скимитар.

— Вижу. А я оставила гладий в лодке. Надо выбраться, пока тварь не вернулась. Идти можешь?

Тамриз помедлила и кивнула. Балансируя на костях, они помогли друг другу подняться.

— А где пастушка?

— Побегала ставить парус. Если нам повезет, успеем ее догнать и не привлечь...

В этот самый миг горы костей вокруг них зашевелились. Извилистые кривые линии вспучились под белыми грудями. Что-то ползло под костями от дальнего края лощины. Оно стремительно сужало круг, приближаясь к безоружным девушкам.

— ...внимания, — обреченно закончила Ариста.

Из-под массы останков вырвалось существо, гнуснее которого Тамриз еще не видела. Должно быть, с такими вот тварями приходилось сражаться Хемену и семи мудрецам в темные дни мира, когда мать чудиц Тиматар проглотила солнце и на годы погрузила мир во мрак.

У существа было изогнутое, гибкое, скользкое тело, как у змеи или пиявки. Двигалось оно посредством двух тонких трехпалых рук, похожих на руки недоношенного или больного ребенка. Туловище венчалось круглой головкой, похожей на совиую. Глаза были крепко зажмурены, как у новорожденного грызуна или котенка. Всего омерзительнее был рот: круглый, черный, с мелкими зубками, как у кровососущей рыбы-миноги.

Безошибочно почуяв добычу, гадина бросилась к той части ноги Тамриз, которая не была прикрыта поножами. Принцесса вскрикнула от омерзения, отскочила — зубки щелкнули на том месте, где только что находилась ее икра — и что есть силы наступила на голову твари ногами. Раздался противный визг и хруст, из-под сандалии брызнула на белые кости черная кровь.

Но то было только начало. Новые твари, не менее десятка, выныривали из груды костей и вперевалку двигались к девушкам. И несмотря на хилый вид, двигались они очень быстро.

— Гракх! Лови!

Тамриз подхватила с земли берцовую кость обезьяны и бросила ее Аристе. Как раз вовремя: дикарка поймала кость за миг до того, как черная гадина прыгнула, метя челюстями и лапками ей в лицо. Варварка костью отбила прыжок, и тварь отлетела в сторону со сломанным хребтом.

Тамриз схватила кость и себе, острую и тонкую, как стилет. Твари кружили вокруг них, и девушки скорее инстинктивно, чем сознательно, встали спина к спине. Теперь сзади их было не достать. Каждая из них лопатками и затылком ощущала частое, беспокойное дыхание другой.

— Не очень-то сейчас вспоминаются слова наставниц, да? — не оглядываясь, спросила Ариста.

— В пекло слова наставниц. Деремся как похотливые кошки по весне, — серьезно ответила Тамриз.

С режущим уши визгом маленькие монстры бросились на добычу.

Тамриз спустила с поводка свою ярость и страх. Она била, колола, давила, топтала и добивала. Она не смела оглянуться — всякое промедление могло сейчас стоить жизни — но по крикам и хрусту позади себя она знала, что Ариста делает то же самое. В лощине шла давняя, первобытная битва людей и чудовищ.

На восьмом ударе кость в руках Аристы сломалась. Одна из тварей тут же прыгнула ей на плечо и, вцепившись в волосы хваткими лапками, нацелила клыкастую пасть на яремную вену дикарки. Тамриз обернулась как раз вовремя: точным движением она сорвала тварь с плеча Аристы, отбросила собственную кость и двумя руками свернула гадине шею. С безмерным отвращением принцесса отшвырнула трупик.

— Хеменовы кости, какая гадость!

Девушки огляделись. Новых тварей не было. Десять размозженных, скрюченных тушек

валялись здесь и там вокруг них.

— Что это за гнусные твари? — спросила Тамриз.

— Стриксы. Кровососущие демоны. На наше счастье, еще детеныши.

— Детеныши? Чьи?

Вопрос принцессы заставил Аристу вспомнить кое о чем, что она позабыла в горячке боя. Вспомнить и похолодеть от страха.

Где та Стрикса, что притащила сюда Тамриз?

Ответ не заставил себя долго ждать. Визгливый яростный клекот раздался с правого края лощины. Мать вернулась и обнаружила гибель своего потомства.

Девушки не успели ни вооружиться, ни подготовиться. Цепкая лапа во мгновение ока схватила Тамриз за голову, размахнулась ею как тряпичной куклой и отшвырнула прочь. Ариста отшатнулась, спасаясь от удара острых как меч когтей, поскользнулась на гладких костях и упала. Она попятилась назад на четвереньках, а Стрикса наступала на нее, готовая рвать на куски. Когти скрежетали по белым останкам, из разинутого клюва капали нити слюны.

Ариста не успела бы ни откатиться в сторону, ни встать на ноги. Стрикса занесла лапу для смертельного удара.

— Аааааа!

Тамриз с криком прыгнула чудищу на спину, попыталась обхватить длинную шею. С другим противником этот маневр, может быть, и сработал бы. Но трехпалые руки Стриксы не дремали и будто бы жили собственной жизнью. Они сдернули Тамриз со спины и швырнули рядом с Аристой. Стрикса обвела обеих девушек немигающим взглядом белесых глаз. Клюв раскрылся шире, показались клыки. Тварь выбирала, кого съесть первой.

— Гракх, — голос Тамриз дрогнул на мгновение. — Хочу сказать, что...

Противный чавкающий звук не дал ей закончить.

Из туловища Стриксы с левой стороны выскочило лезвие меча, заляпанное черной кровью. Из чудовищных челюстей вырвался слабый, всхлипывающий клекот боли и потрясения. Чудище покачнулось, сделало еще пару шагов вперед и рухнуло наземь. Разинутый клюв замер в ноге от лица Тамриз. На нее и Аристу плеснуло каплями еще горячей слюны чудовища.

Перед ними с потерянным видом и пустыми руками стояла Тигона. На руки пастушке попало несколько черных капель.

Как часто бывало уже в эту ночь, некоторое время никто ничего не говорил.

— Я же сказала тебе уплывать отсюда, — сказала наконец Ариста.

— Я... парус не был поставлен, — тихо ответила Тигона.

— Вообще-то был, — заметила Тамриз.

— Был, да? Значит, я с веслами не справилась. Они такие тяжелые...

Три девушки сидели на берегу и ждали, пока разгорится костер. Небо над ними было черно. До рассвета оставалось еще много часов.

— Знаете, что самое глупое? — спросила Ариста.

— Что? — хором переспросили сестры.

— Испытание-то мы все равно провалили. Знамя не привезем.

— Надо отрезать голову того чудища, как трофей. Это великое свидетельство нашей доблести, — заявила Тамриз.

— Отлично. Спускайся в лощину и скажи, как все отрежешь.

Тамриз не ответила. Возвращаться в проклятую лощину и возиться с трупами чудищ никто из них не хотел. Даже мертвая, Стрикса вызывала дрожь.

— Ты хотела мне что-то сказать перед смертью. Скажешь сейчас? — Ариста повернулась к принцессе.

Тамриз подняла голову. В темных глазах плясали языки костра

— Вам было бы разумно уплыть и оставить меня. Глупо так рисковать собой ради чужачки.

— Ого. Интересная у тебя...

— Спасибо за вашу глупость. Вам обеим.

Тамриз выпалила эти слова быстро, будто немного стыдилась или говорила на плохо знакомом ей языке.

Повисла неловкая пауза.

— Ну...не за что.

— Мы будем такими же глупыми и дальше, — жизнерадостно пообещала Тигона.

— Глупее не сыщешь, — кивнула Ариста.

На лицах трех девушек одна за другой проступили мягкие, неловкие улыбки.

— Костер не разгорается, — заметила Тамриз. — Так мы к рассвету замерзнем.

— Не замерзнем, — покачала головой Ариста. — Сделаем как северяне.

Девушка легла на песок, поближе к огню, и раскинула руки в объятиях.

— Ложитесь ко мне, тело к телу.

У Тигоны проблем с этой идеей не возникло. Пастушка охотно примостилась у левого бока Аристы, прижавшись к подруге уютным клубочком. Тамриз же смотрела на них с таким выражением, будто ей предложили спать в свином хлеву.

— Ты чего? — Ариста приподняла голову.

— Но...мы же...девушки.

— И?

— Вот так спать это очень...так спят супруги.

В темноте не очень было видно, но Ариста готова была поспорить, что у гордой принцессы покраснели уши.

— Это называется “филия”, Хеменид, — от тепла и усталости Аристу разморило, язык заплетался. — Дружеская привязанность. Другьям тоже можно спать вместе и обниматься.

Тамриз фыркнула с видом оскорбленного достоинства и села поближе к чахлому костерку.

— Дикость. Дремучая дикость, — пробормотала она под нос на родном языке.

Ответом ей было только спокойное сопение на два голоса. Дикарки заснули как убитые, согретые теплом друг друга.

Тамриз сидела у костра одна.

Стало холоднее. С моря дунул бриз. В костре тлели мелкие чахлые угли.

Тамриз подползла к спящим девушкам и прижалась к теплому правому боку Аристы Гракх.

Уже засыпая, принцесса Хеменид чувствовала, как рука сестры приобняла ее за плечи.

Конечно, на рассвете туша Стриксы и ее потомства растворилась без следа, как и положено тушам убитых чудовищ. Испарилась даже черная кровь на клинке Тигоны.

Утром им удалось подать сигнал огнем (и очень громкими криками) проплывающей по островам триреме Стратегикона. Их забрали вместе со всеми и повезли домой.

Истории о чуде мало кто поверил: большинство просто решило, что девицы опростоволосились и выдумали глупую байку в оправдание своей неудачи. Капитан Ио, однако, рассудила, что причалить к острову в густом тумане и провести на нем целую ночь — тоже достижение. Поэтому исключение девушкам не грозило. Как единственным прибывшим без знамени, им назначили десять полуденных караулов вне очереди.

Окаста и ее свита, конечно, не упускали случая в следующие недели посмеяться над горе-сестрами. Проклятая Гракх, язычница-иноземка и пастушья девочка и в храме божьем яму с навозом найдут и в ней утонут. Подобные шутки еще долго бродили по Стратегикону.

Но трем девушкам было куда легче сносить эти насмешки, чем можно подумать. Ночь на страшном острове Стрикссы открыла им одну истину, которая перевешивала всякие насмешки и наказания.

Истину о том, что каждая из них готова прикрыть спину другой, даже рискуя собственной жизнью.

Говоря философски, между ними установилась филия.

Глава 9. Праздник Тоскара

— Нет-нет, — терпеливо объясняла Тигона. — Лазурные шары бьют белые, но только при полном окружении. А вот золотые могут бить по всем направлениям.

Тамриз с досадой сбросила с доски лазурный шар.

— Что за безбожная игра! В тавлеях ты командуешь целым войском, учишь стратегию и тактику! А ваши шарики чему учат, уж не цвета ли различать?

— Философ Калликл говорил: петтейя — игра не воинов, но богов. Она учит терпению и постепенной победе. Разные цвета шаров это... — Тигона щелкнула пальцами, подбирая нужное слово, — абстракция. Твои тавлеи могут отобразить лишь войну. А петтейя отображает то, что ты хочешь в ней увидеть: разных людей, силы природы, много всего.

Ариста подняла глаза от свитка с описанием Пяти Эпох поэта Рапсода. Тигона не так часто говорила о чем-то так спокойно и уверенно. Но Ариста все больше убеждалась, что простоватая робкая подруга куда умнее, чем кажется; ей нужно найти только тему, которая увлечет ее ум и сердце.

Три девушки проводили день в сосновой роще за городскими стенами. В преддверии большого праздника занятия отменили, и воспитанницы Стратегикона могли провести время в свое удовольствие. В роще было чудесно: ласковое солнце, прохладная тень, мягкая свежая трава. Невдалеке журчал родник, по ветвям скакали озорные белки. В таком месте приятно было распустить волосы, снять пояса и сандалии и в одной легкой тунике поваляться на траве с подругами за чтением или игрой.

— Расскажи про тот диспут, Тамриз понравится, — Ариста решила подзадорить ораторский талант Тигоны.

— Ой, да, конечно! Однажды Калликл ведь играл в петтейю со своим учеником, пять партий подряд! При этом они вели диспут, и каждый шар можно было ставить на поле только после аргумента. Чем точнее был аргумент, тем более сильный шар можно было поставить.

— И что же этот Калликл, он победил? — хмыкнула Тамриз.

— Ну...почти. Калликл одержал четыре победы и готов был взять пятую, но тут на доску нагадила чайка. Ученик и заявил: это знак богов, что они не поддерживают аргументы учителя.

Ариста не сдержалась и фыркнула; эта история почему-то смешила ее каждый раз. Тамриз же вообще смеялась редко: вместо этого она задумчиво потеряла подбородок, рассматривая пестрые шары на доске.

— Ты, пожалуй, права. Тавлеи не помогут в ученом споре. Хотя одна великая женщина, Атосса Пасаргид, однажды выиграла в них себе свободу.

— Это от кого же? — спросила Ариста.

— От мужа. Она была несчастлива в браке и предложила мужу партию в тавлеи: если бы она выиграла, он отпустил бы ее из дома.

— Как умно! И что же, она была мудра и обыграла его?

Тигоне явно понравилась идея, что настольные игры могут так помочь человеку в жизни.

Тамриз ухмыльнулась.

— В каком-то смысле. Она добилась того, что слуги принесли в ее покои доску. Едва

муж сделал первый ход, как она схватила доску и проломила ему голову.

— О.

— Потом она сбежала из дома покойного и стала профессиональной отравительницей. Императорский двор приметил ее и позвал на службу. По ее личной просьбе ее похоронили в гробнице с останками всех тех, кого она отравила за годы служения.

— О, — повторила Тигона.

Бедная пастушка и не догадывалась, какими опасными могут быть настольные игры и их знатоки.

— Хорошо, что Тигоне не грозит сейчас несчастливый брак, — заметила Ариста, лениво скользя глазами по строкам о Пятой Эпохе. — А то у нас нет придворных отравителей, пришлось бы ей стать страшной разбойницей.

— И хватать на дороге богатых мужчин, — подхватила Тамриз.

— Конечно. И убивать любого, кто не обыграет ее в петтейю.

— И вовсе бы я не стала... Да ну вас! — Тигона покраснела.

Ариста и Тамриз обменялись лукавыми взглядами, сохраняя при этом совершенно серьезные лица.

Чтобы не засмущать Тигону, Ариста вызвалась сама сыграть с ней партию. Подруга (конечно же) выиграла и сразу повеселела. Поэт Рапсод со своими причитаниями о бесчестной и жестокой Пятой Эпохе так и остался недочитанным.

После приключения на острове Стриксы прошел почти месяц. За это время их тройственная «филия» пустила корни и укрепилась. Теперь они проводили друг с другом почти все время не по нужде, не потому что больше было не с кем, а потому что друг с другом им было хорошо.

Помимо доверия и боевого товарищества их маленький круг сплотило кое-что еще — свобода от стигм. Принцессу с Востока совершенно не волновало, кто такие Гракхи и из какой Тигона семьи. Ариста же с Тигоной, едва не погибшие с Тамриз плечом к плечу, теперь уж точно не гнушались водиться с чужестранкой.

Вот так и вышло, что почти каждую свободную минуту они трое проводили вместе. Вместе болтали под окнами, зубрили стихи, выбирались за город и отрабатывали удары в вечерний час.

Каждая из них по-разному воспринимала этот странный союз. Для Тамриз это было возможностью лучше понять души и нравы этих странных, диковинных варваров. Ариста впервые за долгие годы наслаждалась компанией, в которой на нее никто не смотрит косо. Тигона же просто радовалась близости умных и сильных подруг, которые относились к ней как к равной. Ну, настолько как к равной, насколько это могла себе позволить Тамриз.

В любом случае, это был хороший месяц. Одиночество отступило от них.

— Воспитанницы! Построение! — скомандовала капитан Ио.

Два десятка девушек послушно выстроились в ровную шеренгу. Капитан оглядела строй и снисходительно улыбнулась.

— Что ж, младшие сестры. Поздравляю. Те из вас, кто пережил эти месяцы и показал себя достойными, заслужили свое право на празднество Тоскара!

По шеренге пробежали радостный гул и взволнованный шепот. У многих девушек зарделись щеки, заблестели глаза. Завтра их ждет особая ночь!

— Что такое... — шепотом спросила было Тамриз у Аристы.

— Подожди, сейчас узнаешь!

Капитан подождала, пока шеренга утихнет.

— Завтра вечером Стратегикон отпустит вас в город на всю ночь. Ищите себе юношу или мужа по нраву и будьте с ним до утра. Большинство из вас это знает, но должна предупредить еще раз: обычай Тоскара священен. Если кто-то из вас возляжет с мужчиной, не сойдясь с ним сперва в состязании...

Ио оглядела строй девушек таким взглядом, что и самые смелые отвели на всякий случай глаза.

— ...то этим вы посрамите Стратегикон, опозорите имя Фаланги и навлечете на всех нас немилость Воителя! Если вы не можете бросить вызов мужу в силе, ловкости или смекалке, лучше вообще забудьте о любовных утехах! Есть вопросы?

— А вы не боитесь, сто мы случийно станем матерями? — с сомнением спросила Ифина.

— В кладовых есть снадобья для временного бесплодия, кому нужно. Один глоток, и до рассвета можете быть спокойны. Еще вопросы?

Других вопросов не было.

— Свободны.

— То есть как это ты не пойдешь? — возмутилась Тамриз.

Ариста пожала плечами. Говорить об этом было неприятно; девушка надеялась, что свиток поэта Рапсода прячет выражение ее глаз.

— Просто не хочу идти. Там каждые полгода одно и то же. Скучно.

— Если хочешь мне врать, так ври хотя бы искуснее! — сказала Тамриз таким тоном, будто отчитывала нерадивого раба. — Ты боишься не найти себе мужчину! Хотя у других много меньше шансов, чем у тебя, и они все равно пойдут! Блаженный Хемен, да даже Тигона собирается!.. Не обижайся, — бросила Тамриз через плечо, вспомнив, что Тигона вообще-то тоже находится в комнате.

Тигона, которая как раз пыталась уложить перед зеркалом волосы в прическу покрасивее, хмуро посмотрела на бестактную подругу и незаметно показала принцессе неприличный жест.

Ариста раздраженно скрутила свиток. Бедный Рапсод так и не успел закончить свой грустный рассказ об эпохах.

— Хорошо. Давай так. Назови мне одну причину идти на праздник в городе, где ни один юноша меня не пожелает.

— Легко. Чтобы найти юношу из другого города.

Ариста уже взмахнула рукой в жесте возражения и открыла рот, чтобы дать новую отповедь. Но после ответа Тамриз рука так и зависла в воздухе, а рот остался открытым. Возражения как-то не придумывались.

— Вы, варвары, дурно знаете географию. Ваш город — крупный центр торговли. Здесь каждый день бывает множество мужей, которые знать не знают, кто ты такая. Тем более в праздник.

Ариста наконец заметила, что рот лучше бы закрыть.

Конечно, это глупость, и ничего из нее не выйдет. Подруга-чужестранка просто этого не понимает.

С другой стороны...

— Если к утру я останусь девственницей, будешь неделю чистить мои доспехи.

— Да будет так. Я все равно прикажу это делать Тигоне.

— Однажды я тебя натурально отравлю, Хеменид, — пробурчала Тигона, укладывая у зеркала непослушные волосы.

Орифия была залита огнями. На каждом доме горели факелы из ароматной сосны. На площадях чадили жаровни с тушами молодых диких кабанов. В праздник Тоскара не позволялось есть мясо безропотной домашней скотины — только зверя, убитого на охоте.

Над белыми домами и мостовыми плыл ритмичный воинственный рокот. Молодые парни и девушки Орифии вытащили на улицы боевые барабаны своих дедов и прадедов и самозабвенно играли древнюю музыку войны. На улицах пошире молодежь танцевала старую боевую пляску, надеясь своим искусством привлечь внимание достойной пары на ночь. Пляска была простой, состоявшей из сильного топота, ритмичных хлопков да коротких боевых кличей. Но в этой простоте и таилась чарующая сила. Задержись, послушай — и в топоте красивого парня тебе послышится рокочущий марш древних армий, а гортанные кличи девушек отзовутся криками с полей тех сражений, что велись в молодые дни мира.

Главное торжество проходило на агоре, у великого храма Тоскара. Могучим исполином нависла над площадью статуя грозного бога; в боевом облачении, со свирепым выражением на лице, он пронзал копьем поверженного врага. В тени священной статуи парни и девушки присматривали себе пару, сходились и предлагали столкнуться в каком-либо состязании.

Что здесь только не творилось! Любители борьбы валились на каменные плиты и орошали подножие статуи кровью из разбитых губ и содранных костяшек. На деревянных столах сжимались ладони, и каждый силился прижать к столу руку противника. Атлеты обоих полов бросали тяжелые железные молоты в специально заготовленные стога сена.

Три девушки вышли на площадь, глаза у них разбегались. Вкусный запах жареной кабанины щекотал ноздри, гром барабанов заставлял сердце биться чаще.

— Смотрите, а вон Ифина. Уже нашла себе кого-то, — Тигона показала пальцем вперед.

Их сестра по ремеслу очаровывала спутника на ночь прямо перед ступенями храма. Ее избранником был молодой весельчак с невероятно длинными волосами, с губ которого не сходила белозубая усмешка. Он как раз просунул голову в деревянное колесо с отверстием в центре, и смеющиеся приятели помогли привязать его длинные космы к краям этого колеса. Ифина, улыбаясь, вытащила из-за пояса метательный нож.

Раз! Нож вонзился в дерево, перерубив одну из черных кос. Парень в колесе ухмылялся, бросая вызов страху. Его приятели одобрительно загоготали. Ифина уже приготовила второй нож.

— Несправедливо. Он же ничего не делает! — возмутилась Тамриз. — Как он может победить в таком состязании?

— Не испугаться раньше времени, — объяснила Ариста.

— Вам-то и такое не по плечу! — раздался насмешливый голос прямо рядом с ними.

Мимо надменно прошагала Окаста в сопровождении Ниобии и Краты. Все трое были в великолепных туниках с золотой оторочкой, со знаками Стратегикона на предплечьях.

— И кого вы тут забороть вздумали, неприкаянные! Кто ваш вызов-то примет! Шли бы вы отсюда, не позорьте Стратегикон!

И дочь капитана уверенным шагом прошествовала к жаровням, где толпились рослые, потные, голые по пояс парни. Не было сомнений, что уж Окаста-то намерена урвать сегодня самое аппетитное блюдо.

— Наверное, она права, — грустно согласилась Тигона. — Я-то уж точно не смогу разбить лицо парню покрасивее, чтобы он меня полюбил.

Словно в подтверждение ее слов, под ногами Тоскара раздался хруст ломаемого носа и яростный крик. Дрались юноша с юношей. Тоскару-воителю не было дела, кто с кем борется и любит, если борьба была честной, а любовь жаркой.

Ариста огляделась. Положение и в самом деле было тоскливое. Вокруг шастала куча парней, но все проходили мимо них троих, уже присмотрев себе другую пару. Кое-кто бросал на них короткие взгляды и все равно проходил мимо.

На прошлые праздники Тоскара Ариста даже не ходила. Кому бы пришло в голову с ней сойтись? Ей и сегодня не надо было, это все Тамриз... Кстати, где она?

Смуглой красавицы рядом уже не было. Она выхватила из толпы гуляк широкоплечего рыжеволосого детину с юношеской бородкой — судя по всему, крестьянского сына — и потащила его к столам для борьбы на руках. Здоровяк явно был пойман врасплох, но возражать не стал. Судя по тому, как внимательно он глядел на Тамриз сзади, ему стала вполне понятна вся выгода его положения.

Их же с Тигоней положение виделось все более досадным. Кажется, скоро они окажутся единственными девушками на агоре, кому не с кем бороться и не с кем переспать. В конце концов, Тигона не сильна в борьбе, в метании молота или ножа, в беге, в плавании... Она, если подумать, вообще мало в чем сильна, кроме...

Ариста щелкнула пальцами, озаренная внезапной идеей.

— Кровь и смерть! Давай за мной!

Тамриз ощущала сзади взгляд рослого варвара, но ее это не смущало. Во дворце отца хватало невольников, и она вполне овладела искусством укрощения мужчин.

Досадно было другое. Храм варварского бога войны был так близко, но многолюдное сборище на площади не давало к нему подобраться. Вздумай она исполнить поручение отца и владыки сейчас, и ее непременно заметят и разоблачат.

Мелкие острые зубки вины надкусили ей сердце. За время учебы в Стратегиконе она так погрузилась в роль юной воительницы, что сама порой забывала, зачем на самом деле прибыла в Орифию. Посмотрите на нее: готова веселиться и кокетничать с первым попавшимся дикарем, забыв о долге и задании!

Тамриз остановилась и еще раз оглядела переполненную агору. Ее избранник встал рядом как вкопанный, с любопытством и желанием таращась на принцессу.

— Так ты будешь состязаться?

Смех. Музыка. Шипение углей на жаровнях. Бой барабанов.

Сейчас риск не оправдан.

Нет. Она не забыла о долге. Когда миг будет благосклонен, она станет действовать решительно и без промедления. У нее есть еще время.

А пока... Чем приятнее ей будет играть свою роль, тем убедительнее она сыграет.

Тамриз бросила властный и соблазнительный взгляд на своего ухажера.

— Я готова, мой силач. Умеешь ли ты бороться на руках?

— Эй!

Ариста помахала высокому парню с пушистой гривой светлых, как у льва, волос. Юноша лениво разминал мышцы у железного молота. В зубах у него торчала почти обглоданная кость от кабаньей ноги.

— Мм?

— Струсишь сыграть с ней в петтейю? — Ариста показала на Тигону.

Пастушку приходилось держать за руку, чтобы она от смущения не сбежала.

Парень вынул кость изо рта и выбросил в мусорную кучу.

— Чего тебе?

— Мне ничего. Вот она бросает тебе вызов! На игру в петтейю!

— Ничего я не бросаю, не надо...

— Бросает-бросает. Это она специально тебя проверяет, вдруг ты трус.

Юноша совсем потерялся. От жаровен к нему уже оборачивались товарищи, такие же рослые лбы.

— Э... Может, лучше молот кинем?

— Никаких молотов! Условия вызова определяет девушка! Петтейя, или она уходит!

Тигона открыла было рот, чтобы сказать, что она и так сейчас уйдет. Ариста страшно зыркнула на нее через плечо: молчи!

Парень поглядел внимательнее на Тигону и, похоже, нашел ее симпатичной; уголок его рта дрогнул в мальчишеской ухмылке. Он почесал гривастый затылок.

— Тоскарова борода. Ладно, петтейя так петтейя. Братишки! — гаркнул он приятелям у жаровен. — Есть у кого доска с шарами?

— Ариста, ты что делаешь? — прошептала Тигона в ухо подруги. — Ты посмотри на него, куда он мне...

— Он что тебе, не нравится?

— Нравится, но...

— Но ты умнее его и лучше играешь. Обставь его шарами и полюби от души. Пусть это будет твоя ночь.

Юноша уже подошел к ним спокойной, почти кошачьей походкой. Сейчас, когда у него не было во рту кабаньей кости, он не казался таким уж мужланом. Довольно милый здоровяк.

— Я, кстати, Креол. Сын Кокала, — он улыбнулся сопернице.

— Э...кхм...Тигона. Дочь Стратегикона.

— Стратегикон? О как. Ну что ж, сразимся, Тигона.

И новая пара удалилась к столам под открытым небом, испытать друг друга в состязании, как велит обычай.

Шум праздника остался позади. Ариста спрыгнула с ограждения набережной и оказалась на небольшой песчаной отмели. Каменная громада Орифии теперь высилась над ее головой. Где-то правее волны с плеском бились о торговые причалы.

Ариста любила эту отмель. Сюда никто никогда не спускался, да и зачем бы? Тут не было ни построек, ни пристаней. Только песок да море.

Никто не знал об этом месте, кроме них с отцом. В прежние счастливые времена отец брал ее сюда, чтобы отдохнуть от дел с любимой дочерью. Он сажал ее на плечи и прыгал вниз, через ограду набережной. Аристе очень нравился этот момент прыжка; страшно и в то

же время весело, будто летишь куда-то. Но еще больше она любила играть с крабами у воды, устраивать между ними гонки и потешные бои. Она играла, смотрела на море и слушала истории отца, одну за другой. Он знал их так много, никогда не повторялся.

Но сегодня крабов на отмели не было. Не было и отца.

Ариста села на песок и засмотрелась на лунную дорожку, бегущую по спокойной воде. Луна была сегодня большая, полная, с кроваво-красным отсветом. Истинная луна Тоскара.

Что ж, подруги нашли себе пары и, кажется, славно проведут ночь. Вот и хорошо. А она обойдется и одна. Всегда обходилась, обойдется и в эту ночь.

Море такое тихое и, должно быть, теплое. Ариста огляделась. На набережной ни души. Увидеть ее некому.

Девушка встала, сбросила обувь и тунику. Плавно, как прыгающая за добычей чайка, нырнула в море. Вода действительно была мягкой и теплой, как свежее молоко.

На миг Ариста закрыла глаза, блаженствуя и позволяя волнам омыwać ее тело. Затем мощными гребками поплыла к горизонту. Плавала она хорошо, они с отцом часто заплывали дальше пристаней и причалов, до самых сторожевых башен на скалах. Размеренная работа руками и ногами была чем-то приятным и знакомым, как возвращение в родные места после долгой отлучки.

Держа глаза открытыми, девушка нырнула под воду. За годы рыбацкого промысла веки ее привыкли к морской соли, глаза почти не щипало. Ариста взглянула вниз.

Лунный свет не проникал в глубины, оставшись где-то наверху. Под нею расстилалась беспредельная черная толща, не имеющая конца и края. Аристе стало даже страшно. Она парила в бескрайней, неведомой бездне. В этих черных глубинах могло скрываться что угодно.

Но страх быстро сменился возбуждением, заставив сердце стучать веселее. Сделав глоток воздуха, Ариста нырнула еще глубже, в самую гущу морской черноты. Фантазии, стремительные и легкие как в детстве, владели ее воображением. Она не Ариста Гракх — она героиня одной из историй отца, предназначенная спасти родной город! Из тьмы глубин надвигается на нее свирепый дракон, владыка бурь и землетрясений! Хвост его рассекает воду, глаза горят жадным нетерпением, а у нее нет при себе оружия! Но ничего: она поступит, как тот герой Третьей Эпохи... как же его звали... тот, что прыгнул в пасть чудовища и голыми руками разорвал изнутри его брюхо. Потом она принесет сердце убитого чудовища отцу, и он ей скажет...

Сильная волна подхватила замечтавшуюся девушку и швырнула вперед. Ее закрутило, закружило в мощном потоке. От неожиданности Ариста вдохнула ртом и тут же наглоталась горькой морской воды. Кашляя, отплевываясь и молотя ногами воду, девушка кое-как восстановила равновесие тела и вынырнула на поверхность.

Прямо перед ней высились черные, пропитанные солью скалы. Высоко над нею горел теплый бдительный огонь сторожевой башни. Если подумать, хорошо, что толчок волны заставил ее вынырнуть. Еще чуть-чуть, и она, замечтавшись, врезалась бы лбом прямо в подводную часть скалы.

«Милость Тоскара, не иначе», — подумала Ариста и сама же усмехнулась нелепости этой мысли. Тоскар-то уж точно не будет к ней милостив.

Девушка ухватилась за камни и, стряхнув капли воды с обнаженного тела, забралась на выступ.

Отсюда Орифия казалась красивой и отстраненной, будто нарисованной искусным

мастером-живописцем. Как же давно не любовалась она этим видом! С тех самых пор, как отец...

Ариста ощутила в горле комковатую горечь, горше всех морских вод. Стоит ли беречь печальные мысли? Прошлое есть прошлое, а ей надо жить здесь и сейчас.

Волны мерно стучали о скалы. В небе светила багровая луна Тоскара.

Когда Ариста добралась до берега и выбралась обратно на набережную, то с удивлением обнаружила на мостовой закупоренный кувшин с вином. Один Тоскар знал, кто и зачем выбросил на пустой набережной целый кувшин отборного нумийского напитка. Может, кувшин упал с проезжей повозки. А может, кого-то охватил приступ праздничной щедрости, и он бросил вино на счастье — кто найдет, бери себе.

Ариста поколебалась пару мгновений, глядя на бесхозный кувшин. С ранних лет отец учил ее: ложь — враг логики, воровство — враг труда. А только труд и логика и делают человека человеком. Этот урок Ариста усвоила крепко. Наверное, поэтому даже за пять лет сиротских мытарств она, начав лгать и воровать по мелочи, так и не научилась делать это хорошо. Даже сорванные с голоду фрукты чужих садов горчили стыдом.

Впрочем, этот кувшин не совсем чужой, он попросту ничей. А одинокую ночь нужно чем-нибудь да скрасить...

Ариста сколола восковую печать с кувшина о чье-то крыльцо. Вина хватит как раз до ворот Стратегикона, если пить прямо из горла.

Ариста вошла в пустую комнату, зажгла светильник.

Дормиторий, скорее всего, будет пуст до рассвета. Чтобы скоротать время, можно и почитать описания Эпох у Рапсода. Может, во хмелю поэма пойдет лучше?

Но не успела девушка прочесть и двух строк, как дверь тихонько за скрипела. В проеме возникла стройная смуглая фигура, от которой приятно пахло вином.

— Я увидела свет, — Тамриз выглядела смущенной.

— Ты что тут делаешь? — от удивления Ариста забыла даже сказать, что выиграла пари на девственность. — Я думала, ты-то до утра не вернешься!

— Да, я нашла себе одного. Статный, силач, и борода такая благородная.

— Ну?

— Я предложила ему бороться на руках. Мы сели, схватились, и я... сломала ему кисть. Случайно.

Повисла пауза.

— Тоскарова борода.

— Да. В общем, он расплакался и убежал. А со мной никто больше не захотел состязаться.

— Что ж, — Ариста отложила свиток с поэмой, — логически из этого следует, что лучшие шансы познать доброго мужчину у нашего тихого игрока в петтейю.

В самом деле, Тигона до сих пор не вернулась. Обе девушки усмехнулись, оценив иронию ситуации. Ариста подумала, что Тоскар, пожалуй, не лишен чувства юмора. Прямо как брат его Мегист.

— Можно тебя спросить? — Тамриз устремила на подругу неожиданно внимательный взгляд темных глаз.

— Спрашивай.

— Почему ты так сторонисься других варваров? Они ведь твои соплеменники.

Вопрос застал Аристу врасплох. Не потому, что она не знала ответа. О нет, ответ-то ей был известен прекрасно, она выучила его на языке брани и бедности, по алфавиту всеобщего презрения. Просто никто никогда не спрашивал ее об этом вот так: с искренним непониманием и... сочувствием?

Надо ли отвечать? Поймет ли ее эта смуглая чужеземка? Но соблазн был слишком велик. Наконец поговорить об этом с кем-то, кто не смотрит на тебя волком.

— Из-за отца.

— Отца?

— Его звали Лисистрат. Лисистрат Гракх. Но теперь его имя в Орифии предано забвению.

Ариста тут же заметила, что принцесса ее не понимает.

— Это значит, что имя человека никогда не произносят, потому что он совершил страшное зло против полиса. И теперь весь его род проклят богами. Вот люди меня и сторонятся. Думают, я тоже проклята. И боятся, мол, если я буду рядом, то боги и на них тоже прогневаются.

— Что же такого совершил твой отец?

— Он стал тираном.

Снова недоумение в тигриных глазах.

— Понимаешь, — в сердце Аристы будто открыли запертую дверь, и слова о горькой доле семьи свободно полились наружу, — он был начальником городской стражи. И однажды он использовал верных ему воинов, чтобы разогнать Совет десяти и провозгласить себя правителем. Он издал закон, по которому его дети должны были царствовать в полисе. Потом он согнал многих горожан на работы, заставил их строить новые причалы, башни и корабли. Велел еще построить в городе вторую площадь, чтобы агора и рынки были раздельными. Но народ не смирился. Был заговор и большой бой в центре города. Отца свергли и... — девушка проглотила горячий комок в горле, — и бросили в море с камнем на шее.

— Почему же тебя не казнили с ним? — удивилась Тамриз.

— Ну, спасибо!

— Прости меня. Просто у нас, когда казнят изменника, казнят и всю его семью. Даже детей.

— У нас не так. Боги могут проклясть целый род, но закон карает каждого только за его преступления. А я была тогда еще девочкой.

Тамриз поднялась с кровати и в глубокой задумчивости прошлась по комнате.

— Но ведь агора и рынок у вас по-прежнему раздельные, и все причалы на месте! Значит, делам твоего отца позволили жить?

— Да. Их сочли полезными для полиса.

— Тогда за что же его казнили?

— Ну как же, за попрание священных свобод и прав граждан. Он ведь принудил людей силой, заставляя их работать под угрозой смерти. Это преступление.

— Вовсе нет! — Ариста даже вздрогнула, таким негодованием полыхнули слова Тамриз. — Твой отец был прав! Мудрый владыка лучше знает, что будет во благо его подданным! Если они смеют ослушаться, их надо казнить! Вы же наказываете непослушных детей! Как иначе избежать смут и беспорядков?

Сперва Ариста испугалась, нет ли ещё кого в дормитории, кто мог бы слышать безумные речи принцессы. Потом ей подумалось, что это все-таки очень странно: объяснять кому-то, почему ее самый любимый человек был в чем-либо виновен.

— В Орифии думают не так. У нас каждый взрослый человек свободен и должен сам за себя решать. Где ему служить, кого любить и прочее. А отец отнимал у людей это право.

— Какая дикость! Если один человек думает одно, а другой иное, как можно решить что-либо важное?

— Для этого пишут законы. А если и это не помогает, тогда граждане собираются вместе и спорят, пока большинство не решит, как лучше. И меньшинство должно подчиниться их решению. Мы зовем это народовластием. Понимаешь?

— Вполне. Вы меняете власть одного мудрого на власть множества глупцов.

Ариста вспыхнула и вскочила на ноги. Подумать только: чтобы пробудить в ней патриотизм, всего-то и нужно было ввязаться в спор с этой чернявой засранкой! Сама-то, небось, привыкла помыкать безмолвными рабами, которые строят в ее честь пирамиды и статуи!

— Почему обязательно глупцов?

— А как же иначе! Что может знать о делах правления рыбак или пекарь? У вас даже шлюхи могут объявлять войны, если соберутся в толпу побольше!

— Как же, по-твоему, лучше? Слепо повиноваться кому-то одному?

— Тому, кто с детства учился править и понимает...

— Ага! А ну как он сам будет глуп или жесток? Или напьется однажды и спьяну объявит войну?

— Взгляни на меня; я что же, глупа или пьяница?

— А ты представь, что я убью тебя прямо сейчас. Вся мудрость и опыт, на которые полагался твой народ, умрут вместе с тобой. Это врожденный изъян деспотии!

Ариста с гордостью отметила, что правильно вспомнила название той системы правления, которую так яростно защищала Тамриз. Правда, выговорила она его не очень внятно; вино ударило в голову, и получилось нечто вроде «дысптии».

Принцесса хищно сощурилась и вдруг пантерой метнулась вперед. Одним прыжком она перескочила через кровать, схватила Аристу за запястья и в цепкой хватке прижала к стене.

— Ну, это если тебе по силам убить меня, дикарка. Ты так уверена в этом?

Натренированные боевые рефлексы сработали быстро. Ариста обхватила своей ногой ногу Тамриз и резко толкнула вперед. Принцесса потеряла равновесие, и обе они повалились на пол.

— Спасибо, что защищаешь отца. Но то, что ты говоришь, безбожные бредни!

Тамриз со страшной силой рванулась под ней, они перекатились по полу. Ариста ударилась плечом о ножку кровати. Теперь Тамриз находилась сверху.

— И что же ты со мной сделаешь? — дыхание подруги касалось лица Аристы, дурманило сладким запахом вина. — Тебе же нужно созвать сотню дураков, чтобы принять столь важное решение!

Ариста вскинула вверх ноги и применила боевой прием, которому их недавно учили: изо всех сил сжала бедрами поясницу принцессы. У Тамриз от боли перехватило дыхание.

— Обойдусь, — оскалилась Ариста. — Лучше накажу тебя как непослушное дитя, чтобы избежать смуты и беспорядка!

Тамриз зарычала и замахнулась, чтобы ударить Аристу по щеке. Не разжимая бедер,

Ариста перехватила ее запястье и крепко стиснула, не давая вырваться.

Они уставились друг на друга, тяжело дыша, распаленные вином, спором и дракой. Темные, чувственные глаза Тамриз встретились с пронзительными серыми глазами Аристы.

В головах у девушек шумело, в сердцах кипел жар.

Тамриз наклонилась и быстро, как бы украдкой, коснулась своими губами губ подруги.

Принцесса тут же отпрянула, сама не понимая, что она только что сделала.

— Я... Давай мы...

Ариста не стала слушать. Она обхватила Тамриз за шею и притянула к себе.

Они сорвали друг с друга туники и бросились на кровать, хмельные и голые.

Любовь их была агрессивной и плотоядной. Они не слились, не соединились, а как бы впились друг в друга. Они охватывали, стискивали, кусали. В самых нежных прикосновениях у них был элемент борьбы.

Каждая жадно вдыхала и впитывала тело другой. Изящные изгибы Тамриз говорили Аристе о жарких песках, о висячих садах и изысканных наслаждениях. А загорелые лопатки Аристы в это время рассказывали принцессе Хеменид о труде и борьбе, о вольной жизни и свежем воздухе моря.

Принцесса впилась зубами в бедро дикарки и прокусила его до крови. Горячие терпкие капли скатились ей в горло. Затем их губы соединились, и кровь Аристы смешалась во ртах у обеих.

Ариста резким движением раздвинула Тамриз ноги и прильнула к цели желаний. Ее губы обняли лоно, и Тамриз вдруг стало страшно. Ей чудилось, что внизу у нее разверзлась огненная расщелина, и дикарка, присосавшись к этой расщелине, пьет ее заживо. С каждым ласкающим движением подруги Тамриз слабела, под глазами замелькали черные точки, дыхание стало слабым и прерывистым.

Сероглазая бестия могла и хотела проглотить ее без остатка. Приближаясь к вершине наслаждения, Тамриз краем сознания чувствовала: сейчас она умрет, выпитая досуха. Но страшно уже не было. Ей было слишком хорошо, чтобы смерть напугала ее сейчас.

А потом, едва она содрогнулась в смертельном блаженстве, как губы Аристы коснулись ее губ, и язык подруги сплелся с ее собственным. В рот Тамриз потекла кровь и другие жидкости, оставшиеся на устах дикарки. И тут же в мышцы и члены хлынули потоки силы, мучительно сладкий жар разлился по жилам. Ее убили, чтобы тут же воскресить.

Тамриз застонала сквозь поцелуй.

Две девушки лежали на кровати без покрывал, обнимая друг друга. Голова Тамриз покоилась на плече Аристы. Принцесса крепко спала.

Ариста пока не поняла до конца, что именно произошло между ними. Нет, конечно, была страсть и наслаждение телом. Но было и что-то еще; что-то, что случилось, когда она ублажала лоно принцессы. Это было как... как наесться досыта и согреться у жаркого очага одновременно. А потом часть этого жара, этой сытости и тепла Ариста каким-то образом отдала Тамриз обратно.

Голова идет кругом. Зачем она думает об этом сейчас? Разве есть повод для тревоги? Разве она не блаженствует, лежа с возлюбленной в тишине на удобном ложе? Пусть катятся сегодня в ад все раздумья!

Ариста повернула голову и еще раз поцеловала подругу. Тамриз пробормотала что-то

сквозь сон.

Забавно: она все же проиграла пари. Интересно, как там дела у...

В этот миг дверь с грохотом распахнулась. В комнату ввалилась Тигона: с распущенными волосами, пьяная в дым и абсолютно счастливая. Ариста застыла на кровати, от неожиданности неспособная пошевелиться.

— Креол, Креол, среди всех мужиков на сто миль

Ты один... ик!... вынослив, как северный б-барс, — заплетающимся языком пропела Тигона, направляясь к своей постели.

Только теперь взгляд ее сфокусировался на двух подругах, лежащих обнаженными в объятиях друг друга.

— О... а вы это... что тут делаете?

— Лежим, — покраснев, ответила Ариста.

В Ладде говорят: когда арифметики и геометры хотят избежать ответа на неудобный вопрос, они просто говорят очевидное. В ту минуту Ариста Гракх стала немного арифметиком.

Затуманенный хмелем ум Тигоны обдумал ответ.

— Л-логично, — кивнула она.

Девушка качнулась и, как подрубленное деревце, рухнула на постель. По комнате разнесся сладкий мелодичный храп. Из ладони выкатился на пол лазурный шар для игры в петтейю.

Глава 10. Отплытие

В гавани Вазиры кипела работа. По пристаням сновали рабы и солдаты, один приказ перебивал другой, двери арсеналов весь день стояли распахнутыми.

Укрепленный город на западном побережье империи Хеменидов, в пяти днях пути от Камарганда, готовился отправить к чужим берегам силу вторжения.

Легкие суда Джохар презирал. Они что, рыбаки или пиратская шайка? Сила империи — в мощи ее удара. Потому вид двадцати тяжелых боевых кораблей, почти готовых к отплытию, пробуждал в сердце принца зловещее ликование. У каждого судна борта в пятнадцать локтей высоты. На каждом борту по десять огненных орудий, изрыгающих на врага горючие смеси. В каждом трюме вмещается по пятьдесят солдат в полном вооружении.

Четыреста корабельных орудий и тысяча вышколенных солдат. Только на флагмане десантной силы не было. Вместо этого принц отобрал для своего личного сопровождения двадцать вернейших молодых воинов, из семей знатных сатрапов.

Для доброй битвы этого было, конечно, маловато. Но Джохар заготовил и другую хитрость. На носу каждого корабля высилось по три катапульты для обстрела вражеских укреплений. Подле в специальных сетях лежали круглые черные снаряды, каждый размером с голову мужа. При падении или ударе такой снаряд разрывался громом, дымом и пламенем, разнося в клочья все в десяти шагах вокруг. Имперские алхимики заготовили этого добра вдоволь по особому приказу принца.

Шестьдесят катапульт, мечущих на несносную Орифию разрывные бомбы. Через полчаса такого обстрела в городе варваров просто будет некому защищаться и нечего защищать. А горы пепла и дымящиеся руины легко захватит и тысяча бойцов.

Отец дал Тамриз три недели на путешествие от Камарганда до Орифии. И еще три месяца, чтобы выполнить ее так называемое "поручение". К концу срока Аббас ждал либо саму дочь, либо вестей от нее.

Но Джохар не стал ждать. Молокососка, очевидно, одурманила разум отца болтовней о волшебстве и богах. Действовать следовало немедленно. Спорить с отцом Джохар не стал, он знал цену дерзости.

Вместо этого он разослал тайные депеши своим сторонникам, отпрыскам знатнейших сатрапов. Многие из них, как и сам принц, росли юношами бесстрашными и беспощадными; их гордыня алкала славы и чужой крови. Они охотно откликнулись на призыв показать себя в походе на город варваров. На их личные средства была подготовлена ударная сила вторжения. Они же стали той счастливой двадцаткой, что удостоилась чести плыть на флагмане принца.

Готовить поход втайне от отца и владыки было непросто, но Вазира стала прекрасной базой. Местный градоправитель чтит власть принца и не задавал лишних вопросов. Сегодня, прежде чем огласят призыв к вечерней молитве, все будет готово. На рассвете они отчалият.

Глядя на собранную им силу, Джохар восхитился своей смелостью и хитроумием. При должной скорости они будут у берегов Ладды за день до того, как истечет отпущенный Тамриз срок. Одним решительным ударом они возьмут и разорят Орифию, откроют отцу путь в плодородные земли варваров. И никакие жалкие божки этому не помешают.

Но больше всего нравилась Джохару та часть плана, что касалась его наглой

зарвавшейся сестры.

Если она уже поплыла в обратный путь, то вернется к отцу ни с чем, пока он, Джохар, завоюет для отца Орифию. Почти страшно подумать, какую ярость обрушит на Тамриз владыка. Почти.

Если она останется в Орифии, то окажется запертой в ловушке, когда начнется штурм. Возможно, он даже героически спасет ее из горящего города. Чтобы привезти домой, опозоренную и потерпевшую неудачу.

Если же во время штурма с ней случится какое-нибудь несчастье, то император, конечно, простит это сыну. Она ведь сама попросилась влезть в стан врага. И тогда уже никто никогда не отнимет у него, принца Джохара, обожание и похвалы отца.

Солнце катилось к западу, Джохар любовался плодами своих трудов. И в этот момент на пристани показался всадник.

Неделю тому назад во дворце императора Аббаса назревала буря.

— Верно ли мы слышим? Сын ослушался нас?

Флотоводец Мараний стоял перед владыкой на краю мраморного бассейна. Искусная система труб и жаровен нагревала воду, так что лицо и плечи императора окружало густое облако пара. Две юные наложницы, из Бербарии и Биссинии, диковинными рыбками плавали в этом пару, массируя повелителю спину и убажывая под водой его чресла.

Мараний склонил голову в подтверждение своих слов. Из бассейна шел жар, на лысине выросла противная пленка пота. Досадно, что нельзя сейчас утереться. Удивительно, в самом деле, почему владыка так любит париться в этом пекле.

— Принц Джохар намерен начать вторжение еще до конца месяца. Его сторонники не станут ждать возвращения принцессы Тамриз. За верность этих сведений я готов поручиться жизнью.

Молодая биссинка опустила было голову под воду, чтобы доставить удовольствие владыке. Аббас II с раздражением схватил ее за волосы и отшвырнул от себя. Невольницы отпрянули к краям бассейна, страшась вспышки императорского гнева.

— От дочери нашей нет вестей. Если колдун правдив, — император говорил скорее сам с собой, не обращая внимания на Марания, — и чары все еще защищают варваров, вторжение потерпит неудачу. Джохар покроет нас великим позором.

Отлично. Разум владыки идет в нужном направлении. Осталось лишь вложить ему в голову еще одну мысль.

— Но, мой император, — сказал Мараний, — распустить флот сейчас тоже нельзя. Вся Вазира говорит о походе на варваров. Знатнейшие семьи вовлечены в это дело. Отменив вторжение, владыка прослышет нерешительным среди сатрапов.

Опасный ход. Игра с гневом владыки могла кончиться долгой и страшной смертью. Но Мараний положился на милость Хемена: он ведь не возражал и не спорил, лишь указывал на очевидное.

Где-то внизу, под мраморной кладкой, гудело пламя жаровен.

— Ты прав, Мараний, — сказал наконец император. — Отступить уже поздно. А Джохар будет предан каре за ослушание.

От этих простых слов по спине Марания, несмотря на жар, пробежали мурашки. Он не раз видел, как Аббас лично бьет своих детей за одно неуютное слово. Страшно подумать, что сделают с принцем, задумавшим развязать войну раньше времени, через голову отца и

владыки.

Впрочем, Джохар давно напрашивался. А его, Марания, ждет следующий, победный ход. — Но как же вторжение, о император? Кто возглавит его?

— Во главе флота встанет знатный и верный человек, способный выждать до возвращения Тамриза. Твое рвение достойно награды, Мараний, — Аббас произносил слова одобрения, но лицо его оставалось холодным. — Ты примешь командование флотом и войсками. Ответственность за взятие Орифии лежит отныне на тебе.

Флотоводец с трудом сдержал выражение ликования на лице. Наконец-то. В совете мужей войны он давно был в тени, его советы отвергались, его мнение затмевали воинственные крики Джохара. Посмотрим, как-то теперь будут смотреть на него военачальники и флотоводцы!

Мараний поклонился и уже открыл рот, чтобы выразить императору благодарность.

— А примут ли Марания сыны сатрапов?

Блаженный Хемен. Только не он.

Гнусная фигура в черных одеждах возникла у края бассейна столь незаметно, будто соткалась из водяного пара. Мараний метнул полный ненависти взор на бледное лицо незваного гостя. Баррад Дарафалл ответил бесстрастным, немигающим взглядом.

— Дарафалл! — гневно вскричал император. — Как смеешь ты входить к нам без спросу?! Или живот твой хочет отведать палок?

— Я лишь хотел напомнить владыке о часе приема снадобий. Долг заставил меня обидеть достойного Марания и вмешаться в разговор, меня не касающийся.

Мараний уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить наглцу. Он хорошо знал, как этот белокожий язычник способен вскружить голову императору.

Но Дарафалл не дал ему вставить слово.

— Принц Джохар собрал под своим началом знатнейших юношей. При всем уважении к почтенному Маранию, за ним они никогда не пойдут. Флот даже не выйдет из гавани.

Мараний с великим трудом заставил себя хранить самообладание. Нельзя повторять ошибок Джохара, нельзя срывать на колдуна. Он только того и ждет, чтобы перед властелином выставить тебя дураком.

— Я вернейший и многоопытный флотоводец владыки, — сказал сквозь зубы Мараний. — Я крушил стены Димнора и разорял биссинские гавани, когда нынешние сатрапиды еще не родились на свет. Мое слово на море закон.

— Это так, Мараний, — чародей не трудился уже вставлять в речь вежливые эпитеты «почтенный» и «достойный». — Это так, когда ты ведешь по волнам чернь. Но, увы, дед твой был простым чайханщиком и потчевал путников жарким из ослиного пениса. Любой сатрапид сочтет позором подчиняться внуку такого человека.

Лицо Марания посерело. Его семья приложила немало усилий, чтобы при дворе забыли эту историю. Но от бледной гадины ничто не могло укрыться. Должно быть, бесы пустыни сходились с колдуном в безлунные ночи, чтобы нашептывать позорные тайны.

— Хеменовы кости!

Аббас II вскочил во весь рост, расплескав по плитам горячую воду. Наложницы спешно выскочили из воды и бросились прикрывать наготу повелителя роскошными одеждами. Император готов был взорваться от гнева и растерянности.

— По-твоему, чародей, мы не можем ни прекратить поход, ни отнять командование у наглого Джохара? Ты, видно, спутал нас с этой голозадой иштой, у которой нет своей воли!

Злосчастливая бербарка как раз встала перед Аббасом на колени, чтобы повязать пояс на его одеяниях. Вне себя от ярости, император пнул ее коленом в лицо. Девушка вскрикнула и с шумом упала в бассейн; фонтан воды плеснул под ноги Маранию и Дарафаллу. Когда невольница вынырнула, с ее губ и ноздрей бежала кровь.

Уже в тот момент у Марания мелькнуло подозрение: почему безбожник так спокоен? Вспышка бешенства владыки не заставила колдуна даже моргнуть единственным глазом, черная фигура не сдвинулась ни на шаг. Чародей остался стоять, где стоял, и смотрел на императора с выражением спокойного любопытства.

— Так знай, Дарафалл: за свою дерзость ты и будешь расхлебывать эту куруфь!

Последнее слово означало на языке империи человеческие испражнения.

— Мараний, выйди вон!

— Но, мой император...

Взгляды Аббаса и Марания столкнулись, и у флотоводца похолодело в животе. Он понял, что испытай он терпение владыки еще хоть на минуту, и живым из дворца он уже не выйдет.

Мараний покинул зал для купаний с отвратительным чувством, что сегодня он проиграл очень важную битву.

А пакостнее всего было выражение лица Дарафалла, которое Мараний заметил прежде, чем покинул зал. На лице чародея читалось удовлетворение. Будто и гнев императора, и непрошенное приказание были именно тем, чего он ждал.

Усталый конь из отцовских конюшен промчался к причалу, сбавил шаг, остановился. Джохар оскалил зубы в гримасе раздражения: он узнал черный плащ и гладкое бледное лицо всадника.

— Да будет славным имя доблестного Джохара! — Баррад Дарафалл быстрым шагом подошел к принцу и склонил голову.

— Поди прочь, белая немочь. Я занят.

— Можно ли ждать праздности от принца, неутомимого духом! Увы мне! Не своей волей прибыл я тревожить могучего Джохара.

Безбожник поднял правую руку и показал принцу золотой перстень в форме солнечного диска. Знак императора, выдающий в предъявителе его личного посланца и доверенное лицо.

Джохар не признался бы в этом даже под пыткой, но в тот миг по спине его пробежал противный холодок.

— Что угодно отцу и владыке?

— Император знает о самовольном замысле принца. Поначалу неудовольствие его сулило... многие беды.

— Что же, ты пришел напугать меня?

— Вовсе нет. Я приехал сказать, что уговорил императора усмирить гнев на могучего принца. И милосердный владыка согласился с одним условием.

Такого ответа Джохар совсем не ожидал. Как бы ни был он слеп и равнодушен к чувствам нижестоящих, он знал: колдун ему не союзник, они всегда недолго любили друг друга. Зачем же эта внезапная помощь?

— Что за условие?

— Славный принц должен взять меня с собой в поход.

Ярость Джохара была мгновенной и неотвратимой. Одним движением он схватил колдуна за ворот плаща и подтянул к себе, второй же рукой выхватил кинжал и приставил его прямо к бледному горлу.

— Шакалье отродье! Задумал украсть мою славу? Прощайся с жизнью!

Кинжал уже надрезал белую кожу, из-под лезвия вытекла струйка крови.

Но Баррад Дарафалл даже не пытался защититься. Он спокойно заглянул в глаза принцу своим единственным, темным глазом.

— Мне ли, ничтожному, тягаться в славе с сыном величайшего из людей? Да будет спокоен пылкий Джохар. Лишь его имя будет выбито в летописи на Багровой скале.

— Чего же тебе тогда надо, гиена?

— Мне надо, — из голоса чародея пропала вдруг всякая льстивость, и холодная, чуждая злоба окатила Джохара, — чтобы ни один жрец, кудесник или ученый не выбрался из Орифии живым. Чтобы храмы Орифии сравняли с землей, священные тексты сожгли, а тех, кто не отречется от своих богов, перерезали до последнего человека. Таково желание моего сердца, и ради этого усмирил я гнев императора. Не слишком ли тягостна эта просьба для благородного Джохара?

Колдун и принц смотрели друг на друга. Два хищника, в умах которых зрели смерть и страдания многих.

Джохар разразился грубым смехом и убрал кинжал с горла.

— Клянусь бородой отца! Ты, колдун, уболтаешь и саму смерть! Будь по-твоему. Не велик труд вырезать еще десяток-другой ладдийцев, когда мы готовы захватить целый город! С единственного зиккурата Вазеры раздался мелодичный призыв.

— Но полно, время преклонить колени. Убирайся с глаз моих. Завтра на рассвете будь на моем корабле.

Баррад Дарафалл поклонился с улыбкой.

— Да будет покоен сон великого мужа.

И человек в черном зашагал прочь от пристани. Ему не было дела до вечерних молитв.

Джохар же отправился в свои покои на флагмане. Там он задернул занавеси и преклонил колени в тишине просторной каюты.

— О Хемен, праотец мой, царь среди царей. Потомок твой молит тебя: направь путь мой, не дай угаснуть храбрости в сердце моем. Силой, что ты дал мне, несу я законы и послушание в земли беззаконные и бесчинные. Да будет же со мною рука твоя.

Где-то на западе прогремел одинокий раскат грома. Джохар не сомневался, что это Податель Законов услышал его и подает ему знак. Совесть его была чиста, а лежавший впереди путь честен и ясен.

В ту ночь Джохар Хеменид спал спокойно, как мудрец или праведник.

Солнце вошло на востоке, и первые лучи его отразились в золотом диске, вышитом на парусе флагмана. Все было готово к отплытию.

Дарафалл взошел на борт флагмана в сопровождении двух мрачных солдат и десяти стройных рабынь с Юга. Женщин тащили на борт за ножные цепи, как скотину на поводке. Невольницы покорно шагали, опустив глаза в землю.

Джохар не стал спрашивать, зачем чародею рабыни. Если белорожий хочет все плавание блудить и развратничать, это его дело. Невольниц спустили в трюм и там закрыли.

— Поднять паруса! Курс на Запад!

Багровые паруса развернулись и вспушли, поймав попутный ветер. Двадцать боевых кораблей отделились от пристаней Вазиры и вышли в открытое море. Массивными тенями заскользили они по волнам на Запад, к мирно дремлющей Орифии.

Глава 11. Жертвенник

Первый день после праздника Тоскара выдался просто кошмарным. Голова болела от похмелья сильнее положенного, радостный щебет дикарок и слишком яркое солнце раздражали и бередили нервы. Для всех в Стратегиконе ночь Тоскара стала кладезем счастливых воспоминаний и поводом для радости. Многие девушки уже обещали своим возлюбленным, что снова сойдутся с ними через полгода.

А Тамриз Хеменид весь день терзалась стыдом и ужасом.

Ночью она сразу уснула, изможденная любовью с дикаркой, и ни о чем не успела подумать. Но утром от правды было не спрятаться. Она забыла о долге и нарушила законы Хемена. Она возлегла с женщиной.

На рассвете Тамриз бежала из комнаты подруги так быстро, будто за ней гнались демоны. Молясь, чтобы ее никто не видел, она заперлась в оружейной.

Если бы Ариста взяла ее силой, Тамриз и то не было бы так стыдно. Тогда, по крайней мере, можно было бы сказать, что душа ее осталась чиста. Но даже винные пары не дали забыть правду: она первая поцеловала Аристу. Она пожелала эту сероглазую бестию, пожелала ее тела, как последняя безбожница. Пожелала, потому что за всю свою жизнь не знала никого, с кем ей было так упоительно хорошо, как с Аристой из проклятого рода Гракхов.

Блаженный Хемен, за что Он столь немилосердно лишил ее разума? Как может она дальше служить отцу и империи, запятнанная таким бесчестьем?

Неудивительно, что в таком состоянии Тамриз не служило и собственное тело. В утренних поединках — она специально встала с другими девушками, лишь бы не оказаться рядом с Аристой — она проиграла все бои и ухитрилась даже сломать учебный меч. Наставницы решили, что принцесса прошлой ночью хлебнула лишнего, и отправили ее отпиваться соленой водой. Когда Тамриз шла в свою комнату, за спиной ее раздавались смешки. Она слышала, как Ариста окликнула ее, но не осмелилась ответить. Не осмелилась даже взглянуть на нее.

К дневной трапезе Тамриз не вышла. С почти детской решимостью, порожденной отчаянием, она решила: она вообще не притронется к воде и пище варваров и не будет ни есть, ни пить, пока не вернется домой. Ее грех может искупить только строгий пост. Если ей не хватит сил, и она умрет от жажды и голода, значит, такова воля Хемена.

К ужасу принцессы, вскоре после полудня дверь оружейной открылась, и в ее комнату без стука вошла Ариста.

— Тебя не было в трапезной.

— Я не голодна, — ответила Тамриз, не глядя в глаза вошедшей подруге.

— У тебя губы сухие, я от порога вижу. Пить ты тоже не хочешь?

— Не хочу. Я хочу быть одна. Уходи, — последнее слово прозвучало как просьба, а не приказ.

Ариста замешкалась на пороге. Затем решительно прикрыла дверь, пересекла комнату и опустилась на колени перед постелью принцессы.

— Ты избегаешь меня весь день. Чем я тебя обидела? Тебе со мной было плохо?

— Нет, — с трудом выговорила Тамриз.

— Я тебе сделала больно?

— Да... нет... дело не в этом.

— А в чем тогда?

— В том, что так нельзя было делать!

Крик получился такой громкий, что Ариста невольно отпрянула. Тамриз вскочила с постели, на щеках ее выступили пятна.

— До встречи с тобой я была праведной! Я познавала только мужчин, невольников! А теперь... Знаешь, что праотец Хемен со мной сделает?

— Н-нет.

— В царстве мертвых меня разденут догола. Праотец мой проткнет мне пятки медными крюками и подвесит вниз головой! Я буду висеть так до конца вечности, и пищей мне будут глина и прах!

«Тогда, может, стоило выбрать себе бога получше, прежде чем переспать со мной?!»

Слова обиды почти сорвались у Аристы с языка. Но, посмотрев на лицо Тамриз, она сдержалась. Трудно было предугадать, что сделает принцесса, если ее сейчас задеть: схватится за скимитар или разрыдается от отчаяния.

Почему боги все так усложняют? Нет бы им оставить людей в покое и позволить любить друг друга как угодно.

— Здесь ведь нет Хемена, — подумала Ариста и тут же поняла, что говорит это вслух.

— О чем это ты?

— Ты сказала, что любовь женщины к женщине нарушает законы Хемена. Но он бог твоей земли. А здесь ты никого из богов этим не оскорбила.

Тамриз горько усмехнулась.

— Ты ничего не понимаешь. Праотец Хемен видит все и всех. Его законы и могущество покрывают собою весь земной мир.

— А скажи мне тогда: твой праотец умеет видеть будущее?

— Конечно, — неуверенно ответила Тамриз. — Он так мудр, что знает все, что было, есть и будет.

— Ага. Значит, он, всемогущий и всезнающий, знал, что ты нарушишь его закон, но не стал тебе в этом мешать?

— К чему ты ведешь?

— Да к тому, Хеменид, что по твоей же логике, если ты нарушаешь его закон, то потому только, что он заранее тебе это разрешил. А какое же это нарушение, если оно разрешено? Получается, либо все, что ты сделала, случилось по его замыслу, либо он все же не всезнающий и в наш безбожный край не заглядывает.

Тамриз опустила глаза, вся поза ее выражала мучительное сомнение. Проклятая логика варваров сбивала с толку, шатала древние догматы послушания и страха перед праотцем.

Не давая принцессе опомниться, Ариста приблизилась к ней и крепко обняла за плечи.

— И вот еще что. Я не знаю, любят ли нас боги и праотцы, прокляты мы или нет. Но я знаю: мы пришли друг к другу в ночь, когда обе были одиноки. Я знаю: с тобой мне было тепло так, как не было уже долгие годы. Я знаю: ты заснула у меня на плече, доверившись мне, как младенец. Можешь прятаться здесь и проклинать себя, но нет смысла притворяться, будто не было того, что было. Если когда-нибудь мы с тобой переспим на твоей земле, пусть нам обеим проткнут пятки и заставят жрать глину с дерьмом. Слова против не скажу. Но здесь, в Ладде, мы свободные женщины и любим, кого захотим.

Настала тишина. Несколько ударов сердца обе молчали.

Ариста облизала пересохшие губы, отпустила плечи Тамриз и направилась к выходу.

— Я есть хочу, — пробормотала принцесса.

Ариста обернулась в дверях.

— В трапезной, наверное, ничего не осталось?

— Я припасла для тебя кусок мяса и козьего сыра. Сейчас принесу.

— А я...

— Что?

— Я буду рада, если ты поделишь его со мной.

— Кого?

— Сначала, пожалуй, сыр.

Впервые за время разговора на лице Аристы появилась улыбка.

— Сейчас приду, — сказала девушка и скрылась за дверью.

Так начался третий и последний месяц первичного обучения в Стратегиконе. Месяц, полный счастливой сладости и головокружения весны. У девушек появилась тайна. А в их «филии» зазвучала новая нота.

Ариста объяснила потом Тамриз, что ладийцы зовут эту ноту «эрос», влечением духа и тела. Тигоне они ничего не сказали, да пастушка и не пыталась что-то узнать: она просто радовалась, что подруги перестали ходить буками.

Они редко повторяли то, что сделали в ночь Тоскара — не было времени, да и трудно было найти уединенное место. А когда повторяли, то ощущения, пережитые в первый раз, больше не повторялись. Теперь это была обычная, если можно так выразиться, любовь. Не было в ней ни чувства близкой смерти, ни странного жара и пресыщения. Только единство двух молодых тел и доверяющих друг другу душ.

Ступени уходили все глубже вниз. Свет не проникал так глубоко; чтобы не оступиться, приходилось одной рукой все время вести по старой каменной стене. Другая рука лежала в ладони подруги.

— Почему просто не сказать, куда ты меня ведешь? — с беззлобной усталостью спросила Тамриз.

— С особыми местами так нельзя. Их нужно сперва увидеть, а потом уж языком молоть, — в голосе Аристы звенело непривычное принцессе веселое озорство.

Тамриз вздохнула. Хорошенькое особое место! Пустой, развалившийся дом на окраине, в подвале которого оказалась дыра в земле, с ведущими вниз каменными ступенями! Как бы в Орифии не оказалось своей Ямы, на дне которой лежат тела замученных узников...

Развалины дома остались где-то высоко над ними. Странное дело: хотя они уже глубоко под землей, воздух здесь сухой и теплый. Довольно уютно для заброшенного подземелья.

— Пришли. Сейчас зажгу факел, — прозвучал из темноты голос Аристы.

Подруга разжала ее руку. Через пару мгновений вспыхнул свет факела, и перед Тамриз Хеменид предстала пещера.

На первый взгляд это была совершенно обычная пещера. Не было в ней ни древних останков, ни загадочных росписей на стенах. В стенах не были выбиты гробницы для усопших, на полу не стояли саркофаги.

Только одно цепляло здесь взор. Пышное, цветущее дерево оливы с широко раскинутыми ветвями и толстыми, сочными, густо зелеными листьями. Тамриз даже

приметила в ветвях несколько спелых плодов.

Дерево стояло перед ними, вздымаясь прямо из жесткой, бесплодной, каменистой почвы. Тамриз склонила голову набок, изумленно разглядывая оливу.

— Как она цветет? Здесь же нет ни солнца, ни воды.

— Говорила же, ты удивишься! — Ариста довольно ухмыльнулась. — Попробуй-ка.

Она сорвала оливку с ветки и протянула принцессе. Тамриз надкусила и зажмурилась: вкус был приятнее, чем у иных плодов из сада отца.

— И все-таки, как?

— Как знать, — Ариста пожала плечами. — Отец рассказывал, что здесь начиналась Орифия. Здесь первые люди полиса принесли первые клятвы одному из богов. В знак его благосклонности на голой земле выросла олива. Так и цветет с тех пор.

— Ты в это веришь?

— Наверное. Не знаю. Я мало что понимаю в богах. Просто... отец показал мне это место. Сюда никто больше не ходит, поэтому оно как бы мое, только мое, понимаешь? А теперь и твое тоже.

Великий Хемен, кто поймет этих варваров? Сперва они спят с тобой в нарушение всех законов, а потом в знак привязанности показывают деревья, растущие в грязных подвалах на голой земле!

— Я... Это, наверное, очень важно для тебя. Спасибо.

Тамриз пробежала пальцами по стволу оливы. Ствол был гладкий, приятный на ощупь и как будто пульсировал. Будто бы внутри билось чье-то большое сердце.

— А тебе отец показывал что-то такое? У тебя есть свое особое место?

Пальцы принцессы замерли на стволе.

— Отец и владыка, он... не такой, каким был твой.

— А какой же?

В памяти Тамриз всплыли укоры, окрики, удары, надменная улыбка Джохара. Мысленно она сравнила это с тем, что рассказывала Ариста о своем отце Лисистрате.

— Просто другой. Он многого ждет от меня и брата. У нас... у Хеменидов нет времени, чтобы бродить где ни попадя и слушать истории. Мы не можем так терять время, отпущенное нам на правление.

Аристе хотелось сказать, что звучит это так, будто отец принцессы совсем ее не любит. Но она сдержалась: гордая смуглянка могла ведь и обидеться. Поэтому она сказала:

— Звучит очень грустно.

— Почему же?

— Тяжело жить в мире, где нельзя потерять впустую даже немного времени. Как будто ты нищая.

Сравнение застало Тамриз врасплох. Она всегда думала об уделе величайшего из людей и его потомков как о важнейшей и достойнейшей из судеб. Ей в голову не приходило, что кому-то этот удел может показаться незавидным и уж тем более достойным жалости.

— Спасибо, что показала мне это место. Не думала, что у варваров есть столько красивых вещей.

— Даже не знаю, покраснеть или обидеться, — усмехнулась Ариста. — Что же, идем.

Но Тамриз не пустила ее. Она поймала Аристу за руку и притянула к себе, под сень оливковых листьев.

— Эй-эй, а как же потеря времени?

— Вы, варвары, меня портите, — хищно промурлыкала Тамриз. — С вами время утекает сквозь пальцы.

И она с наслаждением поцеловала дикарку.

За день до того, как Орифии суждено было гореть, в Стратегиконе царило великое оживление.

Командиры собрали двадцать юных воспитанниц на смотр и торжественно объявили: их начальное обучение близится к концу. Завтра в полдень состоится последняя проверка — испытание Копья и Лавра. Что именно предстоит воспитанницам, никто не говорил: традиция окружила это событие великой тайной для всех непосвященных. Ясно было одно: те, кто с честью выдержат испытание, станут полноправными солдатами Фаланги и заслужат себе священные фибулы. Их долгом и обетом станут ремесло войны, защита полиса и безбрачие. Лишь два раза в год, на великий праздник Тоскара, они смогут отложить меч и побыть женщинами, а не воинами.

Воспитанницы по-разному воспринимали приближение этого дня. Одни, как Окаста, Ниобия и Крата, ждали его со спокойной гордостью и уверенностью в своей судьбе. Иные волновались и плакали, как перед свадьбой; жаль все же было расставаться со старой, девичьей жизнью. Тигона ждала и боялась испытания; вдруг в последний момент она не справится и покроет себя страшным позором? Ифина, как обычно, задавала всем кучу вопросов, не заботясь уже о том, знает ли кто-нибудь ответы.

И, как это бывает, когда много людей ждут чего-то с бурными чувствами, в Стратегиконе не умолкал гвалт и гомон. Каждая девушка жаждала выплеснуть подругам то, что у нее было на сердце: расспросить о неведомом испытании, пожаловаться на страх или хандру, получить поддержку и похвалу. Отпущенные до завтрашнего полудня, воспитанницы слонялись по Стратегикону и гомонили, судили, шептались без умолку.

— Ты сама-то когда-нибудь пробовала? — недоверчиво спросила Ариста.

— Нет. Но мать всегда делала это отцу и владыке, когда предстояло важное дело. Хулы не будет, если и мы попробуем.

Тамриз сидела на полу оружейной, скрестив ноги. В руках у нее был длинный чубук красного дерева. Принцесса Хеменид сосредоточенно набивала чашечку чубука ароматным рассыпчатым зельем.

Здесь было тише, чем во дворе. Прочные стены и маленькие окна не пропускали в оружейную большую часть девичьего гама. Здесь влюбленные могли отдохнуть и побыть вдвоем.

Тамриз кремнем высекла искру, зелье в чубуке занялось.

— Ты первая, — принцесса протянула трубку подруге.

Ариста вдохнула сладкий тяжелый дым и сразу закашлялась. Зелье было таким густым, что оседало в груди плотным клубом, а в горле сразу начинало першить. Голова закружилась, перед глазами поплыла рябь.

— Клянусь копьём, Хеменид, — выдавила Ариста сквозь кашель. — Твое зелье меня задушит.

Тамриз рассмеялась.

— Ты даже куришь как варвар. Глотаешь наспех и совсем не смакуешь. Смотри.

Принцесса взяла чубук у подруги. Медленно, зажмурив глаза, потянула дым и задержала

дыхание, не дав зелью выйти наружу. На четвереньках подползла к Аристе, обняла ее за шею и неспешно, дразня, поцеловала в губы. Язык принцессы коснулся языка Аристы, и поток сладкого дыма наполнил рот и ноздри плавно и нежно, отзываясь в гортани приятной щекоткой.

— Так лучше?

— Не распробовала. Надо повторить.

Тамриз сидела на полу одна. Ноги скрещены, глаза закрыты, стук сердца ритмично отдается в ушах.

Полночь. У ворот должен смениться караул.

Тамриз открыла глаза, подняла голову, встала.

Из тайника под досками пола явился сосуд черного стекла, под которым мелькали багряные сполохи. В первый день Тамриз спрятала было сосуд в покрывало кровати, но быстро поняла свою оплошность: постели регулярно меняли. К счастью, ей удалось перепрятать сосуд прежде, чем кто-либо поймал ее на этой ошибке.

Тамриз набросила на плечи плотную черную накидку с капюшоном и выскользнула из оружейной.

Главной трудностью этих месяцев было выучить расположение дорог и улиц. Ученицам Стратегикона вообще редко позволялось покидать его стены, а уж гуляющая по городу чужестранка с Востока точно навлекла бы на себя подозрения. Тамриз выручила хорошая память. Несколько прогулок с подругами за город, к сосновым рощам, гуляние в толпе на праздник Тоскара, прогулки с Гракх по ее «особым местам» — и принцесса закрепила в уме геометрию города варваров.

Действовать в ночь праздника было бы неоправданным риском. Но сегодня ничто не отвлечет ее и ей не помешает. Город мирно спит. Все необходимое у нее есть.

Надо выбраться из Стратегикона, не попавшись на глаза караулу. Трудно, но за время обучения Тамриз поняла распорядок. На стене несут ночную стражу две девушки. Каждые двести ударов сердца они обходят периметр: одна идет по солнцу, другая против него. В теории это должно обеспечить им полный обзор всего пространства внутри стен. Однако есть короткий промежуток, не более трех ударов сердца, когда обе стражницы скрыты от переднего фасада стен крышей дормитория. А фасад, соответственно, скрыт от них.

За три удара сердца принцесса Хеменид взбежала по стене крепости и прыгнула вниз, на улицу. У ворот тоже дежурило две караульных, но выбранное Тамриз место находилось левее ворот, в тени старой конюшни. Ее прыжка никто не заметил. Одна стражница, впрочем, повернула было голову на странный шорох слева. Но Тамриз уже метнулась кувыркком через голову прочь от стены, во мрак соседнего переулка. Черная накидка позволила ей мгновенно слиться с темнотой. Стражница только плечами пожала: должно быть, сон находит, вот и померещилось.

Дальше была легкая часть. Добраться до рыночной площади, миновав ночные патрули. На пустынных улицах с множеством темных углов это было несложно.

Залитый лунным светом рынок никто не охранял: товары убрали на ночь по амбарам и складам, и сторожить пустые прилавки было незачем. Но у дверей храма Мегиста стража имелась: два дюжих оратора без доспехов, но с тяжелыми деревянными посохами. Оружие и броня были им не нужны. Их хранила сила лукавого покровителя.

Но хранила недостаточно.

Тамриз остановилась в тени мраморной статуи и достала из складок накидки длинную тонкую трубку. Она проскользнула под ногами каменного Мегиста и, все еще оставаясь под тенью идола, побежала вверх по ступеням, к храмовым дверям.

Когда один из ораторов услышал топот и обернулся, Тамриз была уже у колонн, на площадке перед дверьми.

Успей ораторы произнести хоть два слова, и судьба принцессы была бы решена. Мегист тут же отозвался бы на зов своих любимцев и наслал бы страшную кару на враждебную чужестранку.

Но поднести трубку к губам и дунуть можно быстрее, чем произнести два слова.

Две тонкие иглы с пестрым оперением вонзились в шею ораторов. Они покачнулись, выронили посохи и повалились на мраморные плиты в глубоком сне без сновидений.

Пусть Тамриз Хеменид и не обучали Безмолвные, она научилась очень многому из старых летописей и сказаний о великих мастерах смерти. Как жаль, что отец и владыка не видит сейчас, на что способна его дочь!

Что ж, зато он увидит и оценит плоды ее трудов. Тамриз толкнула двери и вошла в храм Мегиста.

Внутри храм выглядел вопиюще богатым, под стать богу торговли и наживы. Колонны опоясывали прожилки золота и серебра, пол был выложен драгоценным кварцем. Алтарь на возвышении поддерживали отлитые в золоте тучные овцы, излюбленное животное Мегиста. На алтаре мерно и ровно горело белоснежное пламя.

Тамриз приблизилась, невольно завороженная этим зрелищем. Так вот оно, таинственное и нечестивое колдовство варваров! Безбожно, но красиво, как и все в этом странном краю.

Девушка вытащила черный сосуд, но в последний момент рука ее застыла над алтарем.

Как странно: когда она плыла сюда подготовив вторжение, она никак не думала, что найдет здесь друзей. О, конечно, она предполагала игру в дружбу, вхождение в доверие и прочее. Это было частью плана.

Но нашлись люди, с которыми и в самом деле было приятно проводить время. Которые приняли ее, несмотря на недоверие. Радость от светлых дней в сосновой роще не была притворством или игрой. Это было настоящим.

Как было настоящим и то, что произошло между ней и Аристой Гракх. И это уже не было частью плана. Это пугало, захватывало, заставляло забыть о цели путешествия. И вот теперь, когда цель так близка, зачем она думает об этом снова?

Рука, державшая сосуд, дрогнула.

Что станет с этими девушками, когда она совершит задуманное? А когда на город нападут войска Джохара? Что будет с Аристой?

Мыслимо ли сейчас отказаться от плана?

— С тобой мне тепло так, как не было уже долгие годы.

Ариста сказала это о себе, но ее слова в равной мере относились и к самой Тамриз. Сероглазая бестия открыла в ней чувства, о которых принцесса и не догадывалась.

Что если она швырнет сейчас прочь ледяной сосуд, холод которого так обжигает руку? Ради Аристы?

— Ее судьба волнует принцессу больше, чем похвала отца и владыки?

Тихий вкрадчивый голос Баррада Дарафалла прозвучал в голове так ясно, будто бы чародей стоял с ней перед алтарем. Слова, сказанные в день отъезда из Камарганда, всплыли

в памяти непрошеными гостями.

Отец ведь впервые доверил ей столь важное дело...

— Или угождать отцу и владыке ниже твоего достоинства?

Но и Ариста ей доверяет.

Что бы она сейчас ни сделала, она предаст доверие близкого человека.

— Твоя доля будет решена нами во благо империи.

— Нет смысла притворяться, будто не было того, что было.

— Силы моей жизни принадлежат императору.

— Ты одинока, принцесса.

— Это называется филия, Хеменид. Дружеская привязанность.

— Только подвиг и смелое дело в силах утолить твою тоску.

В языке Хеменидов не было слова «совесть», жители империи жили лишь послушанием и служением. Сомнений, что терзали и грызли сейчас душу принцессы, она сама не могла ни назвать, ни объяснить. Это было нечто смутное, непонятное, говорившее с ней разными голосами и требующее совершенно противоположных вещей.

Тамриз закусила губу, глядя на размеренную пляску белого пламени.

Рука перевернула сосуд.

Темная вязкая жижа пролилась на священное пламя. Черные клубы и полосы с шипением растеклись по белоснежным языкам огня: так капля крови расплывается и клубится в кружке молока. Чернота, как живая, свернулась в глубине алтаря, в самом сердце пламени. И затаилась, незаметная и невидимая.

Теперь, как учил ее Дарафалл, нужно было подождать до рассвета. Дать время чарам, как яду, пустить корни и погасить священное пламя.

Тамриз выдохнула. Она дочь величайшего из людей. Никакие чувства не могут повелевать ее долгом. Завтра, убедившись, что все получилось, она вернется домой. Когда брат направит флот на Орифию, она сама отправится с ним; после ее успеха отец, несомненно, позволит это.

Без защиты своего колдовства орифийцы примут настоящий, честный бой. Она сама пойдет на штурм города, пленит Аристу Гракх и по праву победителя сделает ее своей любимой наложницей. Ариста, несомненно, поймет и примет это со временем. С этим городом ее не так многое и связывает. Они вернутся в Камарганд с триумфом, и Аристу ждет жизнь в неге и роскоши императорского дворца. А Джохар пусть завоевывает Ладду дальше, как всегда и хотел.

Тамриз быстрым шагом направилась к выходу из храма. Довольно сомнений. Путь ее прям и ясен. Совсем скоро она получит все, чего хотела.

В ту ночь все три великих храма Орифии были взяты штурмом, которого никто не слышал и о котором никто не узнал. Сонные иглы Тамриз разили без промаха, и колдовское зелье лилось на алтари, и темные чары поселились под священными сводами.

Усыпленные ораторы пробудились через несколько часов, еще до рассвета. Сонные иглы затуманили их память, и обстоятельства этой ночи вспоминались смутно и неуверенно. Добросовестные служители богов осмотрели на всякий случай свои храмы. Убедившись, что ничего не пропало и не изменилось в священных стенах, ораторы все как один положили никому не рассказывать об этом странном случае. Кому бы хотелось позориться признанием, что он проспал свою стражу у великого храма!

Тамриз разбудил стук в окно оружейной. Под окном стояла Ариста, учебный доспех был тщательно начищен перед испытанием.

— Доброе утро. Можно тебя попросить?

— Я слушаю.

— Тигона вся извелась. Боится, что провалит испытание. Хочет пойти помолиться Тоскару. Давай отведем ее вместе?

Тамриз взглянула на восток. Звезды уже погасли. Рассвет был совсем близко.

Ариста восприняла промедление принцессы на свой лад.

— Слушай, я знаю, ты не молишься нашим богам. Я тоже им особо не молюсь, мне и в храм нельзя. Просто прогуляемся с ней до площади. Правду сказать, — Ариста усмехнулась, — это дело жизни и смерти. Одну меня она со своим причитанием просто съест. Выручай.

Решение Тамриз приняла быстро. Это ли не прекрасный повод убедиться, что с наступлением рассвета все сработало? Едва убедившись, она использует заколдованный порошок и исчезнет.

К тому же, она проведет еще немного времени с сероглазой дикаркой.

Тамриз улыбнулась возлюбленной.

— Подождите меня. Встретимся у ворот.

На востоке небо прочертила нежно-желтая полоса.

День, когда Орифия должна была гореть, наступил.

Глава 12. Нечистая земля

Два великих храма смотрели на них с разных концов агоры. Суровый Тоскар хмурил брови под шлемом. Бородатый Птун в венце из ракушек раскинул над площадью рыбацкую сеть. Несколько граждан уже шли через площадь, чтобы вознести богам утренние молитвы.

— Есть что поднести? — спросила Ариста.

Тигона нервно кивнула и разжала кулак. На ее ладони лежал лазурный шар для петтейи.

— Креол подарил. Будет жертва Тоскару с его же ночи, — она улыбнулась.

— Отличная идея! Ну, ступай. Мы подождем.

Ариста оглянулась на Тамриз, ища поддержки. Принцесса сдержанно улыбнулась и кивнула.

— Да. Ладно. Я быстро.

Тигона вздохнула и торопливо побежала вверх по ступеням. Ариста слышала, как подруга назвала свое имя и род, и как ораторы отворили ей тяжелые двери в храм Тоскара.

Пожалуй, и ей можно было помолиться, хотя бы на ступенях. Но Ариста подумала, что это лишнее. Молитва Мегисту была вызвана полным отчаянием, когда больше буквально ничего нельзя было сделать. Сейчас дело другое: она готовилась и тренировалась. Она сможет пройти испытание, не докучая богам мольбами. Пусть лучше выслушают Тигону, ей это сейчас нужнее.

К тому же, рядом Тамриз. К чему смущать подругу чуждыми ей обрядами?

— Светает, — тихо сказала принцесса.

— Ага. Жаркий будет день. Хочешь сбегать в купальню вечером, когда все закончится?

На этих словах Ариста обернулась к Тамриз — и с удивлением разглядела в глазах подруги печаль. Так смотрят, когда прощаются.

Первые лучи рассвета позолотили колонны и крыши белокаменных дворцов и храмов. Все больше людей проходило по агоре, торопясь по своим делам. Тамриз открыла рот, чтобы что-то сказать.

Но не успела.

Из храма раздался исполненный ужаса крик. А за ним — пронзительный, злобный, леденящий кожу вопль. Так не могло кричать ни одно создание, вскормленное молоком матери.

Тело Аристы похолодело от затылка до кончиков пальцев. Не думая, что она делает — страх выжег в ее голове все ясные мысли — девушка бросилась вверх по каменным ступеням.

Двое рослых ораторов, чьи тела были изрезаны ритуальными шрамами, уже обнажили мечи и синхронным ударом распахнули тяжелые двери. Один из них успел краем глаза заметить несущуюся к входу Аристу.

— Поди прочь, тебе тут... — он осекся, признав девушку в лицо. — Гракх! Вон со священных ступеней сейчас же!

Два удара сердца потребовались оратору, чтобы выкрикнуть это. И это были последние удары его сердца.

Из распахнутых дверей вырвалось огромное, черное, суставчатое жало. Одним выпадом оно пробило грудь промедлившего служителя и рывком затащило его внутрь. Послышался визгливый крик и влажный хруст разрываемой плоти. Из дверного проема на белый камень

брызнула кровь.

На свет показались шесть черных суставчатых лап, увенчанных острыми когтями. С отвратительным скрежетом расцарапали они искусно выбитые железные барельефы Тоскара на дверных створках. Лапы подтянули и выволокли наружу массивное круглое тело, покрытое панцирем из черной кости. Ариста и уцелевший оратор инстинктивно попятились вниз по ступеням.

Существо, которое выползло на них из храма, больше всего напоминало краба — вроде тех, с которыми Ариста играла когда-то на песчаной отмели. Только вот этот краб высотой был с рослого мужа, а в ширину вдвое больше того. Из задней части панциря росло длинное жало, как у скорпиона, с острием не тупее, чем у любого копья. Пара массивных клешней с острыми, как глади, кромками нацелилась на людей. Два цепких щупальца шевелились у самых челюстей.

Тварь посмотрела на двух людей перед нею и пошевелила влажными склизкими жвалами. Аристе было так страшно, что казалось, испугаться еще сильнее уже невозможно.

Это предположение оказалось ошибочным, как только чудищу ответил второй, хоровой, вопль из храма Птуна на другом конце агоры. Из окон с грохотом вылетели стекла, и над площадью закружила целая стая страшных существ. Черные, тощие, скелетообразные, с зубастыми ртами и крупными кожаными крыльями. Их маленькие злобные глазки тут же выцепили на белом камне одинокие фигурки добычи.

Крики ужаса разлетелись по агоре. Безоружные граждане бросились бежать в укрытия, не разбирая дороги. Крылатые твари бросились вниз, и крики переросли в истошные вопли и мольбы, когда несчастных людей подняли в воздух и принялись драть на куски.

Выживший оратор наконец оправился от потрясения.

— Тоскар-Воитель, веди мою руку! — заревел он могучим басом и бросился навстречу ужасному крабу.

Ариста слышала много историй о невероятной силе ораторов Тоскара. Слышала, будто покровитель дарует им такую скорость, что они кажутся летящими. Что их не свалит с ног и удар боевого молота. Что мечи в их руках способны рассечь камень и разрубить надвое взрослого быка.

Сейчас эти истории опровергались самым безжалостным образом.

Жрец-воин прыгнул на краба, занеся над головой тяжелый меч. Но прыжок был недостаточно быстр и точен. Метнулась черная клешня, и жрец рухнул на белые камни, разрубленный надвое. Нижняя половина тела нелепо покатилась вниз по ступеням.

Хоть Ариста и была напугана почти до беспамятства, ум ее достаточно закалился в тренировках, чтобы продолжать думать. Хорошая новость в том, что при ней меч: три девушки пошли к храмам, уже облаченные для экзамена. Каждой, по крайней мере, есть, чем защититься.

Все прочие новости были плохими. Крылатые твари сейчас бросятся на Тамриз. Тигона в храме, возможно, ранена или уже убита. Ей же самой сейчас придется драться за жизнь с тварью, которая сильнее и быстрее взрослого мужа.

Краб сфокусировал взгляд на Аристе, перешагнув когтистыми лапами через свежий труп и пополз к девушке.

Нужно срочно вытащить отсюда подруг и мчаться за помощью. В храмах случилось нечто ужасное. Надо предупредить сестер, капитана Ио, всех кого получится!

Краб развел в стороны окровавленные клешни, готовясь к прыжку. Жало набухло от яда.

Слюнявые жвала раскрылись, достаточно острые и широкие, чтобы откусить Аристе голову.

Из храма донесся грохот и треск, с каким бьется на куски мрамор. Потом настала тишина, которая была страшнее всяких криков.

Краб прыгнул, метя в Аристу клешнями и жалом.

За несколько кварталов от агоры, на рыночной площади, начался свой кошмар.

На рынке в рассветный час было куда больше народу, чем на агоре. Купцы загодя раскладывали товары и готовили свои прилавки к новому дню. Когда из храма Мегиста на площадь вырвались химеры, им было чем поживиться.

О, это были ужасные твари. Черные как уголь, с выпирающими костями ребер, с головами волков и кривыми копытами, как у козлов. Живые змеи извивались у них сзади вместо хвостов, скаля клыки и разбрызгивая по камням дымящийся яд.

Но хуже всего было пламя, извергавшееся из пастей.

Рынок запылал в считанные минуты. Злосчастные торговцы в смертном страхе метались между горящими рядами, а чудища гнали и забивали их, как зайцев или куропаток. Драгоценные шелка, спелые фрукты, игрушки для детей стали пищей пламени, и черная зола вперемешку с кровью пачкала белоснежные камни площади.

Над Орифией зазвонили колокола. Пожар! Враги! К оружию!

Городская стража и воительницы Фаланги двумя быстрыми потоками помчались по улицам к рынку и агоре. Привычный порядок построения — каждая воительница ведет за собой десятку стражников — составлялся прямо на бегу.

Совсем скоро на улицах и площадях раздался звон стали. Гарнизон Орифии вступил в бой с чудовищами.

Уже в тот час, когда защитники города впервые увидели перед собой гнусные морды химер и гарпий, у некоторых зародился страшный вопрос: откуда в городе эти твари? Чудовища водятся лишь в тех местах, которые оставили боги. Что все это значит?

Но то было не время вопросов и ответов. Настал час грозного побоища.

Тамриз в оцепенении смотрела на крылатых гарпий, терзающих мирных жителей. По ушам бил летевший над городом шум: крики, плач, топот сандалий, звон колоколов.

Все было совсем не правильно. Так не должно было случиться.

Все это время Тамриз думала, что успех ее дела приведет к справедливости. Варвары утратят нечестное преимущество в чарах, и вторжение Хеменидов в Орифию будет столкновением силы с силой, доблести с доблестью.

Ее обманули. В черном сосуде Дарафалла таились резня и хаос. Ей дали благородные ножны, но внутри оказался топор мясника.

Агора была построена на холме, отсюда открывался неплохой вид на море. И там, на линии горизонта, Тамриз различила кроваво-красные паруса и золотой диск на алом фоне.

Флот Джохара. Брат атакует Орифию раньше срока, атакует ослабленной, застигнутой врасплох!

Мысли Тамриз обгоняли друг друга. В этом ведь нет чести, это не вторжение, это подлая расправа! Неужели отец одобрил это? А Дарафалл, он знал с самого начала и просто не говорил ей?

В смятении Тамриз повернулась к храму. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как на Аристу бросился чудовищный краб.

— Гракх!

К сердцу подступила волна внезапного, как бы чужого страха. Тамриз прошиб такой озноб, будто это ей самой грозила сейчас смерть от черных клешней.

Потеряв голову, принцесса бросилась к ступеням храма. Но не успела она пробежать и трех шагов, как костлявая черная гарпия спикировала на белые плиты и преградила ей путь.

Тамриз замерла: дыхание глубокое, все тело напряжено, рука зависла над рукоятью скимитара за спиной. Гарпия склонила голову набок, поглядела на Тамриз и злобно заурчала. Боком, как стервятник или гиена, поползла она к девушке. Краем глаза принцесса увидела, как вторая такая тварь приземлилась у нее за спиной и неслышно крадется к ней сзади.

Чудища подползли к ней, не пересекая той невидимой черты, за которой она достала бы их скимитаром. Черные глазки буравили Тамриз, из разинутых ртов капала слюна. Они были голодны. Они жаждали чужой смерти.

Тамриз затаила дыхание, готовая в любой миг выхватить клинок и ударить. Успеет ли она поразить сразу обоих? Если нет, ей конец; второе чудище немедленно разорвет ей горло. Гарпии втянули воздух маленькими плоскими ноздрями.

И тут обе сложили крылья, опустили головы и с почтительным клекотом отступили.

Чудовища признали ее. Порождения черного колдовства не пожелали тронуть ту, что их освободила.

Будь у Аристы еще хотя бы миг, она стремглав бросилась бы в храм. Тамриз могла позаботиться о себе. А крик Тигоны все еще звучал в ушах, моля о помощи.

Но мига у нее не было. Скользящая туша в твердом панцире прыгнула на нее. Времени хватило лишь на то, чтобы упасть навзничь. Спина взорвалась болью от удара о каменные ступени.

Перед лицом Аристы щелкнули смертоносные клешни. Промедли она, и тварь отсекла бы ей голову. Впрочем, сейчас дело тоже было не гладко: краб оказался прямо на ней. Зловонное брюхо колыхалось над нею, когтистые лапы не давали откатиться в сторону. К счастью, клешни краба были слишком длинными и массивными, а жало не могло бить под брюхо; в этом отношении Ариста временно была в безопасности.

Но оставались еще челюсти.

Два щупальца крепко обхватили затылок Аристы. Жвалы раскрылись, челюсти краба распахнулись во всю ширь. Девушка напрягла шею и плечи что было сил, лихорадочно при этом нашаривая рукоять меча в ножнах. Щупальца неумолимо тянули ее голову в жадную слюнявую пасть.

Когда острые жвала были в ногте от ее лица, Ариста выхватила меч и коротким отчаянным выпадом ударила краба в брюхо.

На нее хлынул поток ледяной зловонной желчи. Мышцы свело от холода, дыхание перехватило от зловония. Но худшее было впереди: тварь забилась в предсмертной судороге и всем своим весом рухнула на Аристу. Меч безнадежно увяз в глубине гнусного тела. Не шевельнуться, не набрать воздуха в грудь.

Голова запрокинулась, и Ариста увидела Тамриз в окружении двух уродливых гарпий. Они подбирались к смуглянке, готовые вцепиться в такое любимое, такое юное тело...

А затем отступили и дали принцессе дорогу.

Что это значит?

Но думать ясно Ариста не могла. Туша краба давила на нее, и девушку прижало так, что в глазах потемнело. Казалось, ее вот-вот раздавит.

Нет. Ее жизнь не закончится так.

Ариста напрягла мышцы рук, силясь спихнуть с себя гнусную массу плоти. Захрустели суставы. Девушка закричала от боли, гнева и напряжения.

А затем все кончилось. Мертвое чудище скатилось с Аристы и повалилось кверху лапами на ступени храма Тоскара.

Медленно, пошатываясь, Ариста встала на ноги. Голова перестала кружиться, в глазах прояснилось, и девушка смогла разглядеть через распахнутые двери неподвижную фигурку, лежавшую в глубине храма.

— Тигона!

По привычке Ариста заколебалась у порога храма: напомнил о себе многолетний запрет. Но силуэт подруги внутри, у алтаря, заставил забыть обо всем. Ариста вбежала в храм и опустилась на колени у неподвижного тела.

— Тигона? Тигона! Очнись!

Пастушка застонала, глаза под закрытыми веками зашевелились в глазницах. На Аристу накатило такое облегчение, что даже дурно стало. Выглядела Тигона ужасно: мертвенно бледная, с посиневшими губами и веками, с холодными пальцами. Дыхание было таким слабым и прерывистым, будто бы пастушка пробежала три Орифийских дистанции подряд. И все же ран на ней нет, она жива, а это...

Взгляд Аристы упал на алтарную часть храма, и девушка похолодела от ужаса.

На мраморном полу лежал труп мерзкого черного рака — немногим меньше той твари, что осталась на ступенях снаружи. Голова чудища была расплющена железным жертвенным блюдом. В иное время Ариста удивилась бы, откуда только у Тигоны взялись силы сбросить тяжелое блюдо с жертвенника, да еще с такой точностью.

Но сейчас подобные вопросы в голову Аристе не пришли.

Потому что ни на блюде, ни на алтаре не горел священный огонь.

Отец говорил ей когда-то, что зажженный богами огонь не погасит никакая сила. Даже рухли на храм сотня камней, белое пламя продолжит гореть, пока жители полиса клянутся именами богов во имя справедливости и закона.

Но теперь огонь Тоскара погас. Это объясняло многое: и появление чудовищ в священном месте, и бессилие оратора перед крабом.

Шум и крики слышны даже отсюда. Это произошло во всех храмах полиса. Вся Орифия осталась без защиты бессмертных.

И Ариста Гракх, хорошо знавшая, каково жить без милости богов, ощутила на сердце жестокую хватку отчаяния.

— Надо уходить, — прошептала она, поднимая Тигону на ноги. — Найдем сестер, капитана...

Когда они сделали несколько шагов к выходу, Ариста ощутила дыхание подруги у себя на щеке. Тигона задышала чаще, глаза ее раскрылись.

— Я так испугалась, — тихо сказала она.

— Знаю.

— Я такая трусиха, — Тигона говорила невнятно, как будто и не обращаясь к Аристе. — Нельзя мне в Фалангу...

— Не глупи. Всякий бы испугался. Я и побольше твоего боюсь.

Поддерживая подругу, Ариста преодолела порог храма.

Агора была залита кровью. Алая кровь людей перемешалась с черной желчью гарпий, белую площадь повсюду испачкали безобразные разводы и пятна.

Пока подруги перевязывали раны в храме, к агоре подоспела часть гарнизона и вступила в бой с гарпиями. Битва была быстрой: сейчас лучницы уже сбивали на землю последних тварей, а копейщики из городской стражи добивали страшилищ беспощадными ударами копий.

Но цена победы была высока. На площади тут и там валялись истерзанные тела горожан, стражников и воительниц Фаланги. У подножия статуи Тоскара лицом вниз лежала пожилая женщина; под ней растеклась большая багровая лужа. Руки вцепились в каменные сандалии Воителя. Несчастная искала у бога защиты, но сегодня он ей не ответил. Аристе почудилось, что застывшие глаза покойницы смотрят прямо на нее, смотрят с недоумением и осуждением.

Тамриз на площади не было; в суматохе резни принцесса бесследно исчезла. Но одно знакомое лицо девушки все же разглядели.

— Окаста! — хрипло закричала Ариста.

Дочь капитана обернулась на крик. Волосы у нее были спутанные, слипшиеся от крови чудовищ. Красивый дорогой доспех помят и расцарапан, край щита безобразно обломан. Дикий взгляд смотрел на Аристу, но будто бы не видел ее.

— Окаста! Помоги!

Вражда и неприязнь, казавшиеся такими серьезными в мирное время, сейчас стали детской глупостью. Они были сестрами по несчастью, и остальное вдруг стало не важно.

Окрик вывел Окасту из оцепенения. Она приблизилась к ступеням и помогла Аристе свести Тигону вниз.

— Ей надо к лекарю! Потом найдем капитана, надо получить приказ...

Ариста осеклась. Только сейчас она заметила, что по лицу Окасты текут слезы.

— Что случилось?

— Мама, — сипло выдавила Окаста и головой показала на площадь.

Уцелевшие бойцы гарнизона как раз занялись ранеными: их тащили в тень, укладывали на мягкое, кто-то уже помчался за лекарями. Один из стражников поднял под мышки тело в синем плаще Фаланги, и на солнце сверкнул знакомый золоченый нагрудник с чеканкой копия и лавра.

О боги.

Капитан Ио была без сознания. По правой части лица, от виска до шеи, шел глубокий ломаный шрам. Нетрудно было представить, что произошло: командир Фаланги, конечно, была на переднем крае побоища. Защищая убежавших с площади граждан, она сошлась с чудовищами в ближнем бою, и коготь гарпии полоснул ее до самой артерии.

— Я... я не знаю, что делать, — в голосе Окасты прозвучали беспомощные, детские нотки. — Мама велела мне отступить, а я... хотела помочь...

У гордой дочери капитана вот-вот должна была начаться истерика. Потеря главного человека в ее жизни, той, кого она уважала и превозносила, помutilа ей ум.

Ариста действовала быстро: она отвесила Окасте пощечину. Девушка охнула, глаза ее распахнулись от шока.

— Мы все еще дочери Стратегикона, — Ариста подбирала слова, изо всех сил пытаясь говорить с Окастой на ее языке. — Не лжем, не трусим, верим сестрам по обе руки.

Взгляд Окасты чуть прояснился. Она не пришла в себя полностью, но по крайней мере, готова была слушать.

— Тигоне и остальным нужен лекарь. Помоги их найти. Поддерживай раненых, пока им не помогут.

Окаста кивнула. Они взяли Тигону под руки и вместе довели ее до тенистой части агоры. Ариста бережно уложила подругу на землю. Окаста бросилась вниз по улице в поисках врачей.

— Как ты?

Тигона пошарила пальцами в кармане туники и показала Аристе лазурный шар.

— Все равно жаль было жертвовать. Подарок все-таки, — Тигона слабо улыбнулась.

И в этот миг новый удар колокола раздался над площадью, и протяжный крик сигнальных труб подал горожанам страшный сигнал.

Война. Враги у порога.

Ариста вскочила на ноги и выбежала на открытое место агоры. Взгляд ее был не таким зорким, как у Тамриз, но корабли с багровыми парусами были уже достаточно близко. Массивные, мощные суда выстроились в боевой порядок. Хищной стаей надвигались они на город.

Хемениды. Флот Хеменидов вторгся в орифийские воды.

Как по команде, солнце скрылось за грядой серых туч. Промозглый северный ветер пронесся по площади, холодя голые плечи Аристы. Внизу, у причалов, загудели трубы, затопали маршем сандалии. Те бойцы Фаланги, кто остался в строю, грузились на корабли. Город спешно готовился к обороне.

Ариста обернулась к Тигоне. Подруга с испугом прислушивалась к шуму в гавани.

— Оставайся здесь. Тут безопасно. Врачеватели скоро помогут.

— А что ты будешь делать?

— Поговорю с другими сестрами. Они в Стратегиконе одни, нужно им все объяснить.

Тигона подумала миг и кивнула, соглашаясь с планом. Ариста крепко сжала руку подруги на прощание и побежала прочь с агоры, в нижние кварталы осажденного города.

Глава 13. Осада

Серые тучи закрыли солнце. По морю загулял пронизывающий, холодный ветер. С северных гор ползла пелена мутного белого тумана. Скоро она дойдет до моря, и все побережье погрузится в сумрак.

Темная фигура стояла на носу корабля с багровым парусом. Ветер раздувал черный плащ на плечах, трепал края низко надвинутого капюшона.

Баррад Дарафалл смотрел на стены родного города.

Давно покинул он земли Ладды. Много долгих лет минуло с тех пор, как он бродил по белым улицам Орифии, слышал приветливое слово, смотрел в глаза друга.

Рука невольно коснулась холодного стекла в глазнице. Да, в те времена у него еще были при себе оба глаза. Было и честное имя, и любимые люди, и надежды на будущее. Все это дала ему Ладда.

И все это у него отняла.

Гнев, когда-то бушевавший в нем неистовым пожаром, с годами прогорел до горькой язвущей ненависти. Мстить уже не хотелось. Нынешняя его цель была куда выше банальной мести.

Но мысль о том, что он пройдет к этой цели по горящим руинам родного города и по обугленным костям своих трусливых, двуличных соотечественников — эта мысль все же вызывала удовлетворение. Она обещала покой его горькой злобе.

— Господин.

Дарафалл обернулся. Двое солдат в простом доспехе встали на страже у катапульта. Стрелок и наводчик. Единственные бойцы на флагмане не из богатеньких домов.

— Господину стоит спуститься вниз. Скоро тут станет жарко.

На берегу звонил колокол. Приближались сторожевые башни на черных утесах. А из гавани в страшной спешке летели наперерез вторжению триремы под синими парусами. Гордость орифийского флота шла дать отпор нежданному врагу.

Чародей усмехнулся и остался на месте. На это стоило посмотреть.

Немногие женщины Фаланги могли припомнить другой такой постыдный и безблагодатный бой.

Неприятности начались, едва флот вышел из гавани. Не успели триремы отплыть и на сто локтей, как паруса сдулись и поникли, а скорость движения упала до черепашьей.

Дул встречный ветер.

Уже тогда у многих на сердце заскребли кошки. Птун не помогает сегодня своим дочерям, — думали они. Море не стоит за нас в этой битве.

Но долг есть долг, и бойцы легли на весла. Однако медлительность стоила немедленных потерь. Враг успел открыть огонь из осадных орудий по сторожевым башням на скалах. Кипящая смола и баллисты оказались бессильны перед черными бомбами. Каменные башни раскололись и рухнули в море валом каменных обломков, в дыму и пламени.

Не так быстро, как хотелось бы, но расстояние между триремами и флотом неприятеля сокращалось. И тут открылось самое страшное. Боги сегодня не только не могли помочь своим людям.

Они не могли помешать их врагам.

Едва триремы Орифии подошли к неприятелю на полсотни локтей, корабли под багровыми парусами изрыгнули на них косые струи пламени. В любой другой день Птун сбил бы прицел врага ветрами, или лукавый Мегист наслал бы осечки на их орудия.

Но сегодня каждый залп был точен, каждая огненная струя достигла цели. Одна трирема вспыхнула как факел, даже не сблизившись с врагом. У двух других пылали мачты. Части экипажа пришлось тушить пожары, и это еще больше ослабляло флот: меньше людей оставалось, чтобы грести или отвечать врагу ответным огнем.

Женщины Фаланги взывали к Тоскару и посылали во вражьи суда тучи стрел. Но пламя Воителя больше не зажигало их губительным огнем. А рука даже опытной лучницы не может нацелить стрелу так же верно, как благословение бога. Многие выстрелы уходили впустую, вонзались в деревянные борта кораблей, в щиты неприятеля. Стрелять с каждым мигом становилось все труднее: вражеский огонь бил со всех сторон, пылая жгучими языками даже на водной глади моря.

В довершение всех бед, защитный флот был собран наспех и проигрывал противнику в численности. Это было бы не так страшно, если б орифийки могли использовать скорость и маневренность трирем. Но встречный ветер украл у них и эту возможность.

В течение нескольких минут орифийские корабли оказались отрезанными друг от друга, боевой порядок распался, и битва превратилась в огненное избиение. Когда катившийся с севера туман добрался до воды и неумолимо пополз к месту сражения, многие женщины Фаланги уже боялись смотреть друг другу в глаза. Храбрость и верность долгу не изменили им, но каждая страшилась увидеть в глазах сестры отражение собственного отчаяния.

Смерть поджидала их в волнах, и каждый на обстреливаемых врагом кораблях ощутил на себе в тот час ее холодное алчное дыхание.

Ариста бежала через море перепуганных людей.

Граждане Орифии высыпали из домов, улицы наполнили гомон и суматоха. Одни требовали ответов на вопросы, которые никто не слышал. Другие кричали, что нужно открыть арсеналы и раздать всем оружие. Никто никого не слушал, но каждый вздрагивал, когда до городских улиц доносился грохот вражьих орудий. Плакали дети.

Расталкивая людей с дороги, Ариста выбежала к стенам Стратегикона. Отсюда был неплохо виден залив, и при взгляде на море сердце Аристы защемило. Паруса тонущих трирем падали в морские волны. Флот Орифии погибал под ударами сил вторжения.

— Тот, с золотым диском.

Ариста вздрогнула. Тамриз подкралась сзади неслышно и незаметно.

— Что?

— Мой брат плавает под парусом с золотым диском. Весь флот подчиняется ему одному. Если его захватить, они не смогут продолжить бой. Врожденный изъян деспотии, — Тамриз усмехнулась.

Они были вдвоем на пустой набережной. Вокруг стояла напряженная тишина.

Страшная догадка мелькнула в голове Аристы. Твари на площади не тронули эту смуглянку. Будто признали в ней свою. И этот вражий флот появился именно в тот момент, когда город ослаблен.

Одним движением девушка выхватила меч и нацелила остриё в грудь возлюбленной.

— Это ведь ты. Ты привела их сюда. Ты предала нас!

Тамриз без страха взглянула на клинок, который мог в любой момент пронзить ей

сердце.

— Никого я не предала. Я прибыла сюда, чтобы выполнить приказ отца. И приказ выполнен: ложные боги отвернулись от вас.

Обе девушки взглянули на море. Да уж, едва ли боги хранили сейчас флот Орифии. Даже отсюда был слышен грохот ломающихся снастей и крик умирающих.

Рука с мечом предательски дрогнула. В глазах стояли слезы. Аристе хотелось сказать — нет, крикнуть, бросить прямо в смуглое лицо! — очень многое. Как ненавидит она Тамриз. Как больно ей терять только обретенную связь с другой душой. Как горит и кровоточит преданное доверие. Как воспоминания о счастливых совместных часах стали теперь мучительно горькой отравой.

Вместо этого она спросила:

— Чего ж ты теперь даешь мне советы?

Лицо Тамриз омрачилось.

— Брат напал слишком быстро, не дал вам времени. Я надеялась, что ваш город будет покорен в благородной битве, кровью и честью. Какая же честь в расправе над беспомощным и не готовым врагом?

— Как великодушно, — фыркнула Ариста. — Ты очень порядочна для шпионки и лгуны!

Глаза принцессы Хеменид сузились в холодном презрении.

— Бранись, сколько хочешь. Но подумай над моим советом о корабле брата. Если кто-то попытается его взять...

— Хорош совет! Выйти в море и убится о ваш флот! Посмотри! — Ариста ткнула мечом в сторону моря. — Вы своего добились! Бой уже проигран!

— Если ты проиграла, разве это повод сдаваться? — Тамриз невесело улыбнулась.

На миг Ариста замерла с открытым ртом, не зная, что ответить на свои же слова.

— Вероятно, вы и правда погибнете. Но так, по крайней мере, это будет добрая схватка, а не подлая резня.

Тамриз сунула руку за пояс.

— Прощай, Ариста Гракх.

Рука и сердце Аристы думали быстрее, чем разум. Слова прощания, сказанные изменницей, разожгли в груди ярость. Нет уж, ты не уйдешь после того, что сделала!

Рука с мечом замахнулась, готовая нанести удар вероломной подруге.

Чёрный порошок высыпался под ноги принцессе Хеменид. Багровое пламя вырвалось из мостовой и охватило тело Тамриз. На Аристу дохнуло жаром, полыхнула алая вспышка. Клинок гладия прошел через пламя и разметал по камням багровые искры.

Но было поздно. Ее возлюбленный недруг исчезла.

Ариста осталась одна на пустой улице. На море грохотало сражение.

За воротами Стратегикона стояли растерянные, испуганные воспитанницы. Они ждали вестей, выстроившись в шеренгу, в боевом облачении для сорванного экзамена.

Ариста вышла из тени ворот и подняла руку, требуя внимания. Хор голосов тут же накрыл ее.

— Проклятая Гракх! Что там творится?

— Пусть объяснит!

— Где капитан? Она уплыла сражаться?

— Каков приказ, что мы должны делать?

Так не пойдет. Ей не перекричать два десятка испуганных девиц.

Ариста огляделась и что есть силы ударила мечом в медный гонг, который так часто созывал их к новым занятиям. Сейчас, среди пожара и шума снаружи, знакомый звон прозвучал мрачным, неумолимым гулом.

Девушки умолкли. Во дворе настала тишина.

— Капитан ранена! — Ариста надеялась, что голос ее звучит твердо. — Не знаю, жива ли она еще. Многие наставницы погибли или остались у лекарей. Остальные уплыли сражаться, но наш флот почти разгромлен. Мне не передали для вас никаких приказов.

Повисшее во дворе молчание говорило о страхе и отчаянии больше, чем тысяча криков.

— Сто же нам делать? — жалобно спросила Ифина.

Ариста сделала глубокий вдох.

— Прямо сейчас у города не осталось Фаланги для защиты. Его единственная Фаланга — мы. Вы, сестры, спрашиваете меня, что делать? Хорошо. Вот мой ответ: мы должны атаковать флагман Хеменидов, взять в плен их вожака и заставить их отступить.

Недолгую паузу разорвал нервный, гнусавый смешок Ниобии.

— Что за бредни несет эта проклятая? Нам биться с Хеменидами? Мы даже не сдали экзамен!

Искры страха и злости упали на подходящую почву. Двор заполнился криками.

— Хочешь, чтобы нас перебили, Гракх?!

— Атаковать без командира, как же!

— Найдите наставницу, что слушать эту безумную!

Ариста в отчаянии огляделась. Во всем Стратегиконе нет никого, кто поддержал бы ее. О чем она думала? Она не командир, она проклятая Гракх! Кто за ней пойдет?

Что-то острое с оглушительным свистом пролетело мимо Аристы. В камни двора, прямо под ноги Ниобии, вонзился окровавленный гладий. Ниобия взвизгнула и отскочила.

Окаста, дочь Ио, выступила из тени ворот. Волосы все еще в крови, доспех в царапинах и вмятинах. Но походка Окасты была тверда как всегда, а в глазах горели неукротимая воля и ярость.

Подле нее шла Тигона; лицо девушки было по-прежнему бледным, но взгляд прояснился, а с губ и век спала синева.

— Ах вы приبلуды! — рык Окасты заглушил даже шум паники в городе и дальний рокот морского сражения. — Галдите, как обосравшиеся галки, пока наш город на краю гибели!

Ариста невольно отошла на пару шагов. Гнев Окасты был как молния: даже если она не метит именно в тебя, лучше не стоять у нее на пути.

— Гракх, да заблюют псы могилу ее отца, здесь единственный стоящий гражданин! Верно она сказала: мы последняя надежда Орифии! Мы должны выйти в море и схватиться с безбожниками не на жизнь, а на смерть! Кому-то тут нужен командир? Я вам командир! — заорала Окаста так, что у Аристы зазвенело в ушах. — Я и проклятая Гракх! Слушайте сюда: сейчас мы выйдем из этих ворот и отправимся на смерть, как подобает женщинам! Тем, кто пойдет за нами, я обещаю: каждую из вас ждет в аду пир до отвала и такой мужик, какого вы и не видывали! А те, кто хотят отсидеться, пусть умирают в позоре и на том свете отправляются прямиком в ямы с дерьмом!

Одним движением Окаста выдернула меч из каменных плит, бросила его в ножны и

встала рядом с Аристой.

— Но... на чем нам выйти в море? — осторожно спросила Ифина. — Ни одной триремы в гавани не осталось.

И тут, как это порой бывает, идея вспыхнула в уме Аристы так ясно и так стремительно, что это даже пугало. Так неожиданно легко ложится строчка в поэму или песню.

— Триремы нам и не нужны. Чтобы подобраться к флагману, стодится и что поменьше.

— Ни за что! — сказал, как отрезал, старый Солон.

Пятеро упрямых седых рыбаков стояли на пристани против двух десятков девушек в старых доспехах. Пять небольших парусных лодочек стояли за ними на якоре: сердце их жизни и промысла.

— Солон, не дури, мы же для города просим, — заметила Ариста.

— Для блажи своей вы просите! Куда вам, да на таких лодках воевать! Сами погибнете, и лодки наши потопите!

— Верно говорит, — буркнул один из рыбаков.

— Да уж, пусть воюют те, кто умеют.

— Те, кто умеют, скоро закончатся! — в сердцах закричала Окаста. — Да граждане ли вы?

— Граждане, граждане, не хуже тебя! — закаркал сердито Солон. — А своей лодки не дам, а Гракх в руки тем более! Хватит ей мои лодки топить!

Ариста вздохнула. Ей честно не хотелось делать то, что она собиралась сделать прямо сейчас.

Ну, разве что самую малость.

Ариста размахнулась и раскрытой ладонью врезала Солону по лбу.

Старик охнул и пошатнулся. А шататься-то ему и не следовало: очень неосмотрительно он спорил с дочерьми Стратегикона на самом краю причала.

Сверкнув в воздухе исподним, Солон с визгом грохнулся в воду. Из-под причала послышался шквал проклятий и причитаний.

Ариста повернулась к опешившим рыбакам.

— У кого-то еще есть проблемы с тем, чтобы одолжить отечеству лодки?

Рыбаки молча подвинулись в стороны, давая девушкам дорогу.

Глава 14. Те, что не боятся смерти

Джохар торжествовал победу.

Контратака орифийского флота была яростной, но краткой. При встречном ветре триремы потеряли свое главное преимущество — маневренность. Огненные заряды подожгли и потопили треть судов противника в первые же минуты боя.

Две триремы все же сблизилась с кораблями врага и взяли их на abordаж. Но и тут варваров ждала неудача: перед боем на триремы не успело погрузиться достаточно воинов. Морская пучина жадно глотала пролитую кровь, и храбрые женщины Орифии падали в кровавые волны, кто с перерезанным горлом, кто с выпущенными кишками. Пена на волнах стала алой. Казалось, духи ада носятся над морем и тащат на дно сраженных в бою несчастных.

Будь Джохар повнимательнее, он бы прислушался к доносившимся из города крикам, увидел бы огненные точки пожаров в нескольких кварталах и заключил бы, что в Орифии что-то произошло. Что-то, что ослабило варваров в самый трудный час. Но себялюбие принца не допускало даже мысли, что кто-кто кроме него мог способствовать успеху атаки. Несомненно, все дело в коварной внезапности нападения! Его, и только его план увенчается сейчас успехом. Жаль только, он не увидит, как эта наглая выскочка Тамриз обмочится со страху, запертая в осажденном городе варваров.

Из десятка трирем, выступивших на защиту гавани, на плаву остались три. Их гнали, как дичь, сквозь налетевший с севера туман.

Нервы Джохара дрожали в предвкушении. Суда Хеменидов не были больше связаны боем. Пора было начинать обстрел Орифии.

Жаль, проклятый туман скрывает очертания города. Вслепую обстрел затянется. Если только не...

— Эй, белорожий! Поди сюда!

Баррад Дарафалл подошел и встал рядом с принцем. Мертвый стеклянный глаз смотрел на белый город.

— Пора принести огонь этим дикарям, — оскалился Джохар. — Найдется ли под твоим плащом фокус, который помог бы расправиться с ними быстрее?

— Средство уже готово, о принц.

— Так приступай!

Дарафалл повернулся к корме и подал знак своим солдатам. Из трюма выволокли скованных цепями невольниц. Женщины дрожали, плакали, что-то кричали на своем наречии. Их пугали кровавая битва и туман вокруг.

Джохару стало даже любопытно. Хоть теперь узнаем, зачем колдун тащил их с собой через море!

Чародей махнул рукой, и верные ему солдаты взмахнули клинками. Головы рабынь полетели с плеч, боязливое лopotание сменилось криками ужаса. Солдаты работали споро, каждый удар резал по две головы. В пять ударов с рабынями было покончено.

Дарафалл вытянул к трупам белые руки. Его ладони раскрылись, будто разрезанные кинжалом. Края ран зашевелились, как челюсти, из них показались склизкие жвала. Раздался визгливый, скрежещущий звук, как будто под кожей колдуна скрывалась какая-то неведомая тварь, и запах крови пробудил ее ото сна.

Из шейных обрубок вырвались струи алого, как кровь, пламени. Новые крики — крики душ, которым отказано в упокоении — раздались над залитой кровью палубой. Языки страшного огня метнулись в разверзшиеся ладони Дарафалла. Они сматывались, скручивались, вихрились под его пальцами. Вокруг пламени нарастал панцирь черного, как обсидиан, стекла. И чем дольше багровое пламя текло из обезглавленных тел, тем более ветхими становились сами тела. Кожа пожелтела и сморщилась. Кости ссохлись, как если бы из них высосали мозг. В считанные удары сердца пышные юные тела превратились в истощенные высушенные останки, будто бы много лет пролежавшие в могилах.

Принц Джохар не отличался трусостью, но тут и ему стало не по себе. Он впервые увидел вблизи колдовство «белорожего» и поневоле подумал, какому страшному и безбожному существу грубил и бросал оскорбления все это время. В силах Джохара было лишить человека жизни. Но во власти Дарафалла было лишить человека смерти.

Десять черных матовых сфер зависли в воздухе. Повинуясь жесту чародея, они проплыли к катапультам и сами улеглись в метательные ложки. При этом из-под стекла раздались стоны — жалобы запертых внутри жизней.

— Пусть принц прикажет дать залп, когда ему будет угодно, — в голосе Дарафалла сквозил сарказм, рот оскалился в усмешке.

Джохар моргнул, оправился. Прочь это девичье малодушие! Он сожжет Орифию дотла, проложит путь в земли Ладды и впишет свое имя в летопись на Багровой скале! И если чары самой преисподней могут послужить ему в этом, пусть преисподняя ликует: сегодня она на стороне великого человека!

Принц развернулся к стрелку и наводчику у катапульты.

— Огненный сигнал всем кораблям! Катапульты на город! Стрелять сразу за нами!

Наводчик исполнил приказ прежде, чем Джохар договорил. Катапульты смотрели в туман, на смутные очертания Орифии. Джохар представить себе не мог, что случится, когда чародейские сферы падут на город. И ему не терпелось это выяснить.

Наводчик подал сигнал фонарем. Сейчас флагман даст первый залп. На прочих кораблях увидят траекторию стрельбы и последуют примеру.

Рука стрелка потянулась к пусковому механизму.

И тут раздался легкий свист, и оба бойца у орудия рухнули на палубу как подкошенные. Из их голов торчали черные стрелы.

Пока их спасали две вещи.

Во-первых, туман. То, что мешало боевым триремам ориентироваться и бить по врагу, было на руку флотилии из пяти крошечных рыбацких лодочек. Куда плыть, и так было ясно по сполохам огня.

Во-вторых, дозорные и солдаты врага были слишком увлечены преследованием и добиванием уцелевших орифийских трирем. Маленький десант никто не заметил, пока он не подобрался к самой гуще вражьего флота.

Из-за встречного ветра паруса спустили. Девушки налегали на весла; грести приходилось в тени страшных судов противника, в залитых кровью водах.

Пять маленьких лодок. Все, что удалось найти на рыбацкой пристани. В каждой лодке помещается по четыре бойца.

Двадцать недоученных воспитанниц Стратегикона против отборных сил вторжения Хеменидов. Без помощи богов и опытного командования.

Вот и флагман. Он выросстал перед ними, массивный, черный, увенчанный парусом с золотым диском. С кормы послышались предсмертные крики женщин. Там творилось что-то ужасное.

Они выплыли на открытый пяточок воды. Палубы вражьих кораблей, подсвеченные в тумане фонарями, просматривались отсюда отлично. Солдаты, катапульты, стрелки. Проблема в том, что через пару мгновений их самих кто-нибудь заметит.

— Снимайте стрелков, — тихо скомандовала Ариста. — Нужно сдержать обстрел города.

Окаста жестами подала условный сигнал на остальные лодки. Лучницы бесшумно выстроились по бортам.

— Это безумие, — прошептала Тигона. — Полное, смертельное безумие.

— Тихо!

Двадцать девчонок против маленькой армии.

Тигона права. Это безумие, обреченное на провал.

Стрелы легли на тетиву. Катапульты врага смотрели на их родной город.

Это безумие обязано сработать.

— Огонь, — скомандовала Ариста.

Джохар подавился собственным вдохом, тупо глядя на двух мертвых воинов с простреленными головами.

Как?! Откуда?! Вблизи нет ни одного вражьего судна, флот Орифии разгромлен!

Вне себя от бешенства, Джохар бросился к правому борту.

Туман над водой чуть рассеялся, и принц увидел пять мелких лодчонок. С них уже полетел новый залп черных стрел. На кораблях по соседству раздались крики и стук падающих тел.

Джохар хотел завопить во все горло, дать команду, позвать верных сатрапидов. Наглые варвары, пусть их разнесут в клочья!

Но он не успел. Просвистела третья очередь стрел. На корабле справа от флагмана застреленный солдат, должно быть, стоял подле катапульты и упал на пусковой рычаг. Не нацеленная еще катапульта выстрелила, и зажигательные снаряды пробиты борт соседнего судна.

Грянул взрыв.

На палубу флагмана дождем посыпались горящие обломки и щепки. Джохар пригнулся и заслонился от пылающего ада круглым щитом. В ушах звенело от взрыва, но даже сквозь звон принц расслышал треск дерева, грохот ломающихся снастей, вопли умирающих.

Огненный шквал пронесся по палубе, сбивая с ног, опаливая кожу, проламывая головы обломками. В единый миг семь знатнейших семейств империи лишились своих наследников.

На флагмане Хеменидов быстро назревала паника.

Жар от взрыва пронесся так близко от Аристы, что, казалось, только чудом у нее не загорелись волосы. Уши заложило, в глазах зарябило, по голове будто ударил скимитар Тамриз.

Но останавливаться было нельзя. Битва не только не закончилась: она еще даже не начиналась.

— К флагману! — закричала Ариста, не слыша собственного голоса. — К флагману и на борт!

Взрыв корабля дал им несколько драгоценных секунд. Пока враги на других судах сообразили, в чем дело, гребцы успели сделать два-три энергичных взмаха.

Их лодки были уже в трех локтях от борта флагмана, когда на них со всех сторон полетели стрелы. Корабельные орудия враги использовать не решились: на таком близком расстоянии велик был риск поджечь свои же суда.

Девушки были наготове. За миг до того, как дождь стрел обрушился на них, мечницы быстрым отработанным маневром встали плечо к плечу и выставили по бортам массивные круглые щиты. Гребцы и лучницы оказались как бы в медном панцире. Щиты тут же оказались утыканы стрелами, как дикобразы. Но задача была достигнута. Лодки сделали последний рывок и уперлись в борт флагмана.

Дочери Стратегикона закинули щиты за спины, достали парные кинжалы и, попеременно втыкая лезвия в деревянную обшивку, принялись взбираться на борт. Лучницы поднимались последними, прикрывая подъем, отвлекая противника ответной стрельбой. Пространство между кораблями было черно от стрел, летящих во всех направлениях. Воздух гудел, рассекаемый острыми наконечниками.

Баррад Дарафалл переждал огненный град под навесом, который обычно прикрывал от солнца вход в каюту принца. Он мог бы, конечно, защититься от обломков чарами. Но после сотворения колдовских снарядов сил оставалось мало, их стоило побережь.

Катапульти и сами снаряды, к счастью, не задело. Если бы хоть один из них раскололся, все живое на корабле ждал бы жуткий конец.

Дарафалл прислушался к свисту стрел по правому борту и потянул носом воздух, словно хотел учуять какой-то трудно различимый запах.

Он не умел видеть будущее и не мог повелевать случайностями. Но это было и не нужно. Годы странствий и общения с очень опасными существами научили его простой истине: прежде всего, познай чужую душу. Если ты знаешь людей, для тебя нет случайностей. Лишь новые возможности.

Он разгадал гневливую гордыню в сердце императора. Жажду подвига и признания у юной принцессы. Рабскую зависимость орифийцев от божьей милости. Того, что принц бросится на войну со столь кровожадной поспешностью, он не планировал, но ожидал. И повернул к своей выгоде.

План, ведущий его к великой цели, сам складывался под ногами идущего. Еще миг, и он обрушил бы на Орифию огонь и смерть. Замысел, о котором он не поведал ни одной живой душе, стал бы ближе ещё на один шаг.

Но теперь гармония замысла распалась. Нападение жалкой горстки врагов, которые поднимались сейчас на борт, было чем-то бессмысленным и неясным. Происходило то, чего он не угадал, не предвидел. На этом моменте план обрывался в неизвестность.

Баррад Дарафалл отступил в тень, наблюдая за происходящим на палубе. В его жестокой душе шевельнулось сомнение, предвестник страха.

Для Аристы подъем по борту флагмана походил на ночной кошмар. Казалось, расстояние до палубы вообще не уменьшается, и она обречена карабкаться вечно, как древний Сизиф. Стрелы вонзались в борт слева, справа, наверху и там, где только что

находилась ее нога.

Справа от нее раздался гнусавый крик Ниобии. В спине у нее торчало две стрелы. Девушка выпустила кинжалы и с криком рухнула в воду.

Торопливая Крата почти достигла палубы и успела издать боевой клич. В следующий миг она упала мимо Аристы вниз с резаной раной поперек лица. Наверху ее подстерег вражий клинок.

Но месяцы тренировок, пробежек, заплывов не пропали даром. Подъем высотой в пятнадцать локтей девушки преодолели за семь ударов сердца. Наученные горьким опытом павшей сестры, перед прыжком на палубу они делали выпад кинжалом, чтобы самим не попасть врагу на клинок.

Над Аристой показалась голова юноши в богато украшенном шлеме, с золотым кольцом в подбородке. Он замахнулся скимитаром, целясь ей в голову.

Ариста выбросила руку вверх. Кинжал пробил сапог и вошел в щиколотку. Воин взвыл от боли. Ариста рванула его на себя — руку так обожгло болью, будто она потянула целый мешок камней — и враг, вывалившись за борт, полетел в море.

Последний раз вырвав кинжал из дерева, Ариста запрыгнула на палубу и огляделась. По флагману тут и там были раскиданы тлеющие обломки взорванного судна. Повсюду мертвые и раненые. Доски блестели от крови. Ближе к корме распростерлось более десятка нагих высушенных останков с отрубленными головами.

«Сера и ад», — подумала Ариста, и в тот момент это не было метафорой. Она, кажется, и правда привела своих сестер в самый ад, в царство крови, огня и смерти.

Из двадцати девушек, вышедших с нею в море, до палубы флагмана добралось полтора десятка. Хвала богам, среди них была и Тигона: пастушка успешно добралась до палубы и теперь торопливо натягивала стрелу на тетиву.

Воины Хеменидов уже бросились им навстречу — молодые, смуглые и свирепые, в богатых доспехах и шлемах, с оружием наготове. Даже учитывая потери от взрывного шквала, враг превосходил их числом.

Отступить значило сдаться. Остановиться значило умереть.

Поэтому Ариста Гракх выхватила из ножен гладий и с пронзительным криком бросилась вперед.

— Убить! Убить их всех! — ревел Джохар.

Отдавать приказ вслух было, впрочем, бессмысленно. Он и так уже выполнялся по мере сил. По всей палубе звенела сталь, свистели стрелы, хрустели разрубаемые кости. Корабль стал полем ожесточенной рукопашной резни и стрельбы в упор. Девки-варвары, прикрывая друг друга, орудуя сразу мечом и кинжалом, сталкивались с сатрапидами Джохара. В несколько ожесточенных ударов стычка заканчивалась, и на доски падали мертвые тела.

Хищный, отточенный годами инстинкт бойца подсказал Джохару: надо разобраться с их лучницами. Держась у края палубы, они не лезли в ближний бой, но каждый их выстрел со столь близкого расстояния разил насмерть одного из его воинов.

Сжав скимитар и выставив перед собой щит, Джохар тигром бросился в атаку.

— Тигона, у меня стрелы кончаются! Кинь лисние! — шепелявый голос Ифины с трудом прорвался сквозь шум боя.

Тигона обернулась вовремя, чтобы увидеть то, что произошло дальше. Но предпринять

она ничего уже не успела.

Гибкий, похожий на барса юноша в золотом доспехе прыгнул на Ифину справа. Одним ударом он рассек ей голову надвое, от макушки до челюсти. Лук выпал из трясущихся в конвульсии пальцев. Язык, всегда готовый задать вопрос о чем угодно, безвольно вывалился изо рта.

Когда Ифина рухнула на палубу, глаза ее уставились на Тигону со странным недоумением. Будто она хотела еще, по своему обыкновению, что-то спросить, но не дождалась ответа.

На миг ужас сковал Тигону. Руки не слушались, ноги будто приросли к палубе.

Зверь в шкуре человека повернулся к ней, и в его глазах Тигона увидела свою смерть.

Когда он бросился на нее, инстинкты и тренировки все же напомнили о себе. Способность двигаться вернулась настолько, чтобы вскинуть лук, закрываясь от удара.

Лук распался надвое. Она была безоружна, не считая жалкого кинжала. Рот зверя оскалился в улыбке.

Убегать от такого противника по палубе было бы верным самоубийством. Поэтому Тигона, повинувшись скорее чутью, нежели разуму, бросилась к канатам и принялась взбираться на главную мачту. Так кошка лезет на дерево, спасаясь от клыков собаки.

К сожалению, эта собака могла последовать за ней.

Баррад Дарафалл взгляделся в сцену побоища. Каждый сейчас бился за свою жизнь, и на фигуру в тени навеса никто не обращал внимания.

Девушки совсем еще юные, не видевшие ни одной битвы. Когда они сталкиваются с врагом, на их лицах ужас. Это атака отчаяния.

И все же они бьются и убивают. Они сражаются вместе, друг за друга, спина к спине. Они напуганы, им некуда отступить, но тем они и опасны. Отчаяние рождает мужество.

Сил у него оставалось на одно смертельное проклятие.

Нужно найти их вождя. Обезглавишь отряд, и мужество сменится безысходностью.

Ариста ударила противника коленом в пах и, не давая опомниться, вонзила гладий в горло. Кровь полилась по лезвию, молодой сатрапид в зерненном доспехе рухнул к ее ногам. И тут сверху раздался крик.

Тигона лезла по канатам к главной мачте, а за ней гнался с окровавленным скимитаром высокий юноша с черными волосами, в залитом кровью доспехе червонного золота, с золотым диском на груди. Острием сабли он только что полоснул девушку по ноге.

Вот он. Принц Хеменидов, о котором говорила Тамриз. Их шанс на победу.

— Окаста!

Дочь капитана, только что обезглавившая вражеского бойца в двух шагах от нее, обернулась. На лице Окасты застыло свирепое выражение. Нижняя губа была разбита.

Ариста махнула рукой на канаты, пальцами подала условный знак: прикрой меня, сестра.

Окаста кивнула. Вместе, поскользываясь на окровавленных досках, они бросились к канатам. Позади Ариста слышала звон стали, но удара в спину не последовало.

— Шевели задницей, Гракх, их тут слишком много!

Все хорошо. Сестра прикрывает ее. Она успеет.

«Попалась», — подумал Дарафалл.

Жилистая русоволосая девчонка выкрикнула команду и понеслась через палубу, прикрытая верной подругой. Ее спину закрывают без промедления, её приказу подчиняются. Несомненно, она и привела сюда этот безумный отряд.

Пора с этим покончить.

Баррад Дарафалл выскользнул из тени и, шагая через разбросанные по палубе трупы, двинулся девчонке наперерез.

Раненая нога соскользнула, тело потянуло вниз. Тигона повисла над волнами, держась одной рукой за жесткий канат.

Она успела подтянуться за миг до того, как скимитар преследователя вспорол бы ей бок. Юноша проворно лез за нею. Их отделяло не более ладони.

Тигона плюхнулась животом на брус мачты и поползла на четвереньках прочь от страшного противника. На середине мачты она встала на ноги, остановилась, оглянулась.

Юноша с глазами барса уже стоял на краю мачты и с усмешкой наблюдал за нею. Он игриво показал пальцем вниз. Тигона без слов поняла его мысль.

Под ними двадцать локтей высоты. Единственный безопасный путь вниз — канаты, по которым они только что поднялись. Бежать на узкой мачте некуда. У нее кинжал и дрожащие коленки против его длинного скимитара и многолетней боевой выучки.

Это конец.

Юноша шагнул вперед по мачте и двинулся к ней.

Ариста была уже у самых канатов, когда движение справа, в уголке глаза, заставило ее обернуться.

Фигура в черном плаще шла к ней, не глядя на хаос битвы вокруг, не теряя равновесия на скользких от крови досках. На неё глядел внимательный, черный как морские глубины глаз. Второй глаз, из серого стекла, тарачился холодно и бессмысленно.

Снова это странное чувство, как в день казни на площади. Тепло, покой, рокошущий смех отца. На миг Ариста забыла о битве, захваченная этим детским блаженством.

Человек в черном остановился в пяти-шести шагах от нее. По лицу его пробежала безрадостная, презрительная улыбка. Он протянул к ней открытую ладонь.

С ладони сорвалась слепящая молния и полетела к Аристе.

Ни отскочить, ни увернуться она бы не успела. Времени хватило только на то, чтобы поднять меч в жалкой попытке защититься.

Молния выбила гладий из рук и ударила Аристу прямо в сердце.

Битва на корабле замерла и застыла. Все — и сатрапиды, и дочери Стратегикона — с ужасом воззрились на девушку, которую поразила молния.

Ее нагрудник раскалился добела. Кожаные части доспеха оплавилась в безобразную черную массу. С волос и обнаженной кожи падали на палубу язычки багрового пламени.

Девушка открыла зажмуренные глаза и взглянула на своего врага. Целая и невредимая.

Баррад Дарафалл отказывался верить своему глазу.

Девчонка пережила его проклятие. Ее поразила сама смерть, жар загубленных душ — а она даже не упала.

Невозможно. Немыслимо. Никто не смог бы превозмочь его чары!

Никто, кроме...

Ариста ощущала легкое головокружение, как от долгого бега в жаркий день. Под левой грудью пульсировал жар, будто туда приложили раскаленную в огне монету. Но в остальном она чувствовала себя сносно.

И это, учитывая обстоятельства, было просто невероятно.

Единственный глаз ее врага расширился в изумлении. Рот приоткрылся, челюсть задрожала от потрясения.

— Ариста, — позвал он со смесью благоговения и ужаса в голосе.

Откуда он знает ее имя?

Человек в черном шагнул к ней, как зачарованный. На его лице снова появилась улыбка — не холодного презрения, но удивленной радости. Как будто он встретил давно потерянного друга.

Только отработанный месяцами навык сражения вывел разум Аристы из хаоса смятения и непонимания. Взгляд ее сфокусировался на стеклянном глазе.

Не сложнее, чем метнуть диск в Окасту.

Ариста перехватила кинжал за лезвие и бросила вперед. Заточенная сталь просвистела в воздухе.

Острые кинжала расколото стекло, вошло в череп и вышло из затылка Баррада Дарафалла.

Чародей пошатнулся. Губы исторгли булькающий хрип. Прежде чем он упал, тело его охватило багровое пламя. Полыхнула вспышка, и кости, жилы, кожа рассыпались густым ворохом багровых искр, завитками черного дыма. Огненные останки устремились в небо. Алые язычки упали на палубу и быстро потухли.

Морок отступил, смех отца стих. Вернулась ясность мысли.

Ариста вздернула голову наверх, к главной мачте, где ее лучшая подруга спасалась от принца Хеменидов.

Тигона уперлась спиной в столб мачты. Смерть в человеческом обличье, улыбаясь, шла к ней. Восемь шагов. Семь.

Колени как студень, в горле сухо.

Шесть шагов.

— Не думал, что резать орифийских девок так интересно, — сказал Джохар на родном языке. Его не волновало, поняла ли его жертва. Он говорил это для себя.

Тигона собрала остатки мужества и встала с кинжалом в защитную стойку. Она, конечно, не выстоит против такого врага, но не умирать же покорной овцой. Свободная рука зависла на уровне пояса...

Пять шагов.

...пальцы нащупали что-то твердое в кармане доспеха.

Шар лазурного камня для игры в петтейю. Подарок нежданного любовника на ночь Тоскара.

Четыре шага. Джохар прокрутил скимитар в пальцах.

— Прощай, дикарка. Спасибо тебе за охоту.

В последней надежде Тигона метнула лазурный шар в лицо врага. Юноша поймал его

свободной рукой без всякого усилия.

Лезвие скимитара поднялось, готовое обезглавить жертву. Животный ужас и отчаяние охватили Тигону, в глазах потемнело от страха и...

...и вопль боли на два голоса разнесся над мачтой.

Лазурный шар в руке Джохара лопнул, разлетевшись раскаленными как в огне осколками. Они насквозь пробили ладонь принца, рассекли лицо, вонзились в обнаженную шею. В тот же миг на правой руке Тигоны проступил дымящийся бурый ожог, будто бы она сунула руку в пламя свечи. Ладонь пронзила жгучая боль.

От боли принц Джохар пошатнулся, и равновесие изменило ему. Неловко взмахнув руками, он сорвался с мачты и с пронзительным криком ужаса и неверия полетел вниз.

Ариста подняла голову как раз вовремя, чтобы поймать момент падения.

С высоты в двадцать локтей юноша в золотом доспехе рухнул на деревянные перила, отделяющие основную палубу от верхней площадки со штурвалом. Хребет его с тошнотворным хрустом переломился о твердое дерево. Из рта брызнули кровь и желчь.

Джохар, сын Аббаса, принц Хеменидов, висел над палубой вниз головой и смотрел на своих людей закатившимися глазами покойника.

Миг-другой на флагмане царила тишина.

Затем послышался звон. На палубу бросили меч.

Потом еще один, и еще, и еще.

В священном ужасе сыны имперских сатрапов бросали оружие, сдаваясь на милость орифик. Божественный наследник пал позорной смертью. Девушку из стана врага не берут чары. Несомненно, это знамение: блаженный Хемен бросил своего потомка и отвернулся от них. Продолжать бой значило бы навлечь на себя страшнейшие кары в этой жизни и после смерти. Один за другим юные воины побросали оружие и подняли руки.

Не веря своей удаче, уцелевшие девушки повернулись к Аристе. Надо было что-то сказать, разорвать эту нестерпимую тишину.

Ариста подняла к небу расцарапанный, залитый кровью кулак.

— Победа! Слава Орифии! Слава Стратегикону!

Девушки ответили дружными усталыми криками, боевыми кличами, свистом. Все, кроме Окасты. Та только смотрела на Аристу тяжелым взглядом, не говоря ни слова. В тот момент этого никто не заметил.

Формально битва продолжалась еще около часа. Принужденные остриями гладиев, вражеские воины подали сигнал огнем всему флоту: принц мертв, отступаем! Дважды повторять не пришлось: внезапная атака, взрыв и гибель вождя вызвали у сил вторжения смятение и страх. Никто не хотел продолжать дело, которому столь явно противился блаженный Хемен.

Флот под багровыми парусами повернул назад, на Восток, и помчался прочь от берегов Ладды. Он вез назад мрачный груз — тело принца Джохара.

Один корабль, правда, остался. Дочери Стратегикона выгнали обезоруженных врагов на шлюпки, развернули корабельные орудия вовнутрь и несколькими залпами пустили флагман на дно. Так распорядилась Ариста: будет урок Хеменидам, к тому же нельзя оставить врагу странные снаряды из черного стекла. С этим никто спорить не стал. При одном взгляде на эти матовые черные сферы, из которых то и дело слышался жалобный шепот, приходила мысль: им лучше лежать в самой глубокой бездне моря, где их никогда не коснется рука

смертного.

Потом, уже в лодках, был плач по погибшим сестрам, и крепкие объятия Тигоны, и светлая горечь победы, что досталась дорогой ценой.

А потом заговорила Окаста, и все рухнуло.

— Гракх, я должна сказать, — взгляд дочери капитана был суров и холоден. — Я и сестры, мы видели, что случилось.

— О чем ты говоришь? — нахмурилась Ариста.

— Чары одноглазого колдуна должны были сжечь тебя дочерна. Я сама ощутила их жар. Но на тебе ни царапины.

— Окаста, послушай, не надо... — осмелилась сказать Тигона.

— Нет! — Окаста вспыхнула, на щеках выступил румянец гнева. — Вы знаете не хуже меня: кроме богов, только виталофаги не боятся смерти! И Ариста Гракх точно не бог!

В лодке стало очень холодно. Все уцелевшие видели то же, что и Окаста. Первое опьянение триумфом прошло, и девушки осознали страшное значение того, что произошло на вражеском корабле. Белые стены спасенной Орифии приближались с каждым взмахом весла, и каждой сидящей в лодке невольно вспомнились суровые законы о виталофагии. Некоторые взглянули на Аристу, и в их глазах легко читалось воспоминание о казни на агоре и страшной груде останков перед кострищем.

Ариста взглянула в упрямые глаза Окасты. Гордая девушка, что была ей верным товарищем и злым врагом одновременно.

— Что же ты собираешься делать?

— Я дочь Стратегикона. Я не могу лгать, и не могу попать закон моей родины.

— Но хочешь?

— Больше всего на свете, — в глазах Окасты стояли слезы. — Сегодня ты мне больше чем сестра. Ты спасительница моего дома и матери. Я готова умереть за тебя.

Дочь капитана развернулась к сестрам. Ее голос дрогнул в злой, отчаянной мольбе.

— Прошу вас. Если сегодняшней подвиг Гракх что-то значит для вас, зарежьте меня и выбросите тело в море. Бой был жаркий, скажете, что я погибла в схватке!

Девушки побледнели. Никто не ответил.

— Это меньшее зло! — закричала Окаста. — Если я останусь в живых, я же выдам ее властям! Так велит долг! И долг не дает мне самой оборвать мою жизнь, она принадлежит Фаланге! Вы моя Фаланга, вы и возьмите ее у меня!

Молчание.

— Подлые трусихи! Бейте же! Бейте! Будьте вы прокляты!

Никто не пошевелился. Девушки смотрели на Окасту с испугом и жалостью. Радость победы оставила их.

Остаток пути прошел в гробовом молчании. Окаста плакала.

Глава 15. Суд

— Окаста, дочь Ио, солдат Стратегикона. Повтори архонтам то, что сказала мне.

Фрасимах Аттал откинулся в кресле с высокой спинкой и опустил серебряный жезл. Десять архонтов могущественного Совета не переглядывались, не шептались. Только смотрели на обвинительницу.

Окаста выступила вперед.

— Я видела своими глазами, о архонты, что моя подруга и товарищ Ариста Гракх владеет силой виталофагии. В бою она пережила смертельное проклятие колдуна Хеменидов. Все мы знаем, что лишь боги и виталофаги не страшатся смерти.

— Следует ли понять это так, — спросил один из суровых старцев-архонтов, — что ты требуешь кары для своей сестры по ремеслу войны?

— Никто не прославит смелость и ум Аристы Гракх больше, чем я, — в голосе Окасты звенела печаль. — Эта девушка спасла наш город, в ее честь стоит воздвигнуть статуи. Но мой первый долг — перед законом Орифии. Нет такой любви, ради которой я предала бы закон. И по закону Аристу должно судить как существо, противное богам.

— Пусть подойдет обвиняемая! — велел архонт Фрасимах.

Ариста вышла на середину зала в сопровождении стражи. После всех потрясений, когда город все еще пребывал без защиты богов, архонты опасались пугать народ публичным процессом. Суд проводили за закрытыми дверьми каменных палат. В темном круглом зале правосудия не было мебели, кроме десяти кресел архонтов. Не было и света, кроме тусклых лучей, проникавших через маленькие круглые окна.

— Ариста, дочь того, чье имя мы предали забвению! Признаешь ли ты правду в словах Окасты или же хочешь оправдаться?

Ариста подняла взгляд на суровых мужей перед нею.

В последние дни у нее было много времени подумать над этим вопросом. По возвращении в Стратегикон Окаста сразу отправилась к архонту Атталу, дать показания. Аристу закрыли во второй комнате оружейной — той, которую раньше занимала Тамриз. С ней хорошо обращались, приносили лучшую пищу, подруги могли навещать ее. Никто этого не сказал, но Ариста знала: им жаль. Всем сестрам жаль. Тигона все время плакала. Жаль было даже Окасте: за день до суда она тайком принесла Аристе разбавленного вина.

Но что это меняло? Закон есть закон. Ее будут судить.

Она может лгать о случившемся и притворяться, будто не было того, что было. Никто, кроме нескольких сестер, ничего ясно не видел. Это будет слово против слова. Возможно, она спасется.

А что потом? После случившегося ей не разрешат остаться в Стратегиконе. Значит, снова на улицы, наскребать на похлебку и жить, зная, что потеряла друзей и место, где она что-то значила. Снова стать проклятой Гракх, никому не нужной, всеми презираемой.

Солгать означает позор, но и надежду на выживание. Сказать правду означает смерть, и только смерть.

— Отвечай же! — приказал ей архонт.

Ариста выпрямилась, подняла голову.

— Окаста рассказала то, что видела. Я осталась жива, когда колдун Хеменидов ударил по мне своими чарами. Их мощи было довольно, чтобы раскалить мой доспех добела. Но я

выжила. Не знаю, каким чудом, и какая сила живет во мне.

Теперь архонты зашевелились. Кто-то в раздумье прижал к губам согнутый палец. Двое обменялись краткими замечаниями на ухо.

— Была ли ты отмечена милостью какого-либо бога? — спросил тучный архонт в правой части зала. — Быть может, наблюдала знамения, или на тебе были знаки, гласящие о покровительстве бессмертных?

— Только однажды. Хитрый Мегист привел меня к воротам Стратегикона. Больше я милостей от богов не видела.

Фрасимах Аттал подался вперед.

— Понимаешь ли ты, что значит твое признание? — голос его был полон гнева и скорби. — Если твое спасение не объяснить милостью богов, тогда...

— Остается признать, что я виталофаг, — ровным голосом договорила Ариста. — Логика велит заключить так. Я не вкушала человеческого сердца, но иных объяснений и сама я назвать не могу. Судите об этом как сумеете.

Полгода назад Аристе было бы страшно. Она знала, что стоит за этим признанием, каковы будут последствия. Полгода назад ей бы хотелось рыдать, браниться, проклинать судьбу.

Теперь же она просто устала. Устала от страхов и неизвестности. От мучительных вопросов, что она такое и кого признал в ней одноглазый колдун. На душе было тяжело, и жаль было, что рядом нет хоть одного близкого человека. Разве что Окаста, но какая же она близкая. Даже взглянуть в ее сторону боится.

По крайней мере, Ариста точно знала, чего она не хочет. Она не хочет больше лгать. И не будет. Отец и Стратегикон, каждый по-своему, объявили это правилом ее жизни. И сейчас следовать этому правилу было куда легче, чем выкручиваться, молить о пощаде или клясть свою долю. На душе было тяжело — но, по крайней мере, не было стыдно.

Головы архонтов склонились друг к другу. По полукругу высоких кресел прошел шепот. Совещание было недолгим.

Фрасимах Аттал поднял жезл.

— Поскольку нет свидетельств, противных словам Окасты, дочери Ио, и поскольку обвиняемая не отрицает высказанного против нее обвинения, Совет десяти признает Аристу из рода Гракхов виновной в богопротивном искусстве виталофагии! Если боги еще слышат нас, пусть будут свидетелями!

Архонт ударил жезлом в медный щит, поставленный подле. Гром от удара раскатился под сводами, и зал правосудия будто бы содрогнулся от тяжести страшного приговора. Иного ответа не последовало; слышать слова архонта было, похоже, некому.

Окаста уже некоторое время стояла беспокойно, вперив взгляд в пол, ожесточенно кусая губы. И в этот миг она не выдержала.

— Мудрые архонты! — вскричала она. — Не смею спорить с законным решением, но прошу о снисхождении в наказании! Ариста Гракх — это особый случай, она спасла меня и вас! Пусть ваша мудрость отыщет иную кару взамен обычной!

— Ты противоречишь себе, солдат, — заметил сухопарый архонт с высоким скрипучим голосом. — Не ты ли говорила, что закон Орифии для тебя превыше всего? Кто вправе менять его в угоду обстоятельствам?

Окаста замолчала, пристыженная, поймавшая себя в ловушку собственных слов.

Фрасимах Аттал обратил на Аристу взгляд, полный горечи и сострадания.

— Дитя мое. Закон суров, но в его пределах я могу помочь тебе. Проси у меня всего, что не противно закону. Даю слово, я исполню это.

— Благодарю, почтенный Аттал, — Ариста чуть наклонила голову. — Моя просьба такая: когда меня поднимут на костер и приготовятся зажечь его, пусть свободный гражданин сперва перережет мне горло.

— Понимаю. Ты хочешь облегчить страдания казни.

— Да, но не только. Пусть я виталофаг, но я также дочь Стратегикона. Я не хочу посрамить моих сестер и Фалангу, когда утрачу достоинство от огненной муки. А так, быть может, я не успею возродиться прежде, чем тело мое сгорит дотла. И я умру без криков и богохульств, сохранив честь места, которое я могла назвать домом.

— Ни слова больше! — воскликнул старый архонт. — Когда будет сложен костер, я сам принесу тебе легкую смерть! Пусть кровь твоя будет на моих руках, пусть на меня одного падет это зло — убийство спасителя полиса!

И в этот миг в соседнем зале, за тяжелыми дверьми, послышался шум.

Створки с грохотом распахнулись. Растолкав и оттеснив от дверей стражу, в зал вошло более десятка женщин и девушек в полном доспехе, в шлемах с гребнями из конского волоса. Фибулы со знаком Стратегикона блестели в полумраке. Солнечный свет ворвался в темный зал через раскрытые двери, брызнул прямо на кресла архонтов, заставив старцев зажмуриться и прикрыть лица ладонями.

Потрясенная Ариста всмотрелась в лица вошедших. Тут были ее товарищи, ее сестры по ремеслу — те, кого она вела в тот страшный бой на рыбацких лодках. Не мудрено, что она не признала их сразу. Теперь на них были не второпях надетые доспехи, а одежды Фаланги по всей форме, от начищенных поножей до парадных синих плащей. Позади них стояли наставницы и младшие командиры Фаланги — те, что уцелели в битве у храмов и на море.

— Привет, Ариста! — Тигона помахала ей рукой из второго ряда, для чего ей пришлось подпрыгнуть над головами соседок.

— Э...здравствуй, — Ариста ошарашенно махнула рукой в ответ.

Сера и ад, что здесь происходит?

Вперед выступила капитан Ио. Резня у храма оставила на правой части ее лица кривой шрам. Но женщина смотрела прямо и гордо, а золотое копьё на ее нагруднике грозно сверкало.

— Почтенные архонты! Мы слышали удар серебряного жезла и понимаем это так, что суд уже свершился. Так ли?

— Это так, — осторожно ответил Фрасимах; очевидно, он был в таком же замешательстве, как и Ариста.

— Прекрасно. Так вот. Орифийская Фаланга требует, чтобы Совет десяти изменил обычный в таких случаях приговор и присудил нашей сестре по ремеслу Аристе Гракх иное наказание вместо положенного!

Ариста пропустила удар сердца.

— Требуете?! — вскричал сухопарый архонт. — Никто не смеет ничего требовать от закона! Закон един для всех, на этом стоит наше свободное общество!

— Оно также стоит на уважении заслуг, доблести и верности каждого гражданина, какого бы звания и рода он ни был, — твёрдо ответила Ио. — Мы уповаем на вашу мудрость, мужи архонты. Но предупреждаю: если мудрость не побудит вас пересмотреть приговор, мы заставим вас силой!

Десять архонтов застыли в креслах с таким видом, будто капитан Фаланги сняла перед ними штаны. Угрожать Совету десяти расправой прямо в зале правосудия? Такое было немислимо со времен Лисистрата!

Но Фрасимах Аттал поднялся с места и встал во весь рост, холодный и неколебимый.

— Ты делаешь из нас тиранов, что отправляют на смерть других, но боятся за собственную жизнь. Ты ошибаешься, капитан. Больше мы не покоримся насилию. Если нам суждена смерть ради народа и закона, любой из Совета десяти примет её не колеблясь!

На губах Ио заиграла улыбка.

— Ради народа, говоришь ты. Бойцы Фаланги! — грянул командный голос. — Открыть внешние двери!

Когда четыре дюжих девушки отворили двери, ведущие из дворца правосудия на агору, до всех присутствующих донесся через два зала страшный грохот. Видно, добрый мастер строил дворец правосудия; пока двери были закрыты, шума с улицы и не было слышно.

Но теперь-то слышно было прекрасно. На агоре перед дворцом ревела толпа. Граждане Орифии свистели, топали, кричали, скандировали. От этого грохота Ариста захотела зажать уши; казалось, снаружи собрался весь полис.

И тут девушка поняла, что в этом гуле звучит лейтмотивом одно-единственное слово.

Гракх! Гракх! Гракх! Гракх!

Затем уши привыкли к шуму, из общего рокота выделились отдельные выкрики.

— Пощадить!

— Она моих сыновей спасла!

— Пусть высекут, а казнить не надо!

— Пощады! Пощады трижды проклятой Гракх!

Над криком и галдежом прорезался высокий козлиный крик старого знакомого, рыбака Солона.

— Проклятое отродье эта Гракх, как есть проклятое! Покарают меня боги, что прошу за неё! Только за неблагодарность покарают и того хуже, а она все ж таки за нас постояла! Пощады! По-ща-ды! — звонко заблеял Солон.

Капитан Ио повернулась к архонтам.

— Прежде чем идти сюда, мы обошли город и рассказали всем о том, что сделала Ариста. Люди знают, что дочери Стратегикона не лгут.

Фрасимах Аттал молчал. На лбу его залегли глубокие морщины; муж правосудия напряженно думал.

— Решай, Фрасимах. Решайте, мужи архонты. Должно ли следовать закону или принять волю свободных граждан?

«Пощады! Пощады!» — гремело на площади так, что стены дворца дрожали.

На ступенях дворца правосудия показалось две фигуры. Старик и девушка. Толпа притихла.

У Аристы голова шла кругом. Агора не вмещала это море человеческих тел. Все эти люди, которые сторонились ее и боялись, которые ненавидели ее за отца — теперь они славили ее, просили за нее, сотрясали ради нее агору. Ариста уже не знала, заплачет она в следующий миг от счастья или сойдет с ума.

Фрасимах Аттал окинул взглядом гигантское столпотворение на площади и простер жезл, требуя тишины.

— Свободные граждане! Внимайте слову Совета!

Тут и самые буйные замолчали. Стало так тихо, что слышен был крик чаек над гаванью.

— Совет рассмотрел дело Аристы, имя отца коей предано забвению. По свидетельствам и по ее собственной исповеди она признана виновной в богопротивной виталофагии! Орифия не может стерпеть столь темное и опасное искусство в своих пределах! По закону полиса Ариста Гракх должна умереть и умереть!

Гул несогласия раздался из сердца толпы. Он нарастал и взорвался бы яростным негодованием, но старый архонт поднял руку, давая понять, что еще не закончил.

— Ариста Гракх умрет для нашего полиса и нашей памяти! Завтра же она отправится в изгнание и никогда больше не войдет в пределы Орифии! Она унесет свой проклятый дар с собой и будет искать свою дорогу где ей вздумается! Имя же ее должно предать забвению и не позорить им наш честный город! Никогда, о свободные граждане, никогда вы и дети ваши не должны отныне забывать, что вы обязаны забыть Аристу из рода Гракхов!

Толпа стояла, обдумывая сказанное архонтом. Не все поняли истинный смысл последних слов Аттала. Но среди тех, кто понял, тут и там слышался одобрительный гул и смешки. Добрый ладдиец знает толк в логике. А важная часть всякой логики — парадоксы. И те, кто разгадал парадокс этого странного приговора — никогда не забывать, кого надо забыть — не сдержали понимающих улыбок.

— Совет сказал свое слово, — Фрасимах помедлил; учитывая последние события, говорить следующие слова при народе было тяжело и горько. — Если кто из бессмертных слышит нас, пусть будет тому свидетелем!

Старый архонт ударил жезлом о землю.

Ничего не случилось. Городу, оставленному богами, никто не ответил. Лица людей вновь помрачнели, толпа начала расходиться.

И вдруг под агорой прокатился могучий гул. Земля дрогнула, застонала. Толпа заколебалась и загалдела. Некоторым показалось, что у них под ногами, где-то в глубине земли, разгорается жаркое пламя.

К западу от агоры, на окраине города, раздался оглушительный грохот. Старый заброшенный дом, до которого никому не было дела, был в тот миг снесен начисто. Столп сияющего белого огня вырвался из-под земли и ударил в небо. Волна света прокатилась по весенней голубизне небес, и жаром и светом окатило всю Орифию.

Где-то под городом, в простой подземной пещере, языки белого пламени плясали на стволе оливы. Вечнозеленое дерево сгорело дотла, и столб священного огня пышным бутонем расцвел на его останках.

Снова, как и в былые эпохи, боги отозвались на справедливый приговор и мудрое слово смертных. Никто из граждан не знал, кто именно ответил на зов и вернул Орифии свою милость. В последующие месяцы мудрецам и ораторам предстояли долгие споры, молитвы и толкования знамений, чтобы верно понять случившееся.

Но каждый орифиец, от мудрейшего оратора до самого простого рыбака, ощутил в тот час тепло под ногами и одобрительный гул из-под земли. И каждому этого было довольно, чтобы понять главное: Орифия вновь под защитой.

В Стратегиконе пировали всю ночь. Капитан Ио приказала открыть особую комнату оружейной, которую всегда держали запертой. Вино всех полисов Ладды пошло по рукам. Капитан отдала особый приказ: юное пополнение Фаланги пусть пьет вино неразбавленным.

Заслужили.

Трудно сказать, чем был этот праздник: торжеством по случаю выпуска, победным пиром или тризной по павшим. Он был всем этим сразу, а еще вечером воспоминаний, временем потех — и прощанием. Никто об этом не говорил, но каждая девушка знала: утром одной из них здесь уже не будет. В тот вечер Ариста не слышала слов печали или разлуки, но каждая встреченная сестра пыталась ее чем-то порадовать: выпить по кубку, померяться силой, поплавать наперегонки в купальне.

На небе уже гасли звезды, когда воспитанницы и наставницы Стратегикона завалились спать, хмельные и счастливые.

Над Орифией занимался рассвет.

Ариста приоткрыла ворота и вышла на знакомую улицу. Взгляд упал на трещину в мостовой, о которую тогда, в другой жизни, разбилась злосчастная повозка. Ариста невольно улыбнулась.

Девушка взяла с собой очень немного. Кожаный походный доспех и удобные сандалии. Добрый заточенный гладий из оружейной. Вяленое мясо, хлеб и вода на неделю. Кошель с десятью оболлами — дневным жалованьем солдата Стратегикона.

— Куда теперь?

Ариста обернулась. Только сейчас она заметила Тигону. Подруга сидела, тихая и неприметная, на завалинке у ворот.

— В Нумию, наверное.

— Почему в Нумию?

— Мне нужны ответы, Тигона. Что я такое, откуда во мне та сила, вправду я проклята или как. Где-то в Ладде есть человек, который мне ответит. А в Нумии, я слышала, живут мудрейшие ораторы и философы.

— Понятно, — кивнула Тигона и поднялась на ноги.

Только сейчас Ариста заметила, что Тигона тоже одета по-дорожному. Даже лук и колчан взяла.

— Что значит понятно?

— Ну, в Нумию так в Нумию, — пожала плечами Тигона. — Идем?

— Тигона... здорова ли ты? Зачем тебе со мной? Хочешь бросить Стратегикон, службу?

Тигона осторожно подняла правую руку и показала подруге не заживший еще ожог на ладони.

— У меня тоже есть вопросы.

В следующие несколько минут Тигона поделилась с подругой своим секретом — внезапным даром ипсомантии, благодаря которой она убила чудовищного рака жертвенным блюдом и одолела принца Хеменидов простым мраморным шариком.

Наконец Тигона умолкла. Ариста помедлила с ответом, ошарашенная таким откровением.

— Но послушай. Даже если ты ипсомант, это не значит, что ты не можешь служить...

— Дело не в этом. Я никогда не была кем-то особенным. В бою не больно хороша. Не особо храбрая. И вдруг... Какой бог меня отметил? И почему меня? И почему сейчас? Смогла бы ты спокойно жить с такими загадками?

— Но...

— К тому же я и не гожусь вовсе для воинской службы. Я то трусиха, то храбрая. А

тут, — Тигона кивнула назад, на ворота, — надо быть храброй все время, всегда. Не могу я так. Мне по силам отвечать за себя да за ту, что рядом со мной.

Ариста открыла было рот, чтобы возразить что-то, отговорить подругу от долгих странствий. Но нужные слова не шли на ум.

В конце концов, она и сама идет невесть куда за ответами.

К тому же... после предательства Тамриз одиночество стережет ее подобно хищному зверю. Кто сказал, что в пути не пригодится добрая компания?

— Сера и ад. Ладно, уговорила.

Тигона просияла. Ее лицо на миг обрело то детское выражение, с которым она предложила когда-то Аристе свой суп.

— Ты не пожалеешь!

— Я думаю, мы обе еще пожалеем. Но завтра будет завтра.

Город едва проснулся, когда две девушки прошли по тихим улицам к главным воротам. Некому было окликнуть их по дороге, остановить или попрощаться. Бок о бок вышли они через городские ворота и зашагали по тракту, прочь из родного края.

Глава 16. Безмолвная

Тамриз мчалась что было сил по скользкой от крови палубе корабля. Запах гари бил в ноздри.

— Шевели задницей, Гракх, их здесь слишком много!

Все в порядке. Сестра прикрывает ее. Она успеет.

Успеет куда?

Нет-нет-нет. Она не Гракх, и она не на корабле. Она не может быть на корабле. Она вот уже несколько часов как в своих покоях, в опочивальне Тамриз Хеменид!

Но шум сражения звенел в ушах, и пот тек по спине.

Слепящая молния слетела с ладони Баррада Дарафалла и полетела к ней.

Чужой испуг прихлынул к горлу.

Ее и в то же время не ее рука подняла меч в тщетной попытке защититься.

Молния ударила ей в сердце.

Как жжет...

— Госпожа!

Прохладные капли воды брызнули на лицо. Тамриз открыла глаза. Холодный пот покрыл ее тело с головы до ног. Дыхание сбилось. Все тело ломило, как от удара.

В окна ее покоев струилось солнце. Вокруг столпились перепуганные рабыни.

— Я... в чем дело?

Рабыни потупили глаза.

— Говорите же! — срывающимся голосом крикнула Тамриз.

— У госпожи, верно, был припадок, — несмело выговорила одна из рабынь. — Госпожа закричала, упала... Мы кликнули лекаря.

— Не нужен мне лекарь, — хрипло прошептала Тамриз. — Вон его. Все вон!

Рабыни бежали, страшась гнева повелительницы.

Тамриз встала с пола, опершись рукой на спинку ложа. Рука ее дрожала, кончики пальцев покалывало.

Под левой грудью жгло, будто туда приложили раскаленную в огне монету. Когда Тамриз взглянула в зеркало, на коже уже проступил круглый алый след от ожога.

Мужчина подобрался перед прыжком.

Пластины его доспеха чуть слышно звенели при каждом движении. Руки сжимали боевой жезл с острыми клинками на обоих концах.

Воин из личной охраны отца бросился в атаку. Лезвия его жезла завертелись, как крылья мельницы. Каждый клинок был разом повсюду и нигде.

Раньше эти эффектные приемы приводили Тамриз в восторг и трепет. Но обучение у варваров не прошло бесследно. Теперь ей были видны линии ударов, траектории движений, хорды и диаметры боя. Это лишало схватку дикой красоты танца. Зато делало бой более предсказуемым.

Пресечь смертоносное вращение было просто, как начертить скимитаром линию в центр окружности.

Жезл противника распался, разрубленный пополам. Воин замешкался, заколебался. Но быстро схватил по клинку в каждую руку и снова перешел в наступление.

Острый угол. Прямой угол. Полукруг. Вертикальная линия. Движения скимитара были скупы и методичны. Каждое отнимало лишь малую толику сил. В былые дни в таком поединке Тамриз бы уже вспотела. Теперь же даже не сбилась с дыхания.

Один удар она все же пропустила. Воин пнул ее по лодыжке, она потеряла равновесие. Короткий клинок взмыл вверх, собираясь полоснуть ее по предплечью.

Тамриз выбросила руку и ухватила лезвие ладонью, как делал Джохар. Но в этом приеме не было глупой бравады брата. Только логический расчет действия. Воин растерялся на краткий миг, и этого мига Тамриз хватило, чтобы скимитаром порезать ему кисть. Он выронил второй клинок, и Тамриз тут же ударила его в живот голой ступней. Туда же, куда ее саму бил когда-то Джохар.

Стражник с хрипом отлетел на мраморный пол. Вставать в ближайшее время он явно не хотел и не собирался.

Аббас II Хеменид следил за схваткой тусклым холодным взглядом. Тамриз отбросила окровавленный клинок и гордо встала перед отцом.

— Твоя сила воистину возросла, дочь наша. Ты многому научилась у варваров. Даже неудачное дело принесло тебе пользу.

— Неудачу потерпел Джохар, да упокоит его праотец, — тихо ответила Тамриз. — Я выполнила повеление отца и владыки. Орифия была без защиты богов. Не моя вина, что Джохар поторопился с атакой.

— Осторожнее, дочь наша. Оскорбляя память брата, берегись, как бы не отправиться вслед за ним.

В словах императора было больше уязвленного самолюбия, чем скорби по сыну. Наследник, которого отец воспитал таким свирепым, бесстрашным, безжалостным, погиб и потерпел неудачу. А значит, неудачу потерпел отчасти и тот, кто его воспитал. Мысль о том, что и он виноват в поражении сына, что он ошибся как простой смертный, жестоко язвила Аббаса II. Узнав о разгроме, он рвал и метал, он повелел обезглавить начальников всех сбежавших судов. Но даже их кровь не залила муку уязвленной гордыни.

А между тем нелюбимая дочь стояла перед ним, исполненная какой-то новой уверенности и силы. С этим тоже следовало что-то сделать.

— Тем не менее, ты в чем-то права. Джохар оказался слаб. Ты же доказала свою верность и доблесть. Безмолвные примут тебя и обучат искусству смерти.

Тамриз грациозно пала на одно колено. Кровоточащую ладонь она сжала в кулак.

— Да славится милость отца и владыки! Но...

Вот он. Самый важный момент их беседы. Важнее боя с острыми клинками.

— Долг не велит мне остаться в империи. Пусть владыка позволит мне вновь отправиться в Ладду.

— В Ладду? — изумленно переспросил император.

— Да, владыка. Я отправлюсь тайно и неузнанной вернусь в край варваров.

— Зачем же?

— Я намерена пленить деву из рода Гракхов и доставить ее в империю.

При упоминании имени Гракх лицо императора искажил гнев: это вновь напомнило ему о позорном поражении. Вернувшиеся сатрапиды рассказывали какие-то дикие бредни о варварке, которую нельзя убить. Сперва Аббас подумал, что это глупая ложь, выдуманная трусами.

Но его дочь не была трусливой.

— Ты веришь в чудесную природу этой девки?

— Всецело, мой император. Сатрапиды говорят правду: она могла превозмочь чары и поразить колдуна Дарафалла.

— Но как?

— Думаю, владыка, она и сама в чем-то как Дарафалл. Только более естественна. Это не колдовское искусство. Это сама ее суть.

Тамриз молила блаженного Хемена, чтобы отец не заинтересовался, почему она так уверена. Ее связь с дикаркой, эти странные видения и знамения... Отец этого бы не понял. Принцесса и сама до конца не понимала. Могла только предполагать: это началось потому, что они с Гракх познали друг друга и смешали свою кровь.

Принцесса замерла, ожидая ответа отца.

— И ты считаешь, ее сила поможет нам в покорении Ладды?

Тамриз с облегчением выдохнула. Отец думал только об одном.

— Я уверена, что она даст нам куда больше, владыка. Ее сила, быть может, сделает род Хеменидов бессмертными. Нужно лишь захватить ее и убедить служить нам.

Глаза Аббаса зажглись алчностью. Тамриз и не представляла, насколько ее слова попали в цель.

Даже у величайших из людей есть тайны, которые нельзя открыть никому. Тайной Аббаса II была болезнь удушья.

Эта хворь мучила его последние три года. Он отходил ко сну в страхе и просыпался среди ночи с чувством, будто горло его забито конским волосом. Всякий день император тщательно следил за собой, боясь, что болезнь застанет его врасплох, и он проявит слабость в окружении подданных. Он добавлял в вино настойки горных трав, дважды в неделю парил тело в горячих водах, но все это помогало лишь на время. Вновь и вновь наступал тот страшный миг, когда воздух отказывался идти в легкие, и приравненный к богам владыка с беспощадной ясностью осознавал собственную смертность.

Дарафалл оказался пока что лучшим из его лекарей. Раз за разом его колдовские снадобья ослабляли хватку болезни. Но этого было мало. Жизнь императора продлевалась, но сознание собственной немоги и бессилия душило не хуже самой хвори.

Но теперь у него появилась надежда. Что если есть способ исцелиться наверняка? И не только исцелиться, но обрести истинную силу богов. Дар, не доступный еще ни одному Хемениду. Вечную жизнь.

Что если он, Аббас II, станет последним, бессмертным властелином империи?

Он стал бы равен самому Хемену...

Тамриз замолчала. Только бы не выдать волнения. Только бы он отпустил ее. Разлука с Аристой теперь, когда их связывала неведомая сила, была нестерпимо мучительной. Кошмары, видения, чужие мысли в голове. Хватит! Она должна снова увидеть эту дерзкую сероглазую варварку.

Должна быть с ней.

Должна владеть ею.

— Быть посему. Безмолвные подготовят тебя до холодов. В первый день зимы ты отправишься в тайное странствие в Ладду.

Тамризхватило хладнокровия, чтобы спокойно прижать кулак к сердцу.

— Я буду достойна доверия отца и владыки.

— Будь осмотрительна, дочь наша. Земли варваров все еще таят для нас много загадок.

— Пусть владыка не беспокоится об этом, — усмехнулась Тамриз. — У меня будет хороший проводник.

На самом дне Ямы терзался Баррад Дарафалл.

Когда кинжал девчонки вонзился ему в череп, тайные чары перенесли его с корабля во дворец покровителя. Он был мертв не более мига, но и миг смерти был отвратителен.

За минувшие годы Баррад Дарафалл умирал много раз и многими способами. И всякий раз, возрождаясь, он ощущал ненавистное чувство слабости. Будто бы с каждой упущенной жизнью он становился меньше. Менее сильным, грозным и значимым.

На этот раз он пожалел, что не остался мертвым дольше.

Ярость терзала Аббаса II, и он выместил ее на колдуне, посмевавшем вернуться с дурной вестью. Тот остался в живых потому лишь, что его снадобья ослабляли болезнь владыки, и император не мог себе позволить лишиться такого лекаря.

Дарафалла избили палками по животу и пяткам, а потом заковали голого в цепи на дне Ямы. Голова его была закреплена в стальном ошейнике так, чтобы он мог смотреть только вверх. На стене Ямы над ним повесили бурдюк с ядом песчаной гадюки и прокололи в нем дыру. Каждые пять ударов сердца вязкая капля яда падала из бурдюка на лоб чародея. Яд сжигал кожу, оставляя на лбу смрадную язву. Не успевала боль утихнуть, как сверху уже летела новая капля.

Так продолжалось три дня и три ночи.

Силы его иссякли в осаде Орифии; муки от яда было ничем не заглушить. Но в эти три дня мозг чародея жгло кое-что еще, пострашнее любой отравы.

Вопросы без ответа.

Неужели эта девчонка в самом деле Ариста? Неужто сила передалась ей? Что с ней стало после битвы? Где она сейчас?

Ответить было некому, и Дарафалл томился в своей личной преисподней, терзаемый болью, сомнением и неизвестностью.

Знакомые шаги. Кто-то идет вниз по каменным ступеням.

Не повернуть головы, не посмотреть, кто это.

— Уберите яд!

Принцесса. Вот как.

Бурдюк с ядом убрали. Тамриз посмотрела сверху вниз на бледную, нагую фигуру, прикованную к стене.

— Прекрасная Тамриз, — прохрипел Дарафалл. Несмотря на слабость и боль, чародей усмехнулся. — Я сказал бы, что мои тело и дух в твоей власти. Но, боюсь, то и другое сейчас не прельстит тебя.

— С началом зимы я вновь отбываю в Ладду.

Тон Тамриз вовсе не походил на тон той девушки, с которой Дарафалл беседовал месяцы назад. В нем прибавилось воли и жесткости.

— Мне нужен проводник по землям варваров. Можешь послужить мне своим знанием и искусствами. Или остаться здесь и гнить хоть до падения мира. Что выбираешь?

Выбирать было не из чего, и оба это знали. Просто принцесса хотела, чтобы он признал это первым.

— Силы моей жизни принадлежат принцессе, — просипел Дарафалл.

Тамриз подала знак. Двое невольников рассекли стальные обручи, и чародей рухнул на четвереньки к ногам своей новой госпожи.

— Прежде чем я дам тебе, чем прикрыть срам, — Тамриз наклонилась к нему и подняла за волосы, — слушай мой первый приказ.

Ты расскажешь мне все, что знаешь об Аристе Гракх.

Продолжение следует

Больше книг на сайте - Knigoed.net